

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ**

**Выпуск 6
В четырёх томах**

**Том 1
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

**Казань
ЮНИВЕРСУМ
2007**

УДК 72
ББК 030
У 91

*ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ*

Научный редактор: К.Н. Пономарев

Редакционная коллегия: М.М. Галимов, М.Д. Щелкунов, М.Х. Фарукшин,
И.З. Шахнина, О.И. Алеев, В.И. Зуев,
С.Н. Астахов, М.Н. Александрова

У91 Ученые записки Института социальных и гуманитарных знаний: В 4 т. –
Казань: Изд-во «Юниверсум», 2007. – (Вып. 6).

Т.1. – 2007. – 272 с.
ISBN 0-00000-000-1

Ученые записки Института социальных и гуманитарных знаний представляют собой сборник научных статей за 2006-2007 гг. в четырёх томах. В первый том включены статьи, посвященные фундаментальным и прикладным проблемам социологии, политологии, истории, педагогики, языкознания, философии и ряда конкретных наук.

Материалы сборника предназначены для студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников, специалистов в данных областях.

УДК 72
ББК 030

ISBN 0-00000-000-1 (т.1)

© Александрова М.Н., Астахов С.Н., составление, 2007
© Оформление. Издательство «Юниверсум», 2007

И.Р. Гафуров

доктор экономических наук,
глава администрации Елабужского района

Е.В. Куппер

кандидат социологических наук

А.Р. Гарифзянова

кандидат философских наук

ИЗМЕНЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РАЗРЕЗЕ МАЛОГО ГОРОДА (опыт мониторинга)

Начало 90-х знаменуется наступлением в России не только перестройки, но и периода длительной депопуляции, охватившей практически все субъекты федерации. Важно отметить, что это явление не новое в мире. С понижением численности населения столкнулись многие европейские страны, в частности, в таком режиме сейчас живут Германия, Франция, Чехия, Швеция и др. Демографическое будущее России, согласно данным за 2005 год, одно из самых худших в Европе, что не могло не обратить на себя внимания центральных властей. Прежде всего, в России самые низкие показатели рождаемости среди европейских стран, причем сейчас, по словам главного научного сотрудника Института социально-экономических исследований РАН, профессора Рыбаковского Л.Л., уровень существенно ниже, чем в предшествующие годы (к примеру, в 1970-е гг. каждая женщина репродуктивного возраста в среднем рожала 1,97 ребенка, в 1980-е гг. даже 2,04, в 1991 г. этот показатель сократился до 1,73, а в 2000 г. – до 1,21)¹. Другими словами, в

¹ Рыбаковский Л.Л. Демографическая политика // Социс. – 2005. – №7

России не происходит даже простого замещения поколений. Важно также отметить высокую смертность в стране (в 90-е гг. число умерших превысило уровень 80-х гг. на 4,9 млн. чел), затянувшийся экономический кризис многими специалистами называется главной причиной роста смертности в России.

В ежегодном послании Президента РФ В.В. Путина демографическая проблема названа приоритетной в государственной политике в социальной сфере и сегодня находится в фокусе общественного внимания.

На фоне российской действительности положение дел в регионах и особенно малых городах требуют отдельного осмысления.

С целью изучения демографической ситуации в провинции в 2003-2006 гг. мы провели социологическое исследование в типичном для Республики Татарстан городе Елабуга. Елабуга относится к малым городам России, население которого не превышает 100 тыс. человек. В городе насчитывается 28 тыс. домохозяйств, проживающих как в частных домах, так и в многоэтажной застройке. Здесь в равных пропорциях проживают русские и татары.

Анкетный опрос охватил 200 человек в возрасте от 16-55 лет. По этническому составу: 46% – русские, 47% – татары, 7% – другой национальности. По образовательному уровню: 23% опрошенных со средним образованием, 34% – со средним специальным, а 43% – с высшим образованием. В гендерном разрезе: 46% – мужчин, 54% – женщин.

В анкетировании среди опрошенных 30% – коренные елабужане, 15% – приехали из крупных городов РТ, из других городов РФ – 13%, а 42% респондентов – из деревни или поселка городского типа. Другими словами,

практически 70% опрошенных – приезжие и большая половина – из сельских районов. Лишь каждый третий (30%) – родился и живет в Елабуге.

Обратимся к статистическим данным (табл. 1). Очевиден факт, что резкий рост населения Елабуги связан с развитием реального сектора экономики региона.

Таблица 1

Динамика численности города Елабуга
(чел. в год)

Год	1939	1963	1973	1983	1990	2006
Кол-во проживающих	17 158	23 131	34 387	37 161	61 505	69 332

Таблица 2

Структура населения города в поло-возрастном разрезе

Структура	Кол-во чел.	%	Мужчин	Женщин
Общая численность населения	69 436	100%	32 068	37 368
В т.ч. меньше трудоспособного возраста	13 303	20%	6 784	6 519
Трудоспособного возраста	46 171	66%	22 344	23 827
Старше трудоспособного	9 962	14%	2 940	7 022
Планируется увеличение населения к 2009 г.	130 тыс.			

Так, за период 1960-2005 гг. Елабуга пережила две волны роста населения. Первая волна связана с открытием нефтяного месторождения в Елабужском районе, вторая – со строительством тракторного завода ПО «ЕлАЗ». В настоящее время ожидается третья волна и связана она с открытием Особой Экономической Зоны (ОЭЗ) в Елабуге. Планируется увеличение населения города в 1,5-2 раза и произойдет это за счет резидентов ОЭЗ и членов их семей.

В представленном исследовании нас более всего интересует, с точки зрения демографии, трудоспособная и репродуктивная части населения города Елабуги, что составляет примерно 60% населения.

Анализ полученных данных позволил выявить типичный образ елабужской семьи. Средний возраст вступивших в брак – это 23 года. Супруг или супруга, если и старше/младше друг друга, то в среднем на 3 года. Пары предпочитают законный брак, причем для большинства опрошенных – это первый брак. Важно отметить, что 53% респондентов состоят в законном браке, а лишь 5% – состоят в так называемом «гражданском браке». Большинство семей имеют одного или двух детей. Свыше 70% вступили в брак в возрасте от 22 до 24 лет, из них свыше 22% – имеют одного ребенка, 41% имеют двоих детей, 17% – троих и больше, и почти 20% – не имеют детей. Важно отметить общую установку респондентов на рождение ребенка сразу после замужества/женитьбы. Воспитанием детей в семье должны, по мнению респондентов, заниматься оба родителя – так считают 89%. А 79% считают, что заботиться о нежелательной беременности должны «обе стороны». В типичной елабужской семье, состоящей из трех человек, отношения складываются, по оценке самих респондентов, вполне благопри-

ятно. Большинство анкетированных не представляют семью без ребенка – к людям, решившим не заводить детей, относятся с сожалением.

Основными внешними индикаторами репродуктивных установок служат три показателя: среднее идеальное, желаемое и планируемое число детей. Проведенный опрос показал, что для 2/3 населения желаемое число детей в семье – 2 ребенка. Ожидаемое число детей, которое планируют респонденты иметь в своей семье к концу репродуктивного периода, является наиболее конкретным показателем. Для роста популяции необходимо увеличение процента семей, имеющих троих или более детей. Однако, согласно представленным данным, 60% респондентов сегодня не собираются заводить более двух детей. На вопрос: «Сколько детей вы собираетесь завести?» 12% ответили – одного, двух – 62%, трех – 15%, ни одного – почти 9% (данные 2003 г. существенно не отличаются от данных 2006 г.).

Анализируя данные опроса можно сказать, что в малых городах придерживаются традиционных взглядов на институт семьи – 60% живут в зарегистрированном браке. Однако динамика гражданских браков с каждым годом растет. Необходимо отметить, что к гражданским бракам положительно относятся свыше 46% опрошенных. Добрачные сексуальные отношения между партнерами одобряют 23% и столько же респондентов высказываются отрицательно – 22% и равнодушно – 20%. Большой процент «неопределившихся к добрачному сексуальному опыту супруги/супруга» – 37%, с учетом группы респондентов равнодушных, что составляет в целом больше половины опрошенных, может свидетельствовать или о терпимости, или размытости границ ценностных ориентациях среди опрошиваемой группы.

Число зарегистрированных браков, согласно информации по регистрации браков в Елабуге и Елабужском районе, динамично растет, а число разводов как бы «застыло».

Таблица 3

Динамика зарегистрированных браков и разводов
в г. Елабуга

Количество актов записи	2001	2002	2003	2004	2005
Брачных	344	566	601	622	797
Расторжение	319	384	523	467	305
Международные браки	168	190	191	193	246

Пик разводов приходится на 2003 г. – 523, в 2005 г. – наименьшее количество таковых было 311. Среди зарегистрированных браков растет число международных браков: так, в сравнении с 2001 г., в 2005 году их стало на 78 больше. Мы прогнозируем увеличение доли международных браков в связи с открытием в Елабуге ОЭЗ.

На улучшение демографической ситуации влияет много факторов, в т.ч. здоровье и образ жизни населения, качество предоставляемых медицинских услуг.

Свое состояние здоровья 57% елабужан оценивают удовлетворительно, а 30% характеризуют его как хорошее. Каждый третий респондент курит, 4% – употребляет наркотики, а 80% – в различных дозах алкоголь. Занимается регулярно спортом – 12-13%, никогда не занимались – 50% респондентов. Настораживает тенденция и в культуре питания: соблюдают диету 12% населения, употреб-

ляет свежие овощи и фрукты – 4%, каждый второй – не следит за своим питанием.

Уровень медицинского обслуживания в Елабуге удовлетворяет 2/3 населения, лишь каждый пятый оценивает его как плохое. В тоже время в контексте детности Елабужская центральная районная больница (ЕЦРБ) имеет современное медицинское оборудование для сохранения беременности и родовспоможения. И здесь не последнее место занимает репродуктивное поведение населения и культурные традиции.

Репродуктивное поведение – система действий, направленных на рождение определенного числа детей или отказа от их рождения. Исследование показало, что изучение тенденций репродуктивного поведения не определяется только социально-экономической ситуацией.

По данным ЕЦРБ за последние пять лет число родившихся и не родившихся детей имеет стабильную динамику.

Таблица 4

Динамика репродуктивного права

Год	2001	2002	2003	2004	2005
Число новорожденных	753	845	859	853	769
Количество абортов	1 112	1 333	1 316	1 351	1 349
Умерло	1 002	1 009	1 000	1 033	953
в т.ч. дети до 1 года	12	12	8	8	9
1-18 лет	9	6	5	9	5

Проанализировав представленные данные, можно отметить, что елабужские показатели рождаемости и смертности мало чем отличаются от общероссийских, т.е. с демографической позиции не происходит простого замещения поколений. В таком положении важность принятия каких-либо мер по стимулированию рождаемости населения в России очевидна не только демографам, но и властям. В связи с этим респондентам был задан следующий вопрос: «Как вы думаете, повлияют ли меры, высказанные В.В. Путиным в ежегодном Послании лично на ваше решение об увеличении семьи?». 52% опрошенных ответили – нет, 32% – затруднились ответить и лишь 15,8% – ответили положительно. В данном случае, можно с уверенностью сказать, что послание Президента РФ и обещанные меры по стимулированию рождения второго ребенка, в целом, не оказывает большого влияния на решение о расширении семьи.

Каковы же причины такого явления? Идентичны ли они общероссийским причинам нежелания иметь больше детей в семьях? Одной из причин низкого уровня рождаемости традиционно называют низкий уровень благосостояния населения. Если сравнить данные за период 2003-2006 гг., то среднемесячный заработок большинства респондентов значительно повысился, хотя важно учитывать и рост цен, и инфляцию: так, свыше 83% опрошенных в 2003 г. указали среднемесячный заработок от 1 253 до 3 753 руб., 86,6% опрошенных текущего года отметили среднемесячный заработок в пределах 7 916 руб. О повышении уровня доходов населения свидетельствует и тот факт, что в подобном исследовании за 2003 г. людей со среднемесячным доходом в размере 18 000 руб. вообще не было среди респондентов. В представ-

ленном исследовании в июне нынешнего года таких людей насчитывается свыше 6%. 84% респондентов идентифицируют себя как часть среднего класса. Если в исследовании за 2003 год к бедным себя относили 17,5%, то в 2006 г. – 10%. «Позволить себе приобрести дорогие вещи» могут 24,6% опрошенных в 2006 г., в 2003 году таких было всего лишь 6,5%. 43,7% участвующих в анкетировании имеют возможность «купить себе одежду и вещи длительного пользования». Не имеют своего жилья или имеют в собственности лишь комнату в коммунальной квартире – около 9%, большинство – это 75% – имеют благоустроенную квартиру или дом. Больше по сравнению с 2003 годом стало и людей имеющих личный автомобиль: с 54% их стало 62,2%. Важным моментом является и то, что средний возраст респондентов, когда появился первый ребенок, с 21 года повысился до 23, если сравнивать исследование 2003 и текущего годов. На вопрос «если случится так, что наступит нежелательная беременность, как вы поступите?», в исследовании 2003 года 29,6% ответили – рожать, в исследовании 2006 года количество ответивших также достигло почти 44%. Таким образом, можно сделать вывод, что население к вопросам, связанным с рождением детей, стало относиться более рационально и осознанно. Это подтверждается и тем, что 68% елабужан планировали появление ребенка (табл. 5).

Постоянна и динамика сексуальной грамотности населения: средства для предотвращения нежелательной беременности используют 48%, когда как, согласно прошлому подобному исследованию, их использовали 52%. В выборе средств контрацепции преобладают в основном механические способы защиты. Половая жизнь выходит далеко за пределы репродуктивной функции человека,

однако сказывается на качестве и уровне репродуктивного здоровья и поведения населения.

Таблица 5

Планировали ли Вы появление Вашего первого ребенка?

№	Варианты ответа	Чел.	% ответивших
1	Нет, все произошло случайно	64	19,63
2	Да, мы хотели иметь ребенка	222	68,10
3	Затрудняюсь ответить	40	12,27
	Итого:	326	100,00

Таким образом, на основе данных, полученных в социологическом исследовании, можно сделать следующие выводы:

- в провинции превалирует традиционных тип семьи, несмотря на некоторую динамику роста гражданских браков (незарегистрированных). 60-70% опрошенных состоят в браке или уже разведены;
- желательный возраст для вступления в брак 22-23 года;
- разница в возрасте между супругами 2-4 года;
- преобладает ориентация на среднететную семью, ожидаемое число детей в семье – 2 ребенка; большинство респондентов не собираются заводить третьего ребенка;
- рост благосостояния населения не является главным фактором в расширении семьи;
- в целом, репродуктивная часть населения живет в достатке и имеет желание и возможность иметь одного-двух детей, однако наблюдается тяготение к западному образу жизни;

- нужно отметить, что население стало сексуально грамотным: население склонно планировать появление детей и к вопросу рождения второго ребенка стало относиться более рационально;

- к возрасту 25-30 лет, когда в западных странах только начинает формироваться семья, 2/3 россиянок уже имеют семью и одного или двух детей.

- изменение в приоритетах центральной власти по улучшению демографии пока не нашло должного отклика у населения.

Происходящие события в стране сегодня говорят, что люди, прежде всего, стремятся к благополучию и стабильному существованию. И простая констатация причин ухудшения демографической ситуации – это лишь один из вопросов, нужно осознавать и то, к чему эта ситуация может привести. По прогнозам к середине настоящего столетия численность населения России может оказаться меньше 100 млн. человек. Исторический опыт показывает, что страна не может сохранить свои территории, если они слабо заселены и защищены. В таком положении важно принимать какие-то меры не только на федеральном уровне, но и на местах. Примеров стимуляции рождаемости и понижения смертности в регионах и на отдельных предприятиях – масса. Качественное мед.обслуживание (54% респондентов оцениваю его на оценку «три») плюс материальное поощрение, социальная реклама о средствах контрацепции, абортах – это лишь небольшие шаги к решению проблемы демографии.

А.Л. Салагаев

директор Центра аналитических разработок,
доктор социологических наук, профессор

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ВУЗОВСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Прежде, чем приступить к изложению основного содержания, хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний.

Социологи обычно занимаются тем, что ставят диагноз обществу и предлагают пути выхода из проблемных ситуаций и очень редко проводят рефлексию собственной деятельности и состояния профессиональной среды. Для того чтобы это сделать, нужна определенная смелость.

Поскольку Центр аналитических исследований и разработок, в рамках которого в настоящее время проводятся исследования различных социальных проблем, вырос из вузовской научной среды, развитие исследовательских социологических центров я буду рассматривать в рамках провинциальной вузовской социологии.

Периодизация развития того или иного явления, наряду с классификацией и типологизацией способствует лучшему пониманию сути происходящего. Сравнение современного этапа развития объекта с предыдущими позволяет очертить его основные контуры. Вместе с тем, периодизация сравнительно редко используется в социологических исследованиях. Мой тридцатилетний опыт совмещения преподавания в вузе и организации эмпирико-теоретических исследований позволяет сделать неко-

торые обобщения по развитию социологии в вузах одного из провинциальных городов России. Поскольку данная работа является результатом рефлексии автором своего профессионального опыта, ее временные рамки ограничены тремя десятками лет (1975-2005). Материалом для статьи является крупный промышленный город, в котором функционирует 15 государственных, 12 негосударственных вузов и филиалов российских вузов и 3 ведомственных вуза, находится один из старейших классических университетов России, котором в начале 1960-х годов в числе первых образовалась социологическая лаборатория.

Российская социологическая традиция XIX – нач. XX веков, как известно, была прервана в период культа личности, поэтому периодизацию современной вузовской социологии целесообразно было бы начать с конца 1950-х – нач. 1960-х годов. Романтические представления первых социологов и их во многом драматические судьбы описаны в работах В. Шляпентоха, А. Здравомыслова, Ю. Левады, Г. Осипова и других.¹ Однако значительно меньше внимания уделено развитию вузовской социологии. Остановимся подробнее на второй половине первого периода, время начала профессиональной карьеры автора.

В первый период развитие вузовской социологии происходило под пристальным вниманием и жестким контролем ЦК КПСС и региональных партийных органов. Немалую роль здесь играло Министерство высшего

¹ Здравомыслов А.Г. Вехи научной биографии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т.1. – №3; Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. – М.: НОРМА, 2002; Шляпентох В.Э. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. – СПб: Изд-во журнала «Звезда», 2003

образования СССР, которое активно проводило линию партии.

В 1954-1985 гг. министром высшего образования СССР был В.П. Елютин (1907-1993), который всячески препятствовал развитию социологии как учебной и научной дисциплины. Вплоть до 1991 года социология не преподавалась. Очень характерно высказывание министра на собрании по выдвижению его в депутаты Верховного Совета СССР в 1984 году в ответ на мою записку из зала: «Нет такой науки социологии, есть только социологические методы!»

Вместе с тем, с начала 1960-х годов при кафедрах научного коммунизма начали возникать хоздоговорные социологические лаборатории. Они выполняли заказы предприятий по составлению планов социального развития, изучали текучесть кадров, адаптацию новичков, социально-психологический климат в коллективе и т.п. Можно назвать руководителей таких лабораторий: Н.А. Аитов (Уфа), Е.Ф. Малевич (Куйбышев), М.А. Нугаев (Казань), З.И. Файнбург (Пермь), Л.Д. Коган (Свердловск). Всего в тот период в СССР было несколько сот социологов-исследователей. И практически все они друг друга знали лично или по публикациям. Однако эти лаборатории существовали вне учебного процесса в рамках научно-исследовательских секторов вузов и прямого влияния на учебный процесс не оказывали.

Второй период начинается с 1988 года – выхода известного постановления ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества»¹. Был снят запрет на раз-

¹ Постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» от 07.06.1988 // Известия ЦК КПСС, 1989. – Вып. 4. – С.15

витие теоретической социологии, подверглось осуждению партийно-политическое вмешательство в развитие социологии. Был поставлен вопрос о развитии социологии как самостоятельной дисциплины и использовании социологических исследований при решении задач социально-экономического развития страны. В этот период при кафедрах научного коммунизма повсеместно стали создаваться лаборатории по изучению общественного мнения для региональных партийных органов. Наиболее популярными темами опросы о мнении населения о решениях XXVII съезда КПСС, об отношении к пьянству и алкоголизму, преступности и т.п. Госкомитет СССР по высшей школе принял Программу «Общественное мнение», при Госкомитете был создан Головной совет программы, возглавляемый первым заместителем Председателя Госкомитета Ф.И. Перегудовым (1931-1990). Было определено 12 направлений программы и определены базовые лаборатории в вузах. Одним из исследований, в котором всесоюзная выборка составляла 15 000 учащихся, был проект «Профессиональная и ценностная ориентация школьников в рамках непрерывного образования и демократизации школы» (1988), где наряду с автором участвовали Гурьева Л.С. (Томск), Бурова С.Н. (Минск), Иудин А.А. (Нижний Новгород), Овсяников А.А. (Москва), Прошкин Б.Г. (Кемерово).

Самым драматическим для развития вузовской социологии оказался третий период, начинавшийся в 1991 году. Прекращение бюджетного финансирования социологических исследований и хоздоговорных работ поставило социологов в очень сложное положение, многим пришлось уйти из профессиональной сферы. В то же время переименование кафедр научного коммунизма в кафедры социологии и политологии привело к массовому

притоку в социологическое сообщество бывших «научных коммунистов», со своими догматическими взглядами и представлениями¹.

Именно на этот период приходится институционализация современной вузовской социологии: создание отделений социологии и ученых советов по защите диссертаций по различным социологическим специальностям.

Если в предшествующие периоды эмпирико-теоретические исследования поддерживались преимущественно прогрессивными зав. кафедрами научного коммунизма Е.Ф. Малевич (Самара), З.И. Файнбург (Пермь), то сейчас наряду с социологически мыслящими учеными работает множество преподавателей придерживающихся старых догм. Они оправданы от перестройки, консолидировались и задают тон на многих кафедрах социологии.

Автором был проведен анализ стенограмм обсуждений и заключений по кандидатским диссертациям по социологии, принятых на одной из кафедр социологии. По приведенным высказываниям можно судить об уровне «профессионализма» рецензентов:

«Общество – саморегулируемая система, поэтому политика не может влиять на общественные отношения» (ж., профессор, 55 лет, 2004 г.). В данном случае «склеены» два положения. Действительно общество саморегулируемая система, но нельзя отрицать и влияния политики на общественные отношения.

«Группировки – не социальные группы, а асоциальные» (ж., профессор, 55 лет, 2002 г.). *«Коррупцию и криминал нельзя рассматривать в качестве социокультурной среды организации. Коррупция не социокультурное*

¹ Исключения составляли Московский, Ленинградский и Новосибирский университеты, где уже существовали отделения социологии.

явление» (она же, 2005 г.). Здесь прослеживаются остатки старых догматических представлений времен научного коммунизма, когда только положительным явлениям придается статус «социальных», а все отрицательные явления рассматривались в качестве асоциальных явлений, «пережитков капитализма».

«Коррупция – социокультурное явление, но не институциональное» (м., профессор, 71 год, 2005 г.). Здесь нужно вспомнить определение социального института, как социального явления, которое в виде нормы закреплено в культуре и поэтому является устойчивым и воспроизводимым в социуме. Это тот же догматический взгляд «времен Очакова и покоренья Крыма», когда «негативным» явлениям не придавался статус институциональных, они считались просто «пережитками».

«Вы используете понятие «рамка» интеракциониста Ирвинга Гофмана, а работаете в структурно-функциональном подходе! Такое совмещение недопустимо!» (ж., профессор, 55 лет, 2004 г.). Рамочный анализ перерос рамки интеракционизма, он, как и некоторые другие средства научного исследования, используются в самых разных различных науках. В качестве примера можно привести принцип дополнительности Нильса Бора. Сформулированный физиком, он используется и в общественных науках.

«Горизонтальное расслоение – это социальная дифференциация, а вертикальное – стратификация» (ж., профессор, 55 лет). Дифференциация в переводе означает разделение, расслоение. Оно может быть как вертикальным, так и горизонтальным.

«Науки различаются не предметами, а методами» (ж., профессор, 55 лет). Все как раз наоборот, методы, разработанные в одной науке, могут использоваться в

других науках, а если в какой-то дисциплине не сформировался научный предмет, то она не может претендовать на статус науки.

Все эти высказывания можно было бы отнести к разряду анекдотов, если бы эти устаревшие догмы не навязывались аспирантам в качестве «методологических» оснований для их диссертаций. Причем для получения положительного заключения кафедры необходимо «исправить все замечания». Данное явление известно давно и в словаре Ожегова определено как «мракобесие» – навязывание старых догм силой власти.

Логическим завершением догматизма и мракобесия является травля инакомыслящих, ученых придерживающихся других точек зрения.

Когда в одном из вузов кафедра научного коммунизма была переименована в кафедру социологии, туда пришел кандидат философских наук, редактор молодежной газеты, ученик известного советского социолога Н.А. Аитова, назовем его Н. Он был увлечен эмпирическими исследованиями, организовал на кафедре кружок по прикладной социологии, вместе со студентами проводил массу опросов.

Н. был бодр, энергичен, отличался непосредственностью. Его нередко можно было видеть с кипой анкет в руках. За свою независимую позицию Н. стал подвергаться систематической травле и унижениям со стороны заведующего кафедрой, бывшего историка КПСС. Когда Н. исполнилось 60 лет, его стали выпроваживать на пенсию. Зав. кафедрой отобрал курсы, начались придирки за мелкие оплошности. Жизнь его окончилась трагически. После очередной проработки, погруженный в свои мысли и переживания он переходил дорогу и не заметил проезжающей машины... Через несколько дней Н. скончался

в больнице, не приходя в сознание. После похорон вдова, дочь и другие родственники прервали с кафедрой всяческие отношения.

Можно привести еще несколько проявлений травли инакомыслящих на кафедрах социологии. Один мой знакомый профессор А., отличается непосредственностью и тонким чувством юмора. От него можно нередко услышать меткое высказывание, шутку. Но когда я пришел на обсуждение диссертации, на кафедру социологии, где он работает, я его не узнал. На трибуну вышел человек, который дрожащим голосом, заикаясь, стал читать текст рецензии. Позже из беседы с ним я узнал, что в течение пяти лет он подвергался травле, только за то, его взгляды расходились с точкой зрения заведующего кафедрой. Он значительно моложе заведующего и тот видел в нем конкурента. Все пять лет он обсуждал на кафедре свою докторскую, пока не достиг пенсионного возраста. Только тогда, когда он стал не опасен, ему дали положительное заключение.

Таким образом, мракобесие и травля инакомыслящих являются логическим продолжением догматизма. Если догматики занимают доминирующие позиции, они неизбежно начинают навязывать свою точку зрения, а если встречают сопротивление, начинается травля.

Догматизм и мракобесие имеют еще три следствия: невозможность организовать на кафедре выполнение реальных исследовательских проектов, написание и защита беспроблемных выхолощенных диссертационных работ и отбор авторов этих диссертаций для работы на кафедре.

Носители устаревших догматических представлений не имеют шансов выиграть какой-либо тендер на выполнение госзаказа, исследования для коммерческой фирмы или гранта. Даже, если на кафедре найдутся два-

три способных ученых, остальные неспособные к исследовательской работе просто не дадут им работать. Поэтому реальные исследователи, работающие на кафедрах, как правило, реализуют свои способности где-то на стороне.

Поскольку научными руководителями диссертаций являются ученые, придерживающиеся догматических взглядов, то в ходе обсуждений все новые мысли аспирантов просто выхолащиваются. Основное правило, которым руководствуются кафедры социологии при допуске диссертаций к защите можно сформулировать так: основные положения диссертации должны быть новыми, но хорошо известными. Поэтому защищается множество беспроblemных работ, где не только во введении отсутствует раздел «проблема исследования», но и в работе в лучшем случае просто описывается, часто в апологетическом ключе, какой-либо практический опыт, например, опыт деятельности органов государственной власти и управления. Нередко диссертации носят откровенно реферативно-компилятивный характер. Можно встретить и плагиат. Все это становится возможным еще и потому, что кандидатские диссертации поступают прямо в Российскую государственную библиотеку минуя ВАК.

Вместе с тем, нет надежды, что со сменой поколений догматизм сойдет на нет, поскольку среди выпускников вузов и оканчивающих аспирантуру на кафедры отбираются только те, кто отвечает требованиям поколения догматиков. Естественно, что это уже не догматики, а конформисты, которые просто не имеют своей точки зрения, а придерживаются общепринятой на кафедре. Не нужно говорить о том, какой они могут внести в науку социологию.

Вместе с тем, ситуация не настолько безвыходная. Альтернативой сложившимся академическим бандам (термин американского исследователя Шерифа) могут быть независимые исследовательские центры, которые сейчас создаются вне стен вузов. Их преимущества очевидны:

1. Свобода от устаревших представлений и догм. Данные центры не имеют гарантированного финансирования, они работают по заказам государственных органов, корпораций и выполняют исследования на деньги российских и зарубежных фондов, выделяющих деньги на конкурсной основе. Поскольку все теоретические разработки проверяются практикой, то здесь просто не может быть места догматизму.

2. Упрощенная форма приема на работу, когда основная часть работников оформлена по временным контрактам или включена в состав ВТК.

3. Низкие накладные расходы выполняемых работ, т.к. нет громоздкого бюрократического аппарата, который нужно содержать. Руководители подобных центров непосредственно участвуют в написании аналитических отчетов, редактируют тексты и т.п.

4. Простота принятия решений. Для принятия решения не требуется большого количества согласований. Решения принимаются, как правило, на совещаниях, где присутствует руководитель центра и 2-3 заинтересованных работника (руководитель полевого отдела, руководитель аналитического отдела, бухгалтер).

Примерами подобных центров могут служить Институт независимых исследований в г. Санкт-Петербурге (директор к.ф.н. В. Воронков), Исследовательский центр «Регион» в г. Ульяновске (директор д.с.н. Е. Омельченко), Центр аналитических исследований и разработок в

г. Казани (директор д.с.н. А. Салагаев), Фонд социальных исследований г. Самара (директор, к.с.н. В. Звоновский) и др.

Таким образом, на наш взгляд, магистральный путь развития социологической науки в провинции будет идти не через вузовские кафедры социологии, а через независимые социологические центры, где могут работать также и преподаватели, имеющие интерес в исследовании реальных общественных проблем.

Л.С. Астахова

кандидат социологических наук
доцент КГУ, КФ РМАТ

Я.В. Бухараев

кандидат исторических наук

РОЛЬ И МЕСТО СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫМИ ОБЪЕКТАМИ

Длительное время прогнозирование, как специфический вид научного анализа, находило весьма широкое применение либо в области мистической, как вариации астрологии (астрологические прогнозы и по сей день волнуют умы наших сограждан), либо в области естественных явлений (прогноз погоды, паводков, урожайности и т.д.). Однако ныне прогнозирование охватило самые различные сферы деятельности людей: государственное управление, политику, международные отно-

шения, экономику, научно-технический прогресс, демографические и социальные процессы, образование и т.д.

В прошлом попытки социологии предсказать будущее не увенчались успехом. Универсальных законов общества, благодаря которым можно было бы спрогнозировать поведение тысяч людей, так и не было создано. Естественно, что интерес к будущему вытекает не только из научно-теоретических интересов, но и из непосредственной и острой практической потребности сегодняшнего дня. Необходимость предвидения вероятного исхода событий в будущем никогда прежде не была столь насущной, как сейчас. Это, прежде всего, связано с бурным развитием интеграционных процессов, высокими темпами научно-технического прогресса и многими другими явлениями современности. Предвидение событий дает возможность заблаговременно подготовиться к ним, учесть их положительные и отрицательные последствия, а если это возможно – вмешаться в ход развития, контролировать его, и что более важно – работать для претворения в жизнь одной из выявленных альтернатив будущего. Предстоящие крупные сдвиги в области науки, техники, социальных отношений, отдаленные от нас на десятки лет, в той или иной мере коренятся в событиях сегодняшнего дня. Решения, особенно решения в области государственного управления, принимаемые сегодня, опираются на оценки развития явлений в будущем; в свою очередь они в большей или меньшей степени воздействуют на это будущее.

Сложность феномена социальной сферы жизни общества вовсе не устраняет необходимость в прогнозах. Напротив, государственное управление социальной сферой требует предварительного анализа последствий принимаемых решений, возможного только в рамках соци-

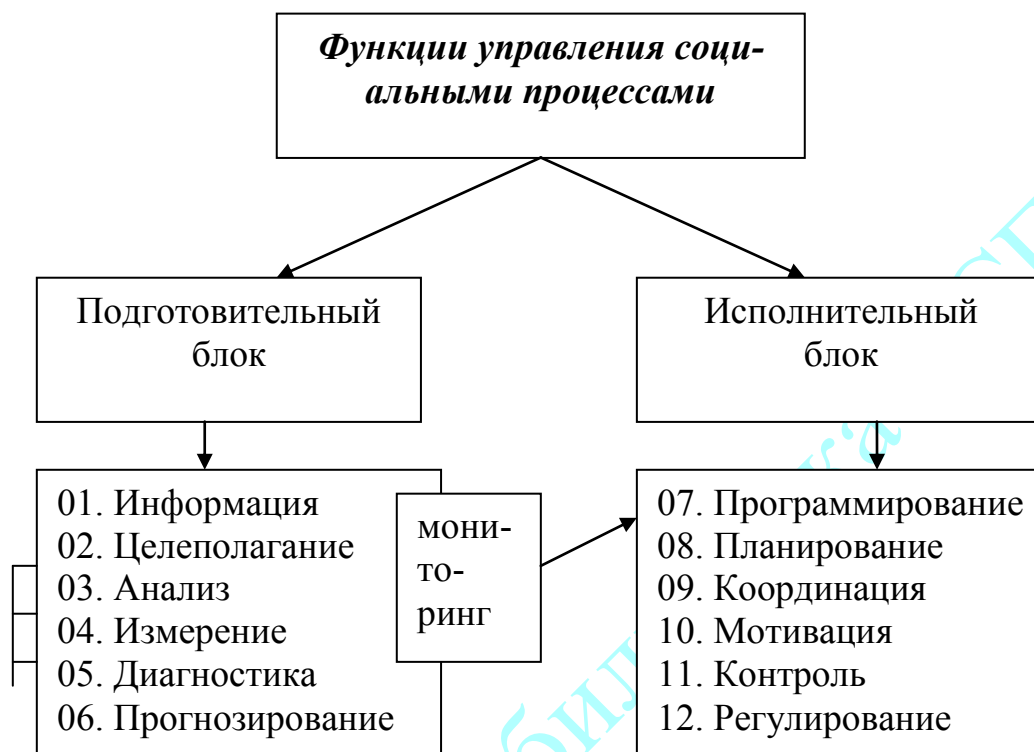
ального прогнозирования. Всякий социальный план осуществляется в условиях, отдельными элементами которой мы не можем полностью (погода) или частично (некоторые явления международной жизни, демографические процессы) управлять, т.е. изменять в соответствии с целями и задачами своей деятельности. Таким образом, имеется целый ряд явлений и процессов, непосредственно не охватываемых социальными планами и вместе с тем существенно влияющих на развитие государства. Разрабатываемые для таких процессов прогнозы позволяют более точно учесть влияние действующих или назревающих тенденций в различных областях деятельности человека.

Итак, знакомство с основами социального прогнозирования – насущная необходимость каждого государственного и муниципального служащего. Прогнозирование – суждение о состоянии какого-либо явления в будущем, в той или иной степени свойственно каждому человеку, каждой личности. Однако именно адекватное представление последствий осуществляемых действий и принимаемых решений необходимым образом должно отличать «государева человека» в глазах населения.

Исходя из общепринятых понятий теории управления, социальное прогнозирование или прогнозирование состояний социальных объектов играет ключевую роль в системе управления социальными процессами как связующее звено среди объективно необходимых функций подготовки и реализации соответствующих решений (см. схему ниже)¹.

¹ Задействована схема Слезингера

Схема

Функции управления социальными процессами составляют в совокупности единую систему согласования и функционального разделения действий органов управления различных уровней. Необходимо помнить, что в региональном аспекте основную роль играет социальная доминанта развития общественных систем, поскольку регионы создают предпосылки для всестороннего развития индивида, используя для этого социальные нормы. Проблемы прогнозирования социального развития регионов Российской Федерации необходимым образом вытекают из необходимости научно обоснованного учета при прогнозировании региональных пропорций.

Итак, непосредственно о функциях. Функции подготовительного блока носят исследовательский и аналитический характер. К их числу относятся шесть функций.

Первая – информация – включает получение текущих статистических и аналитических данных о динамике социальных процессов на соответствующем уровне мониторинга, а также ознакомление с новейшим опытом и тенденциями в этой области.

Вторая функция – целеполагание – заключается в установлении системы конкретных целей социального развития применительно к определенному календарному периоду, исходя из обще социальной цели – повышения качества жизни и ее компонентов роста благосостояния населения, обеспечения его безопасности социальной справедливости.

Третья функция – анализ – предполагает изучение и обобщение полученной информации о динамике социальных процессов в сопоставлении с соответствующими целевыми индикаторами.

Четвертая функция – измерение – предусматривает создание и совершенствование системы социально-экономических показателей (индикаторов) и методов их количественной оценки.

Пятая функция – диагностика – состоит в подготовке выводов и общего заключения (типа аудиторского) по существующему состоянию и уровню социального развития с определением позитивных и негативных факторов, оказавших на него влияние. Последние три функции – анализ, измерение и диагностика – осуществляются при проведении мониторинга или предшествуют прогнозированию.

Шестая функция – прогнозирование – заключается в разработке и обосновании возможных вариантов ожидаемых изменений социальной ситуации и их последствий под воздействием внутренних и внешних факторов. Тем самым прогнозирование завершает подготовительный

блок функций управления социальными процессами, что предполагает решение задач прогнозирования в комплексе со всеми предшествующими функциями путем разработки соответствующих технологий их выполнения.

С другой стороны, прогнозирование является основой осуществления исполнительного блока функций (с 7-й по 12-ю), которые носят программно-управленческий характер: седьмая – *программирование* (т.е. разработка программ социального развития), восьмая – *планирование* (составление планов осуществления мер, предусмотренных программой), девятая – *координация* (оперативное согласование деятельности участников программы), десятая – *мотивация* (обеспечение заинтересованности участников программы), одиннадцатая – *контроль* (мониторинг хода выполнения программы), двенадцатая – *регулирование* (внесение оперативных изменений в ходе выполнения программы).

Следовательно, о качестве и эффективности разрабатываемых прогнозов социального развития можно судить по реализации основанных на них программ.

Прогнозирование, таким образом, с одной стороны есть предсказание будущего характера процессов на основе информации об их протекании в прошлом и настоящем. Однако, с другой стороны, прогнозирование – это и форма выражения стратегии управления во всех социальных системах. Поскольку социальные системы по своей сущности являются наиболее неопределенными, вероятностными системами, сам по себе процесс социального прогнозирования – вероятностный процесс.

Итак, метод прогнозирования, в отличие от расчётов жёстко детерминированных явлений (например, солнечных и лунных затмений), с одной стороны, и ненаучных прорицаний – с другой, отличается вероятностным под-

ходом к предметам исследования. В связи с этим необходимо отметить, что нередко используемое словосочетание «вероятностное прогнозирование» является содержательно избыточным.

И.Н. Федоров

зам. директора КФ ИСГЗ

ИСТОРИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЕМИНАРОВ В НЕМЕЦКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В начале XIX века Пруссия столкнулась с очень серьезными внутренними и внешними проблемами. Самой серьезной внешней проблемой была война с наполеоновской Францией, закончившаяся, как известно, не в пользу немецкого государства. Прусскому королю Фридриху Вильгельму пришлось решать и трудные внутренние вопросы. Поражение в войне с Францией показало слабость прусского государства, были необходимы серьезные реформы во многих областях жизни. Одним из направлений реформаторской деятельности стало образование.

Традиции классического университетского образования в Германии были достаточно сильны. На территории тогдашней Пруссии существовали несколько старейших университетов: в Грейфсвальде, основан в 1456 г., в Кенигсберге, основан в 1544 г., в Галле, основан в 1694 г., во Франкфурте-на-Одере, основан в 1506 г., переведен в Бреслау. Плохо было то, что многие университеты, особенно провинциальные, находились в запусте-

нии из-за недостатка средств. Положение не спасало даже то, что в них преподавали величайшие ученые Европы. Например, И. Кант, всю жизнь посвятивший Кенигсбергскому университету.

Именно оттуда и началась реформа образовательной системы Пруссии. В 1808 году прусский двор переселился из Берлина в Кенигсберг. В Кенигсберге начал преподавательскую деятельность философ И. Фихте. Его лекции в университете имели яркий патриотический характер, и нашли очень много сторонников вне стен учебного заведения. Патриотические и реформаторские идеи Фихте нашли поддержку у известных ученых и государственных деятелей того времени: Г. Шарнхорста (1755-1813), Н. Гвейзенау (1760-1831), Т. Шёна (1773-1856), К. Штейна (1757-1831), Г. Николовиуса (1767-1839).

Под воздействием этого круга государственных деятелей король Фридрих Вильгельм провозгласил программный тезис: «Государство должно духовной мощью возместить то, что оно потеряло физически». При деятельном участии сторонников обновления в Кенигсберге были разработаны новые законы, призванные преобразовать страну в политической, общественной и военной сферах при незыблемости принципа наследственного монархического правления. Теоретическую основу реформ составили идеи Французской буржуазной революции, либеральное английское экономическое учение Адама Смита, переработанное к прусским условиям Христианом Краусом, просветительские идеи И. Канта. Реформаторы разделяли принципиальное положение Фихте и Зюверна о том, что в основе реорганизации государства должна лежать реформа системы образования.

Реформы касались каждого гражданина, и их воплощение могло быть успешным только в соответствен-

но подготовленном обществе. Именно поэтому реорганизации системы образования от начальной школы до университета придавалось первостепенное значение. Идейным отцом программы обновления системы образования был Вильгельм Гумбольдт (1767-1835), человек всесторонне образованный и одаренный, – государственный деятель, философ, критик, филолог, поэт и переводчик. Он был старшим братом выдающегося ученого-энциклопедиста и путешественника Александра Гумбольдта (1769-1859). В 1809 г. Вильгельм Гумбольдт возглавил департамент просвещения и культов, и в значительной степени благодаря его усилиям в 1810 г. был открыт Берлинский университет.

Реформу системы образования в Пруссии В. Гумбольдт проводил в соответствии со своей концепцией иерархического единства всех ступеней образования – от начальной школы до университета – и неразделимости обучения и научного исследования в высшем звене этой иерархии – университете.

Одним из направлений реформы высшей школы было создание в университетах семинаров – специализированных отделений, призванных решать вопросы научно-практической подготовки студентов, их научно-исследовательской работы.

Специальные семинары сыграли важную роль в развитии естествознания и математики. Семинары как институт для практических занятий, дополняющих лекционный теоретический курс, существовали в немецких университетах уже в XVII в. Сначала они предназначались преимущественно для подготовки проповедников, затем, со второй половины XVIII в., в семинарах стали готовить также учителей средних школ, и педагогические семинары получили широкое распространение. По мере

того, как в работе университетских профессоров расширялась исследовательская функция, в деятельности семинаров постепенно начали проявляться элементы научно-исследовательского характера. И только в XIX в. в немецких университетах появились семинары, в работе которых главное место занимали научные вопросы. Занятия в них проходили в форме живой дискуссии на очередную тему между членами семинара – учителями и учащимися, в форме практических упражнений, решения задач, ос новых методов или приборов и т.п. Таким образом, семинары сохраняли и образовательную функцию. Областью интересов этих семинаров преимущественно были естественные науки.

Из 15 естественнонаучных семинаров, действовавших в немецких университетах в XIX в. (самый ранний основан в 1825 г. в Бонне, самый поздний – в 1888 г. в Гиссене), Кенигсбергский физико-математический семинар был ведущим. Это был первый семинар, имевший предметом математику и первый, соединивший математику с физикой. Но образованию этого нового института предшествовали в Кенигсберге традиционные ступени – педагогическая и общая естественнонаучная. Предтечей Кенигсбергской школы был Ф.В. Бессель, научная и педагогическая деятельность которого подготовили почву для обновления естественнонаучного образования в университете.

Бессель тесно сотрудничал с другой примечательной личностью – более опытным педагогом, философом И.Ф. Гербартом (1776-1841), приглашенным в Кенигсберг в 1809 г. из Геттингена. Гербарт, последователь Кантовской философии в ее «реалистической» части, глубоко и профессионально занимался теорией и практикой педагогики. Решающее влияние на формирование

педагогических воззрений Гербарта оказало учение швейцарского педагога И.Г. Песталоцци (1746-1827), с которым Гербарт был знаком лично. Идеальной средой воспитания и обучения Песталоцци считал семью, основой воспитания – любовь, вне любви воспитания не существует. Следовательно, при воспитании и обучении не должно быть ни малейшего насилия. Основой преподавания является наглядность, слова учителя лишь разъясняют ученику то, что он непосредственно воспринимает.

Педагогические принципы Песталоцци послужили идейной основой реформы прусской системы образования. Их горячими последователями были Фихте и Зюверн. Одним из важнейших инструментов проведения в жизнь этой реформы были созданные В. Гумбольдтом так называемые научные комиссии в Берлине, Бреслау и Кенигсберге. В их обязанности входили подбор учителей средних школ, разработка школьных уставов, учебных программ, учебников и методик, консультирование учителей провинциальных школ по всем вопросам преподавания. Комиссии должны были докладывать о состоянии дел в народном образовании в департамент по делам культуры и просвещения, который возглавлял В. Гумбольдт. Самой деятельной зарекомендовала себя Кенигсбергская комиссия, членом которой со дня ее основания в январе 1810 г. до роспуска в 1816 г. состоял Гербарт; в 1811-1816 гг. он был директором этой комиссии. На этом поприще Гербарт имел возможность широкого внедрения своих педагогических идей, как в системе школьного образования, так и в университете.

Одним из условий своего переезда в Кенигсберг Гербарт назвал организацию при университете педагогического семинара, и правительство с готовностью согласилось на это. Целью семинара, где теория и практика

должны были органически сочетаться, была основательная подготовка будущих учителей. Отныне ни одному учителю без педагогического образования и специального испытания не разрешалось занять должность в школе. Таким образом, Герbart был одним из основателей системы профессиональной подготовки учителей в Пруссии.

Правда, между намерениями Герbartа и их практической реализацией образовался заметный разрыв из-за слабого финансового обеспечения его идеи. По этой причине задуманного семинара сразу не получилось и Герbartу пришлось ограничиться до поры так называемым институтом дидактики. Только в 1816 г., когда правительство выделило средства, институт был реорганизован в стационарный педагогический семинар. Семинар работал в доме 79 по Королевской улице (Кенигштрассе, ныне улица Фрунзе), где с 1818 г. жила семья Герbartа. Несмотря на многие трудности (в худшие времена здесь в течение целого семестра был один ученик и семеро учителей), семинар за годы своей работы (до 1833 г.) подготовил многих учителей, получивших признание в школах провинции, а также способствовал выработке научно обоснованной методики подготовки кадров ученых в университете. В 1833 г. Герbart уехал в Геттинген, где умер в 1841 г. После смерти мужа его вдова возвратилась в Кенигсберг и завещала научное наследие Герbartа библиотеке Альбертины.

Попытки соединения теории и практики в учебном процессе, столь успешные у Бесселя и Герbartа, а также иные педагогические новации предпринимались и в других университетских подразделениях естественнонаучного или медицинского направлений. Таким образом, когда в 1826 г. в Альбертину прибыло из Берлина научное

пополнение, почва для формирования новой школы была в значительной степени подготовлена.

В 1826 г. в Кенигсберг приехали четверо молодых приват-доцентов: математик К.Г.Я. Якоби (1804-1851), минералог Ф.Э. Нейман (1798-1895), физик Г.В. Дове (1803-1879) и химик Ф.Ф. Дульк (1788-1852).

Мысль об организации семинара естественных наук, независимо от Гербартовского педагогического семинара, не раз обсуждалась в кругу ученых-естественников еще в 20-е годы. В сентябре 1828 г. Ф. Нейман, К. Бэр, Э.Г. Майер и Г. Дове обратились в министерство с письмом, в котором, ссылаясь на существенные недостатки естественнонаучного образования в средней школе из-за нехватки квалифицированных учителей, предлагали учредить в Кенигсбергском университете специальный естественнонаучный семинар для подготовки учителей естествознания. По-видимому, подготовка учителей была не единственной, и, быть может, даже не главной целью заявителей: они надеялись использовать возможности семинара для укрепления материальной базы и поднятия общего уровня естественнонаучных исследований в университете. Авторы письма запрашивали 1 300 талеров на учреждение семинара и 800 ежегодной дотации. Эти средства предполагалось использовать на организацию библиотеки с выдачей книг студентам, приобретение минералогической и физической коллекций, на учреждение четырех стипендий и двух премий за лучшие работы.

Министерство одобрило идею семинара, однако практическая ее реализация была отложена из-за отсутствия средств. И только когда в 1833 г. вследствие отъезда И. Гербарта в Геттинген закрылся его педагогический семинар, освободившиеся средства (всего лишь 350 тале-

ров) были переданы естественнонаучному семинару. Министерским распоряжением от 17 марта 1834 г. устав семинара был утвержден, но из-за переезда главного действующего лица этого предприятия К. Бэра в Россию первое занятие семинара состоялось только в зимнем семестре 1835-1836 учебного года.

Естественные науки были представлены в семинаре профессорами физики, химии, минералогии, ботаники и зоологии, и каждый из этих профессоров был одним из соруководителей семинара. По этим дисциплинам, а также по описательной антропологии и сравнительной анатомии и связанным с ними прикладным предметам слушатели семинара (но не только они) посещали лекции, которые читались в университете независимо от семинара. Какого-либо специального согласования тематики лекционных курсов и семинарских занятий не было. Правда, для перехода на более высокую ступень семинара требовалась сдача экзамена по теоретической части естественнонаучных курсов, а также демонстрация определенных знаний по древним и современным языкам и математике. Эти предметы входили в программу государственного экзамена на право преподавания. Таким образом, хотя математики не было в списке дисциплин семинара, ей все же уделялось определенное внимание.

Отличительной чертой Кенигсбергского естественнонаучного семинара, зафиксированной в его уставе, была нацеленность на подготовку учителей средней школы, способных не только преподавать науки, но и развивать их. Естественнонаучный семинар начал работать с 12 слушателями, распределившимися по разным отделениям в соответствии с интересами; лишь часть слушателей посещала все отделения. На физике, например, в первый год было четыре студента: медик, философ, юрист и ма-

тематик. Студенты имели не только разные интересы и планы на будущее, но нередко также сильно различались уровнем подготовки, что очень затрудняло работу.

Семинар имел проблемы с набором слушателей уже с первых лет существования. Так, в 1843-1844 учебном году отделения физики, химии и зоологии остались вообще без слушателей. Отчасти это было следствием слабого притока студентов на философский факультет: в первой половине XIX в. количество имматрикулированных в год редко превышало 50 человек. С 1846-1847 учебного года из-за отсутствия студентов три отделения семинара были закрыты. Самое популярное ботаническое отделение посещали два-четыре студента.

Преподавание естественных наук, а тем более исследовательская работа, требовали лабораторной базы, которая практически отсутствовала. Обычным делом было проведение лабораторных занятий на квартире у профессора на приборах, приобретенных или изготовленных им самим. Из-за вялой работы систематически не использовался бюджет семинара. Если к этим местным трудностям добавить неизбежное воздействие на ситуацию объективного процесса углубления специализации естественных наук, то бесперспективность идеи «всеохватывающего» естественнонаучного семинара станет очевидной.

При постоянном дефиците средств в университете содержание семинара представлялось излишним расточительством. В мае 1852 г. куратор университета Ф.А. Эйхман (1793-1879) предложил министерству закрыть семинар естественных наук, а 350 талеров его годового бюджета передать хирургическому и клиническому институтам. В июне семинар был закрыт. Единственным институтом, готовившим в университете учителей по

естественным наукам, теперь оставался физико-математический семинар, основанный Ф. Нейманом и К. Якоби.

Не все шло гладко в деятельности семинара. Уже в 1836 г., например, наряду с финансовыми трудностями, возникла проблема с набором слушателей: их записалось всего пять на два отделения. Пришлось даже временно приостановить работу семинара: в течение пяти семестров она фактически сводилась лишь к выполнению упражнений. Практически работа физического отделения семинара состояла в следующем. Один раз в неделю члены семинара собирались за круглым столом в полутемной, обшарпанной аудитории и обсуждали математическую сторону изучаемого вопроса физики. В конце года студенческие работы сдавались и их результаты включались в годовой отчет семинара. Вознаграждением за труды была публикация лучших работ в научных журналах, а так же денежные премии.

В Кенигсбергском семинаре впервые в истории высшей школы сформировалась триединая система педагогического процесса: лекция – изложение теории; семинарское занятие – обсуждение теоретических вопросов и методов исследования, решение задач; лаборатория – физический эксперимент. Сорокалетняя деятельность семинара под руководством Ф. Неймана, К. Якоби, Ф. Ришело (она продолжалась и позже) стала важным фактором в формировании облика европейской науки XIX столетия. Достаточно сказать, что среди его выпускников 54 стали профессорами математики, физики, астрономии, химии, медицины, географии, философии в университетах Германии, Австрии, Швейцарии, Норвегии, Венгрии, России. 14 были избраны членами академий наук в Берлине, Петербурге, Будапеште.

Л.С. Астахова

кандидат социологических наук

доцент КГУ, КФРМАТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ «УПРАВЛЕНИЕ» РЕЛИГИОЗНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Государственное управление религиозными объединениями (организациями) на сегодняшний день является неотъемлемой, хотя и находящейся пока в стадии становления, частью общей системы управления страной и регионами. Особенности правового положения общественных и религиозных организаций как участников правоотношений, определяются Федеральным законом «О свободе совести и религиозных объединениях». Согласно п. 1, ст. 6 закона, религиозным объединением в Российской Федерации признается добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и обладающее соответствующими этой цели признаками: вероисповедание; совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; обучение религии и религиозное воспитание своих последователей. Религиозные объединения могут создаваться в форме религиозных групп и религиозных организаций.

Противоречия в действующем законе уже не раз было отмечено ведущими специалистами данного вопроса. Именно противоречия позволяют сохранить зазор при самоопределении и регистрации заведомо религиозных

организаций в различном качестве. Например, если некая группа не зарегистрировалась в качестве религиозной и не употребляет термина «религия» применительно к себе – то ее деятельность будет рассматриваться как светская, как культурная даже в тех случаях, когда она является прямо религиозной, языческой, магической. Стоит какой-либо группе сказать «а у нас не вероучение, у нас духовное знание», как ее уже нельзя будет определять в качестве религиозной. Тем самым исключительное право определять, являются ли религиозными то или иное учение и практика, Закон предоставляет самим адептам этих учений. За государственными инстанциями и за судом Закон такого права не признает – ибо дает ложное, неработающее определение религии.¹

В последнее время все чаще предлагается обратить внимание юристов на сам факт религиозной деятельности, то есть специфической, отличной от других видов деятельности, имеющих основой своего существования осуществление специфических религиозных целей. Например, чтобы определение религиозной организации в ст. 6,1 работало, по мнению ряда исследователей данного вопроса, оно должно было бы звучать примерно так: «Религиозными организациями признаются добровольные объединения граждан (физических лиц), образованные в целях осуществления религиозной деятельности. Признаком религиозной деятельности является стремление достичь специфически религиозной цели, каковой признается контакт с надчеловеческим духовным миром, понимаемый как имеющий значение для определения судьбы человека по смерти его тела. Деятельность, направленная на установление такого личного контакта,

¹ Подробнее об этом см. Первые казанские социологические чтения, 1 том. Литвинов Д.А.

называется религиозной практикой (религиозным обрядом, религиозной церемонией, богослужением). Концептуальное осмысление такого рода деятельности называется религиозным вероучением. Распространение сведений о вероучении, имеющее целью привлечение людей к участию в религиозной практике, именуется религиозным обучением, воспитанием, проповедью. Признаками религиозной организации является наличие религиозной деятельности, проявляющейся в: вероучении; совершении религиозных обрядов, церемоний и богослужений; религиозном обучении и воспитании, проповеди или иных формах распространения вероучения»¹.

В настоящее время одной из трудностей развития сферы государственного управления религией является формирование разделенной системы управления религиозными социальными институтами, где государство занимает обособленную позицию, в то время как культурообразующие религии (в отличие от Новых религиозных движений) не имеют четко сформулированную концепцию своего стратегического развития, ориентируясь на традиционные методы воздействия. В результате уже происходит потеря ценностных ориентиров молодым поколением, потеря осознания значимости и роли традиционных религий в жизни общества, вербовка новых адептов недобросовестными организациями.

Нами так же предлагается новая постановка проблемы через перенос акцента с «религиозных организаций» на «религиозное поведение», хотя бы в порядке научного анализа. Понятие «деятельность» кажется нам чересчур философской категорией для решения данного вопроса. Однако, прежде всего потребуется ряд методо-

¹ О. Андрей Кураев «Православие и право». Интернет-ресурсы

логических замечаний. Прежде всего, отметим, что управление вообще, и государственное управление в частности, все-таки предполагает включенность субъекта управления в объект: опыт показывает, что нельзя адекватно управлять извне, а в ситуации управления религиозным поведением нельзя вычленив религиозную систему из социокультурного комплекса страны. Однако нельзя забывать, что и религиозные системы обладают и собственными, внутренними системами управления. Государственное управление религиозным поведением, естественно, не предполагает слияния государственной власти и религиозных организаций; отрицательный опыт подобного прочтения проблемы в странах Западной Европы наглядно продемонстрировал достоинства т.н. симфонии взаимодействия церковной и государственной власти. Государственное управление религиозным поведением необходимо, дабы устранить управляющие воздействия в собственных интересах объекта, в ущерб другим объектам и интересам. Поэтому и именно поэтому необходимо внешнее государственное регулирование. Кстати, большинство сект не регистрируются в качестве религиозных организаций и не определяют свое поведение как религиозное, именно чтобы иметь возможность сотрудничать с государственными, например, образовательными структурами (дабы «не нарушать» принцип отделения школы от религии). Кроме того, именуя себя «наукой» или «философией», они легче получают симпатии людей и государственных чиновников.

Организации, имеющие историю, зачастую имеют и сформированную репутацию, на которую, несомненно, стоит обращать внимание. Так, информация о том, что деятельность определенной религиозной организации запрещена на территории другой страны или другого реги-

она должна быть доведена до внимания жителей иных регионов в случае, если имеет место попытка «переезда» организации на новое место жительства. Это обеспечит как раз рациональность выбора новыми членами своей религиозной ориентации (если они будут) и исключит возможности недобросовестной рекламы, замалчивания неблагополучия организации.

Но главное, необходимо дать определение, работающее независимо от того, как самоопределяют себя проповедники той или иной религиозной организации. Это защитит государство от посягательств на его светский характер, его граждан – от деструктивных воздействий со стороны новых религиозных культов, а традиционные религии – от искажений их вероучений, даст им возможность осуществлять позитивную социальную деятельность в рамках «прозрачных» социальных программ.

Религиозное поведение, в большей, нежели другие характеристики религий, степени несет в себе объективную информацию, так как является наблюдаемым, изучаемым и доступным для исследователя. Оно, несомненно, требует интерпретации, в первую очередь, символической, однако, вычленение деструктивных проявлений как нельзя более явно проявляется именно в поведении. Буквальное прочтение кровавого жертвоприношения, либо его «языческая» интерпретация не вернет жизнь жертве, однако позволит предотвратить деятельность организации, во всяком случае, легальное, впредь.

В условиях рыночной экономики, в условиях демократии и равенства возможностей монотеистические религии неизбежно испытывают кризис. Этот тезис был выдвинут еще А. Токвилем, однако им же был выдвинут и другой тезис, находящийся в парадоксальной близости к первому: в данной, демократической ситуации роль ре-

лигии существенно возрастает. Действительно, равенство условий приводит к принижению базовых принципов жизни человека, отвлекает его в борьбе за жизнь и существование от религиозных, сакральных и чересчур возвышенных сил в пользу сиюминутных потребностей выживания. И, в свою очередь, формирует из большинства стихийных язычников.

Язычество, в отличие от монотеистических религий, практически целесообразно. Цель деятельности язычника есть то, что нужно непосредственно субъекту деятельности. Это порождает обращение язычника к мистическо-магическому познанию мира. Отмечают, что языческое познание включает в себя три задачи: познание мира, познание себя и познание Бога. Но если Бог непознаваем и слит с природой и миром, следовательно, и мир, и сам человек непознаваем? Магия дает возможность для освоения мира с практическими целями и раскрытием возможностей человека с точки зрения действия божественной природы в нем. Мистика язычника, по их мнению, — это постижение путей силы и знания, понимание энергий, кои устраивают реальность в ее нынешнем виде и естественных законов её функционирования. Знание действия этих законов (ведь познание полное, напомним, невозможно) дает знающему огромную власть, которая тем больше, чем больше закономерностей он выявил. Значит, можно вывести следующую формулу, очень напоминающую определение социального действия П. Сорокина: «Всякое действие влечет за собой последующее новое действие мира с одной стороны, и противодействие этого мира — с другой». Из этой формулы вытекают два возможных типа действия: если ты способен на действие, знаешь, естественные законы вселенной, то есть ты — маг, то действуй и извлекай пользу. Ну, а для всех остальных

из этой формулы проистекает идеология недеяния. В этих условиях позиционирование себя как мага перспективнее. Так и формируется мода стихийно-мистического освоения действительности, отражение которой мы наблюдаем в современном киноискусстве (например, Ночной дозор), в литературе (Ник Перумов) и т.д. и т.п. В данных условиях защиты требуют уже монотеистические, традиционные, культуuroобразующие религии.

Действительно, наблюдается кризис религиозной идентичности среди большинства членов российского общества (зачастую и среди приверженцев той или иной религиозной конфессии). Социологические исследования социальных процессов и институтов показывают, что наши сограждане зачастую позиционируют себя как представители определенной конфессии (я – православный, либо я – мусульманин и т.д.), однако совершенно не представляют основ вероучения, к которому себя относят. Например, из заявивших себя как православные (40% от всех опрошенных) около 40% верят в магию; лишь 10% респондентов верят в воскресение мертвых; в загробную жизнь верят 24%, а 21% верит в переселение душ. Цифры показывают, что объявить себя верующим для респондента значительно сложнее, нежели сказать, что он верит в Бога (заявили о своей вере в Бога более 90%!). Видимо, на сегодняшний момент люди стали осознавать, что «быть верующим» – это накладывает определенные требования к повседневной жизни, как, например, посещение церкви. А вот просто верить, скажем, в Бога, можно и без утомительных ритуалов. Можно «сбросить Богу на пейджер» свою исповедь, заплатить определенный взнос в религиозную группу и считать себя свободным от обязанностей. Кроме того, здесь, видимо, имеет место то, «как задан вопрос». Прямой вопрос

«верующий ли Вы человек?» вызывает негативные эмоции, самоидентифицировать себя с верующими достаточно сложно: сформировался образ верующих как неких истеричных людей, либо «картинно замаливающих грехи», либо совершающих террористические акты за веру. А вот вопрос «верите ли Вы? А во что?» как бы ни к чему не обязывает, поэтому кажется более простым, без дополнительной нагрузки.

Анализ данных четко свидетельствует о крайне низком уровне понимания, например, того православия, о котором в той или иной степени заявляют более половины россиян. Так, например, несовпадение удельного веса верующих в Бога (61% в 1999 г. и еще более высокие показатели в 2000-2005 гг.) и, скажем, в загробную жизнь (24% в 1999 г. и выше) позволяет предположить, что вера этих людей не подтверждается знанием (и соответственно, верой в них) элементарных религиозных догм (как христианских, так и мусульманских – как основных традиционных религий нашей страны). Это же можно сказать и о вере в колдовство и т.п., что категорически отрицается и не поощряется традиционными религиями. Ситуация усугубляется с крайне низким уровнем религиозного просвещения, вследствие чего улучшения ситуации с годами явно не происходит.

Собственно, и само понимание Бога в современном обществе нарушено (число понимающих Бога традиционно – в христианском или мусульманском смысле – ниже числа верующих, т.е. значительная часть респондентов, обозначает Бога как некую жизненную силу и т.п.). Двусмысленность, обнаруженная при разборе религиозной самоидентификации населения, резко усугубляется при переходе на уровень религиозной практики. Говорить о еженедельном посещении церкви не приходится,

тем более что никакого роста частоты посещения храмов регулярно не наблюдается и во время «всплесков» религиозного самосознания. Повышение частоты посещений несколько раз в год объясняется, во-первых, распространением отправления оформляющих повседневную жизнь религиозных обрядов – отпевание, крещение, и т.п. Во-вторых, этих «захожан» мы наблюдаем в храмах на крупных праздниках, таких как Рождество и Пасха, которые население традиционно стало отмечать вне зависимости от вероисповедания. Отметим, что особо много таких «верующих» в последние годы стало наблюдаться на водосвятных молебнах, особенно на Крещение. Это также объясняется, к сожалению» повышенным вниманием людей к различного рода магическим практикам, а в святой воде люди ищут защиту от развившегося колдовства. И, наконец, в-третьих, люди приходят в церкви в случае серьезных кризисных ситуаций.

Упрощенно древо целей государственного управления религиозным поведением можно представить так, как показано на схеме (см. ниже).

Хотелось бы представить цели управления религиозной системой в единстве и непротиворечивости целей субъекта и объекта управления. В данном случае (с учетом невозможности полного соответствия целевых устремлений) существует некоторая гармония интересов хотя бы в области религиозной и государственной безопасности.

Удовлетворение государственных, общественных, личных потребностей сходится в точке безопасности и неприкосновенности. Потенциал должен безопасно реализоваться. Безопасность в данном случае понимается как определенная совокупность условий, при которых наблюдается нормальное существование, функциониро-

вание и воспроизводство существующей социальной системы. В первую очередь мы выделяем религиозную безопасность, проблему, существующую на современном этапе развития общества и реально существующие опасности в религиозной сфере.

Схема

**Цели государственного управления
религиозным поведением**

Воспроизводство социальной системы, являясь одним из критериев безопасного социального развития, требует воспроизводства всех структур и элементов системы с сохранением способности к здоровому функционированию. Все элементы социальной системы разнопорядковые и разнохарактерные, поэтому нормальное воспроизводство должно обеспечивать своевременную замену каждого из элементов соответствующим ему по ха-

рактору, способного к поддержанию системных качеств данной структуры. Легче всего воспроизводится, следовательно, патологические структуры, так как их воспроизводство не требует столь буквальной замены и развития каждого из элементов системы.

В религиозной жизни середины 90-х годов, когда проблемы религиозной безопасности были впервые подняты на столь высоком уровне, явно наблюдалось искажение нормального функционирования религиозных организаций. При том, что данные социологических опросов свидетельствовали о «религиозном буме», вызванном снятием запретов с данной области, абсолютно однозначно проявился тот самый разрыв религиозных традиций религиозности дореволюционной и религиозности постперестроечной. То, что в середине 90-х являлось предрасположенностью, сегодня можно обозначить как организационную патологию, тем более что мер по ее устранению принято не было. Именно поэтому, в свете поиска решения проблемы религиозной безопасности мы можем предложить, например, концепцию социальной ответственности религиозных организаций в целях управления социально-религиозной ситуацией в стране.

Под социальной ответственностью религиозных организаций мы предлагаем понимать добровольный вклад религиозных организаций в развитие общества в социальной и культурной сферах, связанный непосредственно с основной деятельностью организации и выходящий за рамки определенных законом границ. С точки зрения социальной ответственности, организация обязана брать на себя дополнительные обязательства перед обществом. В конечном счете, вне государственного управления религиозная организация не всегда стремится к выполнению

своего социального предназначения, того, что общество ждет от её функционирования.

Государственное управление религиозным поведением не сводится только к принятию закона. Принцип свободы вероисповедания предполагает равенство всех религий перед законом. Однако новые тенденции в развитии религиозных систем требуют координации усилий религиозных организаций в рамках общегосударственной политики и выведение из-под принципа равенства тех организаций, которые не выполняют данных действий. Нарушающие толерантность не должны сами оцениваться с толерантных позиций. Закон призван помогать осуществлять государственную политику. Так, например, принятие закона о противодействии политическому экстремизму должно усовершенствовать систему государственного контроля за религиозным поведением. Общеизвестно, что деятельность общественных объединений и в первую очередь политических партий и движений резко активизируется в периоды предвыборных кампаний. Нередко она сопровождается попытками разжигания антисемитизма, национальной розни.¹

К сожалению, приходится констатировать, что естественное нормальное самовоспроизводство, самооздоровление социально-религиозной системы вне государственного вмешательства не происходит. Действительно, в ситуации нормативно-религиозной аномии отсутствие сколько-нибудь четкой концепции социального развития становится фатальным, а религиозное самоопределение – невозможным.

¹ Контроль за деятельностью общественных и религиозных объединений (Г. Жиганов, «Российская юстиция», №8, август 2000 г.)

Р.У. Семенова

кандидат философских наук, доцент ИСГЗ

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ СУБДИСЦИПЛИНЫ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОРАЛЬ» И ЕЕ СООТНОШЕНИИ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКОЙ

Одной из основных особенностей современного общества является тенденция к взаимосвязанному развитию различных сторон общественной жизни и их взаимовлиянию. Политика и мораль, как две разновидности социальности, не являются в данном случае исключением. Факт их взаимодействия в современной политологической литературе не вызывает каких-либо сомнений. Другое дело отношение сообщества политологов к такому явлению, как политическая мораль и определению ее статуса, как новой отрасли политического знания, а также к вопросу степени вхождения понятия в терминологический корпус современной политической науки.

Ясно, что политическая мораль в качестве самостоятельной области научного знания претерпевает сравнительно раннюю стадию своего становления. Поэтому многие вопросы, относящиеся к проблематике политической морали, вызывают оживленные дискуссии. В первую очередь предметом неоднозначного решения является вопрос о степени гносеологической легитимности понятия «политическая мораль», и в этой связи о степени признания политологическим научным сообществом притязаний политической морали на самостоятельное существование. Далее, это вопрос о том временном ру-

беже, с которого политическая мораль может отсчитывать свое конституирование как автономной, а не интегрированной в какую-то другую область исследования дисциплины (субдисциплины).

Рассуждения о взаимодействии политики и морали встречаются в политологической литературе довольно часто; причем тема обсуждается в ракурсе соотношения властных и нравственных отношений¹, целей и средств политической деятельности, гуманизации политики² и т.д. Взаимная сопряженность, взаимодействие, взаимовлияние политики и морали в политологической литературе можно считать общепризнанным фактом. Другое дело, что эти тематические сюжеты во многом не специальные и рассматриваются в контексте либо проблематики власти, либо политических коммуникаций, либо политической культуры, либо других теоретических исследовательских линий. Как слагаемые или системообразующие элементы такого самостоятельного раздела политической науки как политическая мораль эти проблемы профессионалами-политологами не рассматриваются, да и сама политическая мораль в номенклатуру разделов политической науки не включается.

Вопрос о признании права на самостоятельное существование нового академического направления – политической морали – в современной политической науке следует считать, на наш взгляд, до конца не решенным. Можно обратиться к ряду значительных исследований, которые вполне убедительно подтверждают, что политическая мораль как очевидный итог специализации и дифференциации научного знания, самостоятельного

¹ См.: Политология. Курс лекций. – М.: Юристъ, 2003. – С.149-151

² См.: Пугачев В.П. Введение в политологию.– М.: Аспект Пресс, 1995. – С.36-65

академического статуса еще не получила. Так, в фундаментальном научном исследовании, подготовленном коллективом отечественных и зарубежных авторов, «Политическая наука: новые направления» (1986 г.)» в перечне новейших направлений политологического знания, тяготеющих к тому, чтобы иметь синтетическую интегративную природу, называются политическая психология, политическая социология, политическая география, политическая антропология, политическое развитие, сравнительная политология¹. Как видим, в представленном перечне политическая мораль, как новая область научного исследования, не фигурирует вообще. Более того, предпринятый М. Доганом – одним из авторов исследования – анализ более двухсот понятийных заимствований из других областей научного знания вообще не апеллирует к понятиям, сопряженным с политической моралью. Таким образом, ситуация, связанная с признанием самостоятельного статуса политической морали со стороны ученых-политологов, пребывает на сегодняшний день, мягко говоря, в неопределенном виде.

Следует, пожалуй, признать, что у ученых-этиков мы наблюдаем более терпимое отношение к политической морали и определению ее статуса. Самостоятельная рубрика «Политическая мораль» прижилась в исследованиях по прикладной этике. Так, в учебном пособии В.Н. Назарова «Прикладная этика» политическая мораль рассматривается как социально-нормативная конкретизация этики и рассматривается в одном ряду с такими разделами, как «экономическая этика», «правовая этика», «биоэтика», «экологическая этика» и т.д.² Еще раз повторимся:

¹ Политическая наука: новые направления. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С.57-58

² См.: Назаров В.Н. Прикладная этика. – М.: Гардарики, 2005. – С.124-138

противоречивость ситуации заключается в том, что забвению со стороны ученых-политологов придается не сам предмет исследования, не возможность какого-либо сопряжения политики и морали (политология с начала 90-х гг. осуществила значительный шаг вперед по пути самоопределения, уточнения своего категориального и проблемного содержания), а именно претензия политической морали на самостоятельный, вполне автономный статус.

Понятие *политическая мораль* введено в терминологический корпус отечественной науки в начале 1990-х гг. крупнейшим специалистом в области этики Ю.В. Согомоновым, который предложил обсудить названную тему на состоявшемся в сентябре 1990 г. во Владимире симпозиуме «Этика и социология политической деятельности». В том же году им совместно с В.И. Бакштановским был издан труд «Введение в политическую этику». Уже тогда были сформулированы и некоторые наиболее значимые аспекты концепта «политическая мораль»: этика российского президентства, толерантность, парламентская этика, этика политической журналистики. Специально подчеркнем: обозначенная дата носит весьма условный характер и отнюдь не снимает актуальности выяснения того, что задолго до обозначенного времени ставились и обсуждались те или иные аспекты соотношения политики и морали. Мы не говорим уже о западной политической науке, в которой обсуждение названной темы стало традиционным с конца пятидесятых — начала шестидесятых годов прошлого столетия.

Весьма интересным и неоднозначно решаемым аспектом проблемы является вопрос об определении содержательного смысла понятия «политическая мораль». Следует отметить, что эти трактовки у представителей

политологической и этической областей научного знания весьма созвучны. Так, известный политолог В.П. Пугачев дает следующее определение: политическая мораль – это «специфическая дисциплина, сложившаяся в рамках политической философии и изучающая влияние моральных принципов, норм и нравственных представлений на политику, а также «нормативная система, сложившаяся на базе нравственного осмысления людьми своих политических целей и ценностей».¹ Сходное определение мы встречаем у этиков В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова, которые определяют политическую мораль как «совокупность ценностей и норм, ориентирующих и регулирующих действия политиков, а шире всех тех, кто вовлечен в сферу политики в качестве активно действующего лица».² Между тем, подобного рода синкретичность, на наш взгляд, не позволяет в полной мере оценить и увидеть особенности собственно политологического и этического подходов к проблеме. По всей видимости, определения политической морали, выдвигаемые сообществом политологов, должны фиксировать ее нормоустанавливающий характер в плане регулирования властно значимых интересов, а этические формулировки – органическую взаимосвязь с ценностями совести, чести, достоинства, счастья и т.д.

Необходимо затронуть еще один существенный ракурс обозначенной темы. Стремление политической морали обозначить самостоятельный предметный статус не может не обозначать выход на обсуждение ряда важнейших проблем, носящих методологический оттенок. К та-

¹ Введение в политологию. Словарь-справочник. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – С.257-258

² Бакштановский В.И., Согомонов В.И. Этика политического успеха. – Тюмень; Москва: Центр прикладной этики, 1977. – С.203

кому разряду тем, без всякого сомнения, относится вопрос о соотношения политической науки и политической морали. В данном случае необходимо исходить из принципа единства политического знания. Это означает неразрывную связь политической науки и политической морали как важнейшего ее раздела. Важно установить, что имеется в виду не только то, что политическая наука является предпосылкой и основанием политической морали, но предполагается именно интегральная взаимосвязь их, базирующаяся на взаимопроникновении проблемных и категориальных оснований друг в друга.

Наращение интегрирующей составляющей политической науки связано с изменением ее предмета и места в трансформационных процессах обновления российского общества, возрастанием ее роли как коммуникативной и интегрирующей силы общества. Выработка единой стратегии возрождения политической и духовно-нравственной культуры России предполагает решение ряда последовательных задач. Помимо общетеоретических оснований она предполагает внедрение нравственности в политические структуры и обоснования перспектив институционализации морали. Кроме того, особой задачей является создание образовательной модели политической морали, поскольку формирование новой парадигмы невозможно без ее образовательного закрепления, без подготовки специальных кадров соответствующего профиля.

Следующий принцип – это принцип конкретности, предполагающий переход от общетеоретической к прикладной парадигме политического знания как предпосылке формирования представлений о политической морали. Данное обстоятельство означает такую замену общетеоретических положений на более частные теорети-

ческие рассуждения и положения, которые означают определенную их трансформацию, но это трансформация такого плана, при которой новое абстрактное качество приобретает через «снятие» старого качества, его приспособление к иному. Ослабление факторов политической культуры в обществе, уменьшение значения регулятивного потенциала ценностей чести долга, достоинства, правдивости, справедливости выдвигают на повестку дня потребность в обосновании новой мотивационной парадигмы – парадигмы политической морали. Политическая мораль как форма конкретизации политической науки и этики как раз и выступает не чем иным, как такой формой конкретизации, которая в известном смысле восполняет их недостатки названных дисциплин и способствует усилению их творческого регулятивного потенциала.

Р.У. Семенова

кандидат философских наук, доцент ИСГЗ

НРАВСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ФЕНОМЕН И ДЕТЕРМИНАНТЫ

Вопрос о нравственности в политике и нравственном содержании политических отношений является одним из самых сложных в политологической литературе. Обозначенный в таком ракурсе еще в рамках античной политической мысли на протяжении более чем двух тысяч лет, он неизменно волнует общественность, продол-

жая оставаться предметом ожесточенных дебатов и столкновения мнений.

Способна ли нравственность регулировать политические отношения? Если да, то каковы механизмы подобного влияния? Каковы мера и степень проникновения нравственности в политику? Эти и другие вопросы привлекают внимание различных представителей общественности: политологов, политических философов, специалистов по этике. Следует, однако, отметить, что, несмотря на значительный интерес к теме и большое количество публикаций по тем или иным частным аспектам ее, отсутствуют сколь-либо значительные работы, охватывающие проблему в целостном виде. Работа политического философа Б.Г. Капустина «Моральный выбор в политике» является чуть ли не единственным исследованием в указанной области, значительно углубляющим видение проблемы, но далеко не исчерпывающим ее существо.

Любой анализ обозначенной темы должен исходить из выяснения природы политического и нравственного. Природное основание является весьма существенной, хотя и не единственной предпосылкой, проясняющей существо дела или, по крайней мере, приближающей к этому выяснению. Политические отношения рассматриваются как специфическая сфера общественной жизни наряду с такими сферами, как экономическая, социальная и духовно-идеологическая. Политика характеризуется универсальностью, всеохватывающим характером, способностью воздействовать практически на любые стороны жизни, элементы общества, события, отношения, начиная с масштабов государства и заканчивая индивидуальными чертами характера человека¹. Нравственность как специ-

¹ Политология. Энциклопедический словарь. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – С.252

фическая сфера общественной жизни регулирует практически все стороны бытия человека: экономические, политические, социальные, семейные, бытовые, личные, внутригрупповые. В отличие от особых требований, предъявляемых человеку в каждой из обозначенных областей, «принципы морали имеют социально-всеобщее значение и распространяются на всех людей, фиксируя в себе то общее и изначальное, что делает возможным сами эти требования».¹ То есть, как и политика, мораль обладает проникающей способностью, инклюзивностью (включенностью) в любую другую сферу общественной жизни, а также возможностью сочетаться с другими общественными феноменами.

Степень и возможности подобного проникновения у политики и морали различаются и весьма существенно. У политики всепроникающая способность ограничивается имманентной, атрибутивной характеристикой ее: выступая всеобщим организационным началом общества, системой отношений, направляющих жизнь, деятельность, отношения людей, общественных групп, классов, наций, народов и стран политика, однако, имеет более специфическую и более ограниченную сферу своего применения. Содержательный аспект политики раскрывается через регулирование отношений, возникающих по поводу власти: ее завоевания, овладения и удержания. Именно властное начало, атрибутивно формирующее различные политические интересы и сопровождающееся их столкновениями, противоборством и даже антагонизмом, непримиримостью так или иначе поддерживает и оформляет дезинтеграционные тенденции общественной жизни. Правда, справедливости ради следует отметить, что

¹ Дробницкий О.Г. Мораль. – В кн. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С.378

данная тенденция не является единственной, ведь функциональное назначение власти органически сопрягается с необходимостью поддержать целостность и нерушимость социума. И все же присущая политике конфликтность и является тем основополагающим началом, которая препятствует всепоглощающему проникновению нравственности в политику. Итак, политика конфликтна, мораль неконфликтна; политика дезинтегрирует, разобщает, мораль – сближает, консолидирует; мораль воплощает справедливость, политика – нередко несправедливость. Казалось бы, политика и мораль разведены онтологически и какие-либо формы взаимодействия между ними атрибутивно невозможны. Есть и другие, не менее существенные основания, «разводящие» политику и нравственность. Назовем некоторые из них:

– политика нацелена на достижение определенного результата. Эффективность политической линии того или иного политического деятеля определяется тем, насколько им выполнены те или иные предвыборные обещания, одержана победа возглавляемой им партии на выборах или же насколько политический курс государства привел к зримым результатам (укреплению позиций на международной арене, улучшению качества жизни населения внутри страны). Связь начал «деятельность-результат» в политике носит более зримый и очевидный характер, нежели в поведении, руководствующемся фиксированными нравственными представлениями (заповедями, принципами) о том, как должно поступать. По крайней мере, добродетельное поведение может и не привести к непосредственному и скорейшему изменению нравственной ситуации в микро- и макро-сообществах;

– политические нормы являются правилами внешней целесообразности, которые формулируются, утвер-

ждаются и проводятся в жизнь специальными институтами (государство, политические партии), эти же институты «отвечают» за воспроизводство, изменение этих норм и контроль за их исполнение. Моральное регулирование поведения индивидов не подкрепляется организационной силой общественных учреждений, хотя в истории и случалось, что нормы морали поддерживались силой политических институтов; в древнеиндийском государстве, например, существовала даже должность министра морали. Что же касается моральных норм, то «требования нравственности формируются в самой практике массового поведения и воспроизводятся повседневно силой массовых привычек, велений и оценок общества. Выполнение требований морали может контролироваться всеми людьми без исключения и каждым в отдельности»;¹

– политическое регулирование общественными процессами носит характер четкой регламентации и подкрепляется соответствующим законодательством, за неисполнение норм которого могут быть применены определенные, вплоть до жестких, санкции. Политические установления государства адресуются конкретным лицам или категориям лиц, т.е. здесь достаточно четко прослеживается характерное для институционального регулирования разделение на субъект и объект регулирования. Что же касается морали, то санкции, применяемые здесь, носят более гибкий и разнообразный характер и выступают преимущественно не в виде принуждения, а убеждения, одобрения либо осуждения со стороны общественного мнения. Различия между субъектом и объектом морального регулирования не прослеживаются и

¹ Дробницкий О.Г. Мораль. – С.378

адекватной формой моральной регуляции является саморегуляция. «Сила и оправдание моральных требований состоят в том, что субъект должен обращать их на себя и только через опыт собственной жизни предъявлять к другим людям»;¹

– политические процессы сотканы из множества составляющих, их взаимодействия и пересечения. Многоликость политических явлений, инверсионность политического движения, его непредсказуемость, маятниковость определяются как противоречивым соотношением целей и средств политической деятельности, так и присутствием в политике иррациональных моментов. То, что именуется сознательностью политического действия, субъектностью в политических процессах нередко пробивает себе дорогу через действие различных, подчас противоположных тенденций. Роль сознания в сфере моральной регуляции приобретает несоизмеримо более важное значение именно в силу того, что значение других факторов, как предпосылок действенной регуляции, менее значимо. Особая роль сознания в сфере моральной регуляции определяется тем, что нравственная санкция выступает не в форме действенно-материальных мер общественного воздаяния (наград или наказаний), а оценки, которую человек должен сам себе дать, принять внутренне и соответствующим образом направить свои действия в дальнейшем.

Итак, политика и мораль представляют собой различные, достаточно специфические сферы, возможность взаимодействия которых осложнена действием ряда опосредующих факторов. Однако означает ли это полную свободу политических отношений от нравственности?

¹ Дробницкий О.Г. Мораль. – С.378

Следует отметить, что интерпретация политики как начала, конфронтационного морали, была весьма традиционной для истории политической мысли. Если до XVI-XVII вв. политика – все еще «сладкое слово», имеющее позитивные коннотации («дает мир и счастье», «служит общему благу», «дитя разума», «мать законов», «воплощение божественного замысла» и т.д.), то с XVIII-XIX вв. «более распространенным взглядом на политику и политиков становится недоверие, обида, цинизм».¹ История политической мысли в лице таких представителей, как Т. Гоббс, Ф.Ницше и др. обосновывает, что политико-властные директивные отношения лишены позитивной моральной ценности, поскольку основаны на торжестве эгоистических интересов, на освящении насилия, использовании таких неблагоприятных средств как вероломство, предательство, системное игнорирование требований народа и т.д. Очевидно, что такое понимание политики является результатом глубочайших коллизий самой политической действительности как в спокойные времена, так и в периоды реакций, общественно-политических разломов, безвременья, когда склонность власти к насилию несоизмеримо возрастает.

Реалии современной политики также демонстрируют очевидную отчужденность от нравственности, вызывают всеобщее презрение, разочарование насмешки и негодование. Рядовые граждане испытывают стремление отойти от политики, держаться на безопасном расстоянии от нее, поскольку политика кажется им, с одной стороны, началом, склонным к насилию и в силу этого опасным, с другой стороны – ярмарочным и комичным. Известный специалист в области этики, академик А.А. Гу-

¹ Дубко Е.Л. Политическая этика. – М.: Академический проект, 2005. – С.114

сейнов справедливо заметил по этому поводу: «Самым безнравственным в современной российской политике я считаю то, что в ней отсутствует политика. Есть борьба за власть, интриги, авантюры, администрирование, пожарные действия, лоббирование – все, что угодно. Нет политики как общероссийского дела, как совместных солидарных усилий ради лучшей жизни, как арены героизма, подвига, служения общему благу».¹

И все суждение об абсолютной онтологической разведенности политики и морали мы считаем крайним, до конца не отражающим суть дела. Политика и мораль обычно «не уходят» друг от друга далеко: они привязаны друг к другу, прежде всего в том смысле, что являются сторонами единого целостного общественного организма, в котором гармоническое взаимосвязанное развитие всех сторон является условием и предпосылкой стабильного развития общественной системы в целом. Как правило, полный разрыв политики и морали происходит в чрезвычайных исторических условиях: распаде государства, достигших необычайной остроты социальных коллизиях, резкой смене политических режимов от демократического к тоталитаристскому варианту и т.д. Экстраординарные историко-политические обстоятельства порождают разрушение традиционных ценностных норм, дисперсию норм морали, при которых индивид теряет ориентиры, веру в «назначение», «смысл», «идеалы», «цели» общества. Все это затрудняет понимание происходящего, порождает растерянность, чувство незащищенности.

Поэтому мы склонны солидаризироваться с П. Бурдьё, который в исследовании «Социология политики»

¹ Гусейнов А.А. Политика, право, мораль. – М.: Академический проект, 2005. – С.191

произносит сакраментальную фразу: «Ставить в социологически реалистических терминах вопрос о морали в политике – это спрашивать себя совершенно практически, об условиях, которые должны соблюдаться для того, чтобы политическая практика постоянно подвергалась тесту на универсальность, чтобы само функционирование политического поля предписывало агентам, которые в нем задействованы полный рабочий день, такие ограничения и контроль, чтобы они были принуждены к реальным стратегиям универсализации». И формулирует весьма характерный вывод: «Политическая мораль не может упасть с небес, она не вписана в природу человека».¹ Итак, следуя логике рассуждений П. Бурдые, можно прийти к заключению, согласно которому только рациональные, взвешенные действия, систематическая кропотливая работа в русле создания условий соответствия «тесту на универсальность» способствует достижению того, что именуется «политикой морали в политике».

Известный отечественный политический философ Б.Г. Капустин в статье «Различия и связь между политической и частной моралью» рассматривает различные модели соотношения политики и морали: 1) политика полностью совпадает с моралью; 2) политика и мораль не совпадают и мораль ограничивает политику; 3) политика и мораль согласуются на уровне целей и не согласуются на уровне средств; 4) связь между политикой и моралью опосредуется «политической публичной моралью». Б.Г. Капустин предлагает работать над созданием такой политической ситуации, при которой формируются предпосылки для возникновения и культивирования политической морали. Последней, по его мнению, присущи сле-

¹ Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-logos, 1993. – С.328

дующие характерные черты: консеквенциализм, контекстуализм, антиаприоризм, народная перспектива.¹

Мы согласны с Б.Г. Капустиным в том, что создание условий для формирования политической морали могло бы снять оппозицию политики и морали. При этом очень важно подчеркнуть, что речь может и должна идти не о всепоглощающем проникновении морали в политику, ибо политика есть та сфера, в которой прекрасное морализирование демонстрирует свою полную несостоятельность. Безоговорочное культивирование в политике возвышенных нравственных принципов, стремление всегда и при всех обстоятельствах пресекать насилие, вознаграждать добродетельных и карать порочных неизбежно приводят к политическим провалам и, в конечном счете, к скатыванию в объятия тоталитаризма. Весьма гибкую позицию в обозначенном вопросе занимают В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов, которые говорят об особом качестве политической морали, отличающем ее от частной морали. Политическая мораль «не ригористична, не накладывает запретов на хитроумные комбинации, обманные движения в сложных, запутанных политических играх, не осуждает разного рода политическое маневрирование, словесную и политическую жесткость, стремление публичных политиков представлять себя в выгодном свете».² В то же время она позволяет оставаться на уровне принципиального решения тех или иных политических вопросов, когда политический компромисс является формой реалистического, а не романтически-утопического подхода к достижению тех или иных задач

¹ См.: Капустин Б.Г. Различия и связь между политической и частной моралью / Вопросы философии, 2001. – №9. – С.3-5

² Этика. Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001. – С.360

и предусматривает всесторонний учет последствий принятых решений и совершенных поступков.

На наш взгляд, утверждение принципов политической морали предполагает последовательную и взаимосвязанную реализацию мер на трех уровнях: процессуальном, институциональном, личностном.

Процессуальный уровень проявления политической морали означает соблюдение нравственных принципов в политических отношениях, процессах, политической деятельности групп, партий, движений, отдельных деятелей. Последовательная реализация принципов политической морали в обозначенном ракурсе предполагает реализацию принципа ответственности власти за принимаемые решения и склонность ее к ограничению своих действий; сокращение значимости для решения острых политических вопросов такого ресурса как насилие; терпимость политических акторов к интересам друг друга; отзывчивость к интересам союзников, различных меньшинств, партнерскую верность обязательствам, склонность к диалогу, сотрудничеству, достижению баланса различных политических сил.

Институциональный уровень проявления политической морали означает, что следование нравственным принципам и применение адекватных средств для достижения политических целей не может оставаться на усмотрении только самих политиков. Институционализация принципов политической морали устанавливает закрепление их в нормах политических организаций и прежде всего в праве, что предполагает применение определенных санкций за нарушение моральных принципов. Центральным аспектом политической морали в обозначенном контексте является соблюдение прав человека. Институционализация нравственных требований

фиксирует форму правового и общественного контроля за соблюдением норм нравственности. Кроме того, политические институты координируют деятельность участников политического процесса на началах хотя бы минимальной обоюдной надежности. Политические институты, не заменяя индивидуальную мораль, поддерживают и заменяют ее дефицит. По словам Б. Сутора, «хорошие институты облегчают моральное поведение людей. Часть политических и политически-устроенных институтов как раз имеют задачу улавливать и компенсировать неправильное моральное поведение людей. Другие социально-организованные институты должны быть организованы таким образом, чтобы исключить злоупотребления и поддерживать и усиливать граждан в раскрытии их собственных сил».¹

Личностный уровень проявления политической морали также весьма значим для стабильного и поступательного функционирования политических отношений. Особая роль и значимость его определяется тем, что политическая деятельность определяется не только институциональными и нормативными условиями, но и морально-психологическими качествами, предполагающими индивидуальную мотивацию и индивидуальный выбор. Здесь очень важно оговорить то обстоятельство, что речь идет не о простых человеческих качествах, но о добродетелях ситуативного плана, т.е. «о том минимуме человечности и нравственности, который возможен в определенной политической ситуации, обусловленной институциональными или групповыми интересами».² Среди политических добродетелей этого плана называются такие, как политическая разумность, справедли-

¹ Сутор. Б. Политическая этика. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – С.71

² Назаров В.Н. Прикладная этика. М.: Гардарики, 2005. – С.130

вость, политическое мужество¹, умение работать в контакте с другими политиками, союзниками и партнерами по политическим партиям и коалициям, правдивость, верность письменным и устным обязательствам, табуирование политического цинизма, стойкая неприязнь к скандальному поведению, закуливному интриганству, демагогии, нечистоплотности в деловых отношениях².

Итак, политическая мораль выступает тем сущностно-субстанциональным началом политики, которое фиксирует степень вхождения нравственности в политику, обеспечивающим стабильность не только политического организма, но и социума в целом.

¹ Там же. – С.130-132

² Этика. Энциклопедический словарь. – С.360

П.И. Гайденко

кандидат исторических наук,
ст. преподаватель кафедры Истории и культурологии КГАСУ

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ВЫСШЕГО ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ (ДЕЛО МИТРОПОЛИТА ИЛЛАРИОНА И АРХИЕПИСКОПА ЛУКИ ЖИДЯТЫ)

Вопрос эволюции высшего церковного управления почти не рассматривался в отечественной историографии. Во многом эта ситуация сложилась благодаря укоренившемуся стереотипу, сложившемуся с легкой руки дореволюционных церковных исследователей. Априорно принято считать, что с самого начала своего существования церковь пришла на Русь как стройная религиозно-административная система. Впрочем, это предубеждение стало разрушаться благодаря новым исследованиям, предпринятым И.Я. Фрояновым, М.Б. Свердловым, А.В. Назаренко, И.Н. Данилевским и др. Спорадичность имеющихся летописных сведений о жизни юной древнерусской церковной организации, их легендарность и даже спорность вопроса об исторической достоверности сохранившихся сообщений¹ во многом способствовали из-

¹ В приведенном случае особенно интересны работы И.Н. Данилевского. Спорность некоторых положений его научной концепции о библейском влиянии на составителей древнерусского летописания не только не отвергает поднимаемую нами проблему, но и способствует более глубокому пониманию культурно-исторической ситуации в домонгольской Руси. Ведь действительно, «до сих пор идеи и духовные ценности, которыми руководствовался летописец в ходе своей работы, во многом остаются загадочными» (Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов / И.Н. Данилевский. – М.: Аспект Пресс, 2004. –

менению отношения в отечественной науке к проблемам церковного строительства в восточнославянском обществе. Если избежать неоправданных исторических обобщений, то становится ясно видна неоднородность исторического процесса церковного развития.

В этом случае неминуемо необходимо поставить вопрос о периодизации истории древнерусской церкви в домонгольской Руси. Как нам видится, первое серьезное основание для пересмотра устоявшихся научных взглядов по проблеме периодизации истории русской церкви, положили работы М.Д. Присёлкова. Его труд «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв.», ставший хрестоматийным пособием для всякого историка-русиста, занимающегося изучением проблем раннего феодализма, выделил несколько этапов в нашей ранней истории, которые нашли свое отражение в содержании книги¹. Признавая правоту русского ученого, мы все же должны уточнить границы эпохи Ярославичей. Рассматривать период правления детей Ярослава в отрыве от второй половины единодержавия их отца, Ярослава Владимировича, нам кажется в данном случае не совсем оправданным.

На наш взгляд, верхняя граница исследования церковно-государственных отношений должна определяться не началом княжения князя Изяслава, а началом крупных преобразований в церковной и государственной сферах еще в период правления самого Ярослава Владимировича

С.86). Трудно определить границу того, где летописец проводит параллель русской и библейской историй, а где он «подгоняет» историческое повествование под образы Священного Писания и других доступных ему зарубежных источников.

¹ См.: Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. / М.Д. Присёлков. – СПб: Наука, 2003. – С.241-245

Мудрого в 1037 г.¹ Действия его детей в этом направлении необходимо рассматривать как продолжение начатой церковной политики. Таким образом, период Ярославичей продолжался около 56 лет до самой смерти Всеволода Ярославича в 1093 г. Именно в эти десятилетия произошли серьезные изменения во взаимоотношениях великокняжеской власти и церкви, положившие начало установлению между ними неких паритетных начал существования.² Несомненно, взаимный интерес приобрел почву, сулившую выгоды обеим сторонам. Это особо хорошо видно в статьях Устава Ярослава³ и в фиксации событий церковно-политической жизни в летописных записях.

При всём кажущемся единстве эпохи Ярославичей по вопросу государственно-церковных отношений мы можем проследить процесс постепенного изменения жизни высшего церковного управления в исследуемый нами период.

Открытие в 1037 г. митрополии в Киеве было связано не только с именем Ярослава, но и митрополита Феофемпта, по всей видимости, грека. Как хорошо сказал об этом В.Я. Петрухин, повторив мысли многих отечественных исследователей: «<...> при Ярославе Киев становит-

¹ См.: Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – Т. 1. – Стб.151-152

² См.: Гайденко П.И. Место киевского митрополита в системе политических отношений Киевской Руси (988–1037 гг.). Дисс. канд. ист. наук. / П.И. Гайденко. – Казань, 2005. – С.55-57

³ Данный Устав в своих статьях 1, 54, 55, 56 не только констатирует некий союз между великим князем и митрополитом, но и дарует церкви судебный иммунитет от судебной власти великого князя, бояр и их судей (См.: Устав князя Ярослава о церковных судах: Основной извод // Древнерусские княжеские уставы XCI–XV вв. / Издание подг. Я.Н. Шапов. – С.85-91)

ся русским Царьградом»¹. Однако здесь не все просто и однозначно. Дело в том, что ни Лаврентьевская, ни Ипатьевская летописи не называют имени русского митрополита в год закладки митрополии². Почему это происходит? Почему монах-летописец не сразу указывает как зовут первоиерарха? Возникает довольно сложная и противоречивая ситуация: есть митрополия, но не виден митрополит. Можно предположить, что, по-видимому, великого князя больше интересовал митрополичий титул его первосвященника, нежели сама личность главы русской церкви. Первое и последнее сообщение о Феопемпте в этих источниках относится к 1039 году. «Священа бысть церкви святыя Богородиця, юже созда Володимер отець Ярославль, митрополитом Феопомтомь»³. Имя этого иерарха значится первым и в новгородском Комиссионном списке имен русских митрополитов⁴.

После 1039 г. личность Феопемпта на страницах летописей более не встречается. Похоже, что названное событие стало его главным деянием, так что «этим актом и ограничивается деятельность в Киеве первого митрополита»⁵. Как и прежде, сообщения этих источников о церковной жизни Руси предельно скудны. В свое время это

¹ Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории Русской культуры: Древняя Русь. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 1. – С.182; См.: Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI-первой трети XIII в. / М.Б. Свердлов. – СПб: Академический проект, 2003. – С.357

² См.: ПСРЛ. Т. 1. – Стб.151-152; См.: Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – Т. 2. – Стб.139-141

³ ПСРЛ. Т. 1. – Стб.153

⁴ «первый митрополит руский Феопент» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 3. – С.163)

⁵ Кузьмин А.Г. Крещение Руси / А.Г. Кузьмин. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2004. – С.262

«таинственное» исчезновение митрополита, предшествовавшее началу русско-византийской войны 1043 г., так бесславно закончившейся для русского воинства¹, дало основание М.Д. Присёлкову предположить, что между Феопемптом и Ярославом возник конфликт. Как полагал русский историк, основой для разногласий стала литературная деятельность митрополита, как будто бы умалившего заслуги Владимира Святославича в пользу греков.² Впрочем, как пишет об этом «Православная энциклопедия», «остаётся неясным, в какой мере конфликт Руси с Византией в 1043-1046 гг. имел, как иногда думают, церковную подоплеку».³ Церковная же история, традиционно предпочитающая избегать острые углы, была склонна к версии о естественной смерти Феопемпта.⁴ Однако само по себе для нашего исследования выяснение обстоятельств жизни и смерти митрополита не столь существенно.

Впрочем, летописный текст подводит к несколько иной мысли. Если при Владимире Святославиче стояла глобальная и вместе с тем аморфная задача христианиза-

¹ Впрочем, здесь не всё однозначно. В этом отношении особенно интересны работы Литаврина, скептически относившегося к устоявшемуся мнению о «неудачной» для Киева Русско-византийской войне. «Неудача похода не ослабила позиций Руси в отношениях с империей. Византия продолжала искать мира с русскими – и через три года он был заключён на почётных условиях для правительства Русского государства» (Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX-XII вв.) / Г.Г. Литаврин. – СПб: Алетейя, 2000. – С.256)

² См.: Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. С.54-56, 60

³ Православная энциклопедия / Под ред. патриарха Алексия II. – М.: Православная энциклопедия, 2000. – С.42

⁴ Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви / Макарий (Булгаков). – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского мон-ря, 1995. – Кн. 2. – С.129

ции древнерусского государства¹, то уже при Ярославе великокняжеская власть осуществляет несколько иную цель – создание стройной церковной иерархической структуры. Ведь по сути, Ярослав занимается церковными делами лишь в двух крупнейших епархиальных центрах: Новгороде (1036, 1051 г.) и Киеве (1037-1053 гг.).² Акценты религиозной политики Ярослава более ясные, чем у его отца – и, может быть, именно это обстоятельство обеспечило успех его начинаний. А.В. Карташев, симпатизировавший гипотезам М.Д. Присёлкова об охридском влиянии на Русь, скептически относился к сообщениям летописей за 1037 г.³ И, тем не менее, действия Ярослава отличаются большей систематичностью, чем начинания его отца, во всяком случае, они выглядят таковыми из сообщений Повести временных лет (ПВЛ).

Действительно, мы можем увидеть некую централизованную, ясную, национально-ориентированную рели-

¹ Так, например, А. Рейц, сомневался в возможности существования организованной церковной жизни в период правления Владимира Святославича. По мнению ученого, более или менее организованные формы церковного устройства, такие, например, как епархии возникли в более поздний период, то есть по смерти Владимира I (Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / А. Рейц. – М., 1836. – С.46)

² Кроме Киева и Новгорода летописание упоминает и некие «грады и места», в которых Ярослав проводил свои церковные преобразования. Но, по видимому, эти населенные пункты находились вблизи Киева, либо на территории великокняжеского домена (тех же столичных пригородов), поскольку поставлявшихся туда священников великий князь наделял «от имени своего урок». Да и к тому же сам текст древнейших сводов дает основания считать, что реформа Ярослава распространялась не на новые территории, а только на те, в которых уже были христиане либо уже существовали храмы (ПСРЛ. Т. 1. Стб.153)

³ «<...> кто посмотрит летопись за годы от крещения кн. Владимира и до 1037 г., не может не удивиться её полному молчанию об устройстве и возглавлении русской церкви: кто были её митрополиты и где жили? Молчание явно искусственное, дипломатическое» (Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви / А.В. Карташев. – М.: Terra-Terra, 1993. – С.166)

гиозную политику. Для этого князя церковь уже не только символ его «европейскости», но и повседневная реальность, норма жизни (конечно же «норма» в условиях XI в., а не в идеалистических трактовках церковных учебников). Это хорошо, например, видно не только из летописного текста, но и из росписей Софийского собора Киева.¹ Более того, матримониальные связи Ярослава также были освященные церковью, что сыграло важную роль в становлении скандинавских монархий.²

Осознавали ли Владимир, а за ним и Ярослав интегрирующую роль церкви? Вполне возможно. Однако изменим вопрос. Не желали ли они придать церкви интегрирующую функцию? Последний вариант проблемы нам кажется более оправданным. Действительно, лихорадочное проведение языческой реформы 983 г., а за тем столь же поспешное осуществление мероприятий по крещению Киева и древнерусских центров в 988 г. указывают на то, что от религиозной организации на Руси ожидали вполне определенных политических шагов по консолидации государства.³ Здесь необходимо признать, что воспитанное в византийских традициях христианское духовенство не только не торопилось с этими шагами, но и просто не было на них способно⁴, тем более в условиях русской религиозности, не «скованной нормами цивили-

¹ См.: Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI-первой трети XIII в. – С.364-369

² См.: Лебедев Г.С. «Скандовизантия» и «Славотюркика» как культурно-географические факторы становления Руси // Русская литература, 1995. – №3. – С.35

³ См.: Кузьмин А.Г. Крещение Руси. – С.215-217

⁴ См.: Пётр (Гайденок П.И.), иером. Место русского митрополита в системе церковно-государственных отношений домонгольской Руси (Постановка вопроса) // Православный собеседник: Альманах Казанской духовной семинарии. – Казань: Изд. отд. КГЭУ, 2004. – Вып.1 (6). – С.147

зации, морали или науки».¹ По-видимому, и сам Владимир не вполне ясно представлял жизнь и деятельность церковных институтов², поэтому столь неожиданным и было его разочарование (996 г.). Как хорошо заметил П.Н. Милюков, в первое время после принятия христианства «ничтожная по численности кучка людей, наиболее увлечённая новыми верованиями, усердно, хотя и не вполне удачно, старалась воспроизвести на Руси утонченные подвиги христианского благочестия».³ Впрочем, едва ли это замечание в полной мере возможно отнести к Владимиру, но его принадлежность к этой благочестивой «кучке людей» очевидно.

Несомненно, Ярослав умело воспользовался плодами трудов своего отца. Похоже, что Феопемпт оказался промежуточной фигурой в планах русского правителя, касавшихся церковных преобразований в Киеве. Во всяком случае, как уже отмечено выше, образ этого митрополита в ПВЛ никак не отражен. Здесь, нам кажется уместным задать вопрос о начале древнерусского летописания, которое нередко связывается с именем этого легендарного Феопемпта. Действительно ли он был одним из первых составителей нашей истории, как, например, считали А.А. Шахматов и М.Д. Присёлков⁴? Допустим, что Присёлков оказался прав относительно того, что Фе-

¹ История русской святости. – М.: Православный приход храма Казанской иконы Божией Матери в Ясенево, 2001. – С.5

² А.В. Назаренко справедливо замечает, что в период правления Владимира Святославича картина церковно-административной структуры «лишена определенности» (ПЭ. С.41)

³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. / П.Н. Милюков. – М.: Пресс-Культура, 1994. – Т.2. – Ч.1. – С.25

⁴ Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. С.52-53; Шахматов А.А. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды: Разыскания о древнейших русских летописных сводах / А.А. Шахматов. – СПб: Наука, 2002. – Т.1. – Кн.1. – С.281

опемент действительно был составителем Древнейшего свода, и эта летопись не удовлетворила Ярослава, задела его самолюбие и даже оскорбила его сыновние чувства по отношению к Владимиру Святославичу. Тогда почему великий князь не удалил эту досадную страницу, и, порвав связи с провинившимся митрополитом, оставил эту статью без изменений? По меньшей мере, это странно. К тому же ПВЛ даёт все основания считать, что летописание находилось под полным контролем не церковных властей, а самого правителя Руси. Организация библиотеки, школы, переводов осуществляется исключительно под руководством Ярослава и с его участием¹. О роли митрополита нет и слова. Так что вполне возможно, что Древнейший свод мог оказаться плодом рук вовсе не митрополита, а самого Ярослава. Кому как не ему мог прийти по душе панегирик его заслуг в деле устройства Руси, запутывание следов семейных связей рода Рюрика². И, наконец, находясь под обаянием византийской культуры, никто другой как Ярослав не отстаивал культурную и церковную независимость Руси от империи.

Здесь нам видится уместным задаться вопросом и о целях создания летописного свода. Эта проблема очень удачно поднята в работах И.Н. Данилевского³. В этом отношении существует несколько мнений, защищающих политические или церковно-догматические причины появления тех или иных летописных сводов. Последняя концепция особа интересна.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб.151-153

² См.: Гайденок П.И. Место киевского митрополита в системе политических отношений Киевской Руси (988-1037 гг.). С.171-172

³ См.: Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. С.86

Вполне возможно, что появление летописей могло быть лишено каких-либо политических мотивов и действительно связано с некими церковно-догматическими концепциями. Но при этом почему-то мы не задумываемся над тем, что летописание могло существовать по «голой» воле князя, являясь плодом его тщеславия или феодального самомнения. Необходимо сказать, что сам И.Н. Данилевский не отрицает такой возможности. В конце концов, составление хроник могло стать делом и личного престижа русских правителей перед лицом дворов других государств, где ведение записей подобного рода было делом обычным. Все же наличие летописания или участие в литературной деятельности – тоже могло рассматриваться, как один из символов «просвещенности» феодального монарха, претендовавшего на некое европейское признание. Но при этом необходимо признать, что только в руках талантливого летописца свод приобрел ту многогранность, которая стала предметом изучения и споров ученых, порой не отделявших мотивы заказчиков летописи от религиозно-политических ценностей действительных авторов сводов. Как справедливо заметил Д.С. Лихачев, до сих пор не известны отношения между заказчиками летописей и их составителями.¹ Именно в этом отношении для нас особо интересны методы И.Н. Данилевского.

Под 1051 г. Повесть временных лет сообщает: «Постави Ярослав Лариона митрополитом, Русина, в святей Софьи собрав епископы».² Этому шагу Ярослава пред-

¹ «Мы не имеем до сих пор обстоятельного исследования о древнерусских книжниках: кем они были, на каких условиях производили переписку или работу над текстом, каковы были взаимоотношения между заказчиком и исполнителем работы <...>» (Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X-XVII веков. – Ленинград: Наука, 1983. – С.59)

² ПСРЛ. Т. 1. Стб.155

шествовала смерть его жены, княгини Ирины. Продолжительное молчание летописи о судьбах русской церкви и её иерархов в какой-то степени показательны. Вполне возможно, что в Киеве к этому времени уже продолжительный период не было митрополита. Во всяком случае, о нем нет никаких упоминаний, которые бы хоть как-то прояснили его судьбу: был ли он ещё жив, или же умер, как об этом писал митрополит Макарий (Булгаков). Во всяком случае, сообщение о «крещении» костей Ярополка и Олега в Повести временных лет не содержит никаких упоминаний об участии митрополита в этом, безусловно, знаковом событии.¹ Впрочем, здесь возникает вопрос: что необходимо понимать под «крещением» костей погибших князей? Действительно ли это было таинство крещения, или же мы имеем дело с простым освящением останков для их перезахоронения под сводами храма? Хотя, надо признать и первое, и второе едва ли как-то согласовываются с церковной богослужебной и канонической традицией. Для нас в данном случае важно одно – инициатива происходила от князя и митрополиту в этом деле не отведено сколько-нибудь значимого места.

Нельзя в полной мере утверждать, что между Русью и Константинополем окончательно были прерваны отношения. Между тем, наверняка должны были сохраниться политико-экономические и церковные отношения между Киевом и Крымом. Так, например, А. Куник в своей работе «О записке готского топарха» упоминает об инструкции, полученной французским епископом, прибывшим на Русь в составе посольства, сватавшего короля Франции Генриха I за Анну Ярославну. Церковному дипломату было поручено «разведать, не в тех ли местно-

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб.155

стях находится Корсунь и проч.».¹ Формулировка задания с одной стороны указывала на неразвитость географических знаний, а с другой, – о том, что Корсунь отождествлялся с Киевскими владениями. Конечно, в днепровской столице, экономика которой была связана с византийскими рынками, вполне могли ответить на подобные вопросы.

Так же обратим внимание и на то, что, сообщая о закладке храма святой Софии в Новгороде в 1045 г., Лаврентьевская и Ипатьевская летописи не упоминают об участии в этом деле митрополита. Кратко обозначив, что в этот год «заложил Володимер святыю Софью Новгороде»², ПВЛ совершенно ничего не знает об обстоятельствах освящения храма. Для её автора, вполне возможно, это событие сугубо, как бы сейчас сказали, «региональное». Тем не менее, Новгородская летопись, в отличие от ПВЛ, пишет об участии в этом деле князя Ярослава, его сына Владимира и архиепископа Луки Жидяты.³ Последний, по-видимому, пользовался особым расположением великого князя, некогда лично привезшего этого архипастыря в этот город.⁴ Как нам видится, вполне возможно предположить, что в этот год между Ярославом, его старшим сыном и Лукой Жидятой поддерживались особые связи, о которых хорошо было известно в Новгороде, но не знали в Киеве. В.Я. Петрухин в одной из своих работ дает основание предполагать славянское происхож-

¹ Куник А. О записке готского топарха (по поводу новых открытий о таманской руси и крымских готах) / А. Куник. – СПб, 1874. – С.81

² ПСРЛ. Т. 1. Стб.155

³ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С.117

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб.150

дение Луки Жидяты¹. Если бы высказанная догадка оказалась верна, то это бы несколько иначе расставило акценты в истории церковной политики Ярослава. Тем не менее, предположение Петрухина нам кажется сомнительным.

И уже на следующий год решается вопрос избрания нового митрополита. Обратим внимание и на то, что, говоря о поставлении Иллариона, летописец обращает внимание не только на то, что тот избран собором епископов, созванном по воле Ярослава, но и особо акцентирует внимание на этнической принадлежности нового русского предстоятеля. Несколько иначе расставила акценты значительно более поздняя Никоновская летопись. Для неё было важно иное: «Поставлен бысть митрополит на Руси своими епископы»². Тем не менее, для древних летописцев было важнее то, что Илларион был именно русским, а не греком.

Вполне возможно предположить, что появление имени Ярослава в Новгородском летописании за год до избрания митрополита не случайно. Трудно сказать, присутствовал ли Ярослав на освящении нового Софийского храма в Новгороде или нет. Но то, что шли какие-то консультации – нам видится очевидным. Наиболее вероятно, с возведением собора одновременно мог решаться вопрос о занятии пустующей киевской кафедры. Как бы Никоновский свод ни пытался представить избрание Иллариона в самых миролюбивых тонах³, скорей всего торго-

¹ См.: Петрухин В.Я. Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / В.Я. Петрухин. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С.116-117

² ПСРЛ. Т. 9. С.83

³ «<...> Русстии епископи поставиша Илариона, Русина, митрополита Киеву и всей Русской земле, не отлучающесе от православных патриарх и благоче-

политический конфликт между Русью и Византией, затронувший помимо всего и церковную почву так и не был к этому времени преодолен. Может быть, накануне избрания Иллариона Ярослав заручился помощью и поддержкой Луки. В случае созыва собора греческих епископов можно было ожидать чего угодно и, возможно, авторитет преданного князю новгородского архиепископа решил исход дела. Впрочем, это не более чем предположение.

Сомнительно утверждение А.П. Доброклонского, считавшего, что избрание Иллариона было подтверждено согласием константинопольского патриарха.¹ Не менее маловероятны сообщения А.Н. Муравьева, вообще писавшего о том, что патриарх Михаил Керуларий якобы прислал Иллариону благословенную грамоту.² В качестве аргумента своих убеждений и первый и второй исследователи приводят проезд из Византии трёх певчих, якобы присланных патриархом. Однако будь всё именно так, то надо признать, что это был бы, по меньшей мере, странный «подарок» новоизбранному иерарху.

Не все так просто в истории о митрополите Илларионе. Обычно церковно-исторический нарратив склонен видеть в Илларионе любимца Ярослава. Для этого имеется достаточно оснований. Непорочная жизнь, удивительный литературный дар³, патриотизм – вот малая толика

стия Греческаго закона, ни гордящися от них поставлятися, но соблюдающися от вражды и лукавства, якоже беша тогда» (ПСРЛ. Т. 9. С.83)

¹ Доброклонский А.П. Руководство по истории русской церкви / А.П. Доброклонский. – М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 2001. – С.30-31

² Муравьев А.Н. История российской церкви / А.Н. Муравьев. – М.: Паломник, 2002. – С.55

³ См.: Илларион. Слово о Законе и Благодати / Илларион. – М.: Столица, Скрипторий, 1994. – 146 с.

достоинств архипастыря. Однако почему Илларион, воспевавший Владимира и Ярослава в своём «Слове о Законе и Благодати», не присутствует на похоронах великого князя зимой 1054 г.? Сомнительно, чтобы митрополит к этому времени умер. Макарий (Булгаков), например, считал, что правление Иллариона продолжалось аж до 1055 г.¹ Тогда затруднительно понять, почему митрополит не участвовал в похоронах своего благодетеля в то время, как священство совершало отпевание своего князя.² Помимо Иллариона на погребении Ярослава нет и других епископов. Где же они? Не заметить их летописец не мог.

Таким образом, в период правления Ярослава, незадолго до его смерти, впервые предпринимается попытка изменить политическое соотношение сил внутри церковного института. Это время вражды и лукавства. Причину того, что митрополит Илларион мог быть отстранен от управления русскими епархиями, М.Д. Присёлков связывал с браком Всеволода Ярославича на греческой царевне и рождении у них сына Владимира³, о последнем действительно сообщает Лаврентьевская летопись.⁴ При всей фантастичности многих высказываний Присёлкова в данном случае нельзя не признать, что, вполне возможно, он не был далек от истины. Во всяком случае, нельзя не согласиться с Г.В. Вернадским о том, что достоверных сведений о судьбе Иллариона после его смещения нет.⁵

¹ Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. Кн. 2. С.663

² ПСРЛ. Т. 1. Стб.162

³ См.: Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. С.66

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб.160

⁵ См.: Вернадский Г.В. Киевская Русь / Г.В. Вернадский. – Тверь, М.: Леан; Аграф, 2001. – С.92

После смерти Ярослава Первая Новгородская летопись упоминает некоего митрополита Ефрема¹. По-видимому, Лука Жидята был осуждён на три года, и при том осужден единолично новым митрополитом, принявшим решение, скорее всего, самостоятельно, без созыва собора. Видимо, для современников было совершенно ясно, что Лука был оклеветан и пострадал (был задержан в Киеве) неповинно. И, тем не менее, не всё в этом деле однозначно. Что позволило Ефрему возбудить процесс против византийца Луки? Не был ли возникший конфликт связан с возможным сирийским происхождением новгородского архиепископа? Чем можно объяснить молчание других епископов в деле об опальном архипастыре? Почему Лука подчинился этому приговору (в Киев он приехал сам, а не был привезён)? Какие ресурсы позволяли этому Ефрему удерживать в Киеве архиепископа²? Гипотеза Присёлкова относительно личности Ефрема³ для нас не столь важна. Но, видимо, у Ефрема могли существовать какие-то личные претензии к Луке. Почему бы в этом случае ни задаться вопросом: а существовали ли претензии к архиепископу со стороны Изяслава? Вспомним о конфликте великого князя с Печерским монастырём. Вспомним и о том, что никто из триумvirата Ярославичей не решился сесть в Новгороде.⁴ Почему? Не

¹ «В сем же лето клевета бысть на епископа Луку от своего холопа Дудикы, и изыде из Новагорода и иде Киеву, и осуди митрополит Ефрим, и пребысть тамо три лета» (ПСРЛ. Т. 3. С.182-183)

² По-видимому, у митрополита было достаточно сил и власти, чтобы смирить знатного и едва ли ни самого влиятельного иерарха русской церкви. Не известно, обладал ли Ефрем стражей и тюрьмой? Или же он мог просто воспользоваться помощью, а, может быть, и покровительством Изяслава?

³ См.: Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. С.67-68

⁴ Скорей всего, это связано с борьбой Новгорода за свою независимость от Киева. Как писал Б.Д. Греков, «по смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) мы

был ли как-то связан с прещениями против Луки новгородский посадник Остромир, посаженный Изяславом в Новгороде сразу по смерти Ярослава Владимировича? Любопытно здесь ещё и то, что Изяслав принимает решение посадить Остромира в Новгороде ранее, чем он сам был провозглашён великим князем.¹ П.П. Толочко небезосновательно обратил внимание на то, что посадничество Остромира ознаменовано минимальным числом летописных записей². Действительно, «вторая половина XI в. сопровождалась заметными переменами в положении князя на новгородском столе. Эти перемены нельзя рассматривать изолированно от борьбы новгородцев против господства Киева»³. И, похоже, Лука Жидята сыграл здесь не последнюю роль.

Более всего знаменательно то, что после смерти Ярослава в церкви восторжествовала греческая партия среди епископата⁴ и теперь, в условиях безучастности

видим явные признаки феодальной раздробленности» (Греков Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. – М.: АСТ, 2004. – С.587). По-видимому, Новгородцы понимали зыбкость и нестабильность политического равновесия, установленного завещанием Ярослава. Как отмечает И.Я. Фроянов, что уже «<...> к исходу XI в. род Рюриковичей стал менее консолидированным и более подверженным внутреннему соперничеству <...>. Перед новгородцами открывалась возможность играть на княжеских междоусобицах, добиваясь своих целей» (Фроянов И.Я. Начала Русской истории. Избранное / И.Я. Фроянов. – М.: Издательский дом «Парад», 2001. – С.816)

¹ Софийская первая летопись старшего извода. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 6. – Вып. 1. – Стб.182

² См.: Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X-XIII вв. – СПб: Алетейя, 2003. – С.180

³ Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия / И.Я. Фроянов. – СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1992. – С.167-168

⁴ По подсчётам А.А. Горского, «как минимум 8 из 19 епископов, известных во второй половине XI столетия, были русскими» (Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства / А.А. Горский. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С.126)

нового князя (а, может быть, и при его молчаливом покровительстве), в духе «лучших» византийских традиций сводила счеты со сторонниками прежнего митрополита. Правда, новгородцы не остались в долгу. Митрополит Ефрем не попал в официальный список русских митрополитов¹. Не знают этого митрополита и другие древнейшие своды.

События вокруг Луки Жидяты развивались драматично. Под 1059 г. Никоновская летопись сообщает о смерти архиепископа во время его возвращения из Киева (15 октября)². В этом отношении она несколько развила Новгородские известия 6568 (1059/60) г. о смерти Луки.³ Однако Четвёртая Новгородская летопись сохранила особое сказание, предварявшее смерть Луки. «Того же лета <6566 (1057/58)> архиепископ Лука приял стол свой в Новегороде и власть свою; Дудици же холопу оскомины быша, урезаша ему носа, и руце обе усекоша, и збежа в Немци».⁴ По-видимому, сбежал «в немци» архиепископ. Впрочем, симпатии летописца на его стороне.

Говоря о возвращении в 1058 г. Луки Жидяты в Новгород, летописец пишет об архиепископе, как о власти имеющем, почти как о князе, возвращающемся в свою отчину: «приял стол свой в Новегороде и власть свою».⁵ Расправа, учиненная над доносчиком, также подтверждает, что Лука пользовался особыми правами и поддержкой в северной столице Руси, был воплощением времен Ярослава. По-видимому, уже в этот период власть новгородского архиепископа была сопоставима с

¹ ПСРЛ. Т. 3. С.163

² ПСРЛ. Т. 9. С.91

³ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С.120

⁴ Там же. – С.118

⁵ Там же. – С.118

властью новгородского князя. Это очень рознило Новгород с Киевом. Однако вслед за этим архиепископ был вынужден покинуть город. Примечательно, что именно под этим годом летописец поместил поучение опального святителя. Смерть же его по дороге из Киева ясно указывает, что скитания Луки были недолгими, и старому архипастырю пришлось объясняться в Киеве о случившемся. Впрочем, на этот раз, мы не знаем ни о каких наказаниях, наложенных на него. Уважительное же отношение к нему летописцев указывает на то, что обстановка в Киеве изменилась, а с ней и отношение к архиепископу.

Таким образом, мы можем наблюдать несомненное усиление политического влияния церковной организации. Правда, это еще не правило, не заслуга системы церковного управления, а авторитет конкретных личностей. Тем не менее, великокняжеская власть вполне осознавала возрастающую силу архипастырей, предупреждая их самостоятельность и толкая на сомнительные поступки.

Эти и дальнейшие события покажут, что дети Ярослава оказались менее последовательны в своей церковной политике, чем их отец. Впрочем, их политическая деятельность была прямым продолжением начинаний Ярослава, своего рода логическим продолжением его дел.

Л. Галиев

ст. преподаватель Института государственной службы
при Президенте РТ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ДУХОВНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ

На пороге третьего тысячелетия, в условиях качественных изменений в общественной жизни человечества, когда социальное творчество, новаторство становятся главным фактором социального прогресса, профессиональный потенциал специалистов в любой сфере жизни общества приобретает первостепенное значение.

Современная социология, как наука о социальном мире, социальных взаимодействиях людей включает данную проблематику – потенциал личности, – в свой предмет.

Сегодня сложно вести речь о наличии специально разработанных механизмов взаимосвязи педагогического и социологического анализа или об уже разработанном инструментарии целостного социолого-педагогического исследования, позволяющего в единстве и взаимосвязи рассматривать социальные процессы и образование.

Специфика социологии как науки как раз и заключается в том, что каждое проявление человеческой деятельности она изучает в социальном контексте, то есть, социологическая наука связана с изучением социальной и социальной. С этих общих понятий начинается весь категориальный аппарат, вся социологическая терминология, социологические словари: социальная систе-

ма, социальное взаимодействие, социальные отношения, социальный потенциал, социальные изменения, социальные группы, социальная структура и т.д.

Социологический подход к исследованию духовного потенциала сельского учителя обнаруживает свою специфику в изучении детерминант ее развитие. Анализ социальных закономерностей, динамики становления этого социального феномена. Разработка теоретико-методологических комплексов качественных и количественных показателей, характеризующих уровни развития духовного потенциала сельского учителя, интериоризации ее основных компонентов, представляет возможность соотносить текущие процессы духовности с желаемыми. Построение типологии духовного потенциала позволяет выявить основные направления и тенденции его развития, оценивать этот процесс с точки зрения перспективности, управлять им в соответствии с объективными требованиями.

Духовная культура проходит в своем развитии следующие этапы:

- информационный (здесь наблюдается преобладание когнитивно-оценивающего и эмоционально-потребностного компонентов),
- аксиологический (это чаще доминирование социально-этического компонента),
- самосовершенствования (мотивационно-волевой компонент, связанный с экстериоризацией духовных ценностей).

Основной задачей социологии образования является выявление механизмов взаимодействия и взаимовлияния образования и различных подсистем общества: экономических, политических, социальных, культурных. Образование является элементом общества, испытывает все из-

менения, происходящие в нем. К примеру, особого внимания заслуживает новый тип социальной стратификации, складывающийся на современном этапе, который приводит к дифференциации и стратификации учебных заведений. Возникает «элитарная» система образования, в дальнейшем «выбирающая» наиболее способных детей и подростков, а также преподавателей.

Все это закрепляет социальное неравенство в его наиболее интенсивной форме – образовательного неравенства.

Изучение этих процессов, соотнесение их со столь важной для российского менталитета ценностью «социальная справедливость» является крайне актуальным и значимым для поддержания социального настроения формирования образовательной политики.

Переходный характер процессов, происходящих в нашей стране: экономические, политические, социальные реформы, внедрение рыночных отношений – естественно, влияет на социальный институт образования в целом.

Поэтому необходимо выявить место образования в системе общественных отношений на современном этапе развития общества.

Очень важна и другая сторона процесса взаимовлияния образования и общества, а именно – воздействие образования на общество. Что изменяется в обществе в связи с инновационными процессами, происходящими в школе?

В современном мире в условиях постиндустриальной революции школа теряет свою монополию на образование. В полной мере это относится к нашему обществу.

Семья, средства массовой коммуникации, малые группы, крупные корпорации и городская среда не в

меньшей, а иногда и в большей степени, чем школа, несут в себе образовательные функции.

Определить, чье влияние на процессы социализации сильнее и эффективнее, овладеть знанием тех социальных сил, которые сознательно и подсознательно, прямо или косвенно влияют на процессы образования, – все эти проблемы изучаются в рамках социологического подхода.

Социологический подход к образованию означает также изучение образования как наиболее значимого элемента образа жизни людей, тесно связанного с другими элементами повседневной деятельности. Поэтому социологию интересует влияние на образование труда, быта, свободного времени, условий жизни, ценностных ориентаций, различных форм и видов деятельности. Очень важно изучение и обратного воздействия образования на различные стороны образа жизни людей либо социальных групп.

Особенность социологического подхода к образованию состоит в анализе степени удовлетворенности им различных социальных групп, которые находятся внутри и вне системы образования (группы учащихся, учителей, управленцев, родители, средства массовой информации и т.д.).

Очень важно знать, как в переходный период от индустриального к постиндустриальному обществу чувствуют себя люди, находящиеся в системе образования.

В последние годы пусть медленно, но идет процесс формирования гражданского общества. Формируется разветвленный негосударственный сектор, создаются общественные организации и ассоциации в системе образования – это попечительские советы, творческие объединения, клубы и т.д.

Естественно, в решении вопросов образования в широком смысле слова меняется соотношение между государством и обществом как в плане постановки совокупности образовательных задач, так и в плане их решения.

Формирование общественно-государственной модели управления, создание региональных проектов, расширение образовательных инфраструктур также требуют социологического анализа и прогнозирования.

Социология образования изучает все новые тенденции, возникающие в системе образования. Среди них – непрерывное образование, причем как с точки зрения личной заинтересованности людей в его получении, так и с позиции общественного признания значимости этого направления деятельности.

Таким образом, использование социологического подхода позволяет сочетать в изучении образования две его стороны – общественную и личностную (социально-групповую). Образование может быть рассмотрено как социальное явление и процесс, как социальная система и как социальный институт.

Поэтому социология образования предполагает не только изучение социальных организаций и социальных общностей, но и, в том числе, форм совместной деятельности.

СУГГЕСТИВНОСТЬ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ КЮИ МВД РОССИИ

Россия 21-го века продолжает идти по пути комплексной модернизации всех сфер жизнедеятельности. Заметные изменения происходят в сфере культуры, политики и поведении людей. Однако большинство отраслей производства переходит на новые технологии не так быстро, как хотелось бы. Причем этот разрыв особенно заметен в зависимости от отрасли промышленности.

Радует, что трансформация культуры и политическая модернизация в нашей стране «идут в ногу со временем». Средства массовой информации пытаются убедить нас в создании функционирующих институтов демократической власти. Периодически делаются заявления об образовании среднего класса в России. Несмотря на явные достижения (свобода слова, законодательно закрепленное разделение властей и т.п.) сохраняется значительная инфляция, рост доходов на душу населения вызывает большие сомнения у большинства граждан страны. Продолжаются эпизодические военные действия в Чечне.

Такая ситуация большинством людей считается нормальной (не вызывает активных протестных действий). Сознание подавлено глубокой апатией, страхом или переключением своих интересов на утилитарные нужды. Ситуация стабильности поддерживается мощной системой внушения, главным элементом которой явля-

ются СМИ. Можно констатировать, что, отказавшись от тоталитарного строя, для которого было характерно открытое принуждение (насилие над личностью), Россия, перейдя к демократическому устройству и рыночной экономике, просто сменила форму принуждения на скрытую (насилие над психикой). Осуществление власти в современном российском обществе приобрело наиболее коварную форму. Она предотвращает возможные недовольства людей путем формирования у них таких восприятий, знаний и предпочтений, которые обеспечивают принятие людьми своих ролей в существующем порядке вещей – или в силу того, что они не видят альтернативы этому порядку, или потому, что считают его божественно предопределенным или выгодным.¹ Происходит успешное скрытое манипулирование сознанием больших масс населения. Это становится возможным благодаря довольно значительной степени внушаемости больших групп людей.

Ситуация неопределенности, множественность жизненных идеалов и стратегий, мощное воздействие многократно усилившихся информационных потоков сильно ослабляет защитные механизмы психики человека современного российского общества. Этим пытаются воспользоваться мошенники разных мастей. Поэтому возникает необходимость детального изучения данного вопроса и проведение исследований по проблеме индивидуальной и групповой внушаемости.

Данное социологическое исследование представляет одну из таких попыток определения влияния модернизационных процессов современного российского общества на степень внушаемости студентов (курсантов) Ка-

¹ Lukes S. Power: A Radical View. – Basingstoke, 1974. – P.26

занского юридического института МВД России. Было опрошено 223 студента (курсанта) в 2002 году и 244 в 2006, что позволяет говорить о достаточной репрезентативности исследования. Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы.

Абсолютное большинство студентов (курсантов) уверены, что «манипуляция – это управление» (90,54% и 90,87% в 2002 и 2006 году соответственно), что показывает достаточный уровень понимания понятия «манипуляция».

На вопрос «Можете ли Вы осознавать, чувствовать, что Вами скрытно манипулируют?» мнения разделились следующим образом: «да» и «иногда да, иногда нет» ответили (35,87% и 39,01% соответственно в 2002 году и 36,50% и 40,0% в 2006-м), вариант «нет» и «не знаю» выбрали (13,00% и 12,11% в 2002, в 2006 – 12,50% и 11,00%) респондентов. Можно отметить положительный факт – более 70% могут осознавать, что ими манипулируют.

Выбор респондентами пути управляющего воздействия на человека, группу людей дал следующие результаты: пути «открытого» управления придерживаются 21,97% в 2002 году, в 2006 их количество составило 20,45%. Скрытое управление считали эффективным в 2002 году 67,71% студентов (курсантов), а показатели 2006 года составляют 68,10%.

На вопрос «Вами пытались манипулировать (в семье, в быту, на работе, учебе и т.д.)?» утвердительно в 2002 ответили 60,99%, в 2006 – 62,11% опрошиваемых и только 19,28% в 2002 и 19,00% в 2006 году ответили отрицательно, что косвенно подтверждает данные о значительном количестве людей, которые осознают, что ими скрытно управляют.

В ходе исследования получена оценка собственных способностей к убеждению других: «да» 44,84% и 45,67% в 2002 и 2006 годах соответственно, «нет» 10,31% и 11%, «не знаю» 44,84 % и 43,33%.

Попытка получить моральную оценку скрытого манипулирования другим человеком против его воли показала, что считают это нравственным 14,80% и 15,01%, а безнравственным – 47,09% и 48,69%. Причем значительное количество респондентов (21,52%) затруднились ответить на этот вопрос, в 2006 году эта цифра несколько уменьшилась – 17,44%.

Вопрос о возможности изучения приемов скрытой манипуляции и защиты от них вызвал неподдельный интерес у студентов (курсантов) института. Хотели бы прослушать спецкурс – 85,20% в 2002 году, а в 2006 таких уже стало 87,0% и только 7,17% и 5,71% считают это нецелесообразным.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют, во-первых, об актуальности и сложности проблемы. Во-вторых, о недостаточном внимании, уделяемом проблеме скрытого управления в процессе обучения студентов (курсантов). В-третьих, целесообразно создание спецкурса «Приемы манипуляции сознанием и защиты от них», что будет способствовать развитию способностей адаптации к трансформирующейся структуре общества и оптимальной реализации личностного потенциала выпускников высших учебных заведений.

С.Л. Таланов

ст. преподаватель, доцент Рыбинской государственной авиационной технологической академии им. П.А. Соловьева

ВОСПИТАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НЕПОЛНОЙ СЕМЬЕ (региональный аспект)

Традиционно считается, что наиболее проблематичной и уязвимой в воспитательном плане является неполная семья. Так, по данным УВД Ярославской области за 2004 г., 41,5% от общего числа несовершеннолетних правонарушителей, содержащихся в центрах временной изоляции, являются представителями неполных семей. В 2004 г. среди состоящих на учете в подразделениях по предупреждению правонарушителей несовершеннолетних (ОППН) УВД Ярославской области 38,6% составляли дети с одним родителем. Причем, этот показатель имеет тенденцию к росту: в 1997 г. он составлял 36,7%.

В рамках проведенного в 2003-2004 гг. на территории Ярославской области исследования, мы попытались ответить на вопрос: «Каким образом влияет неполная семья на воспроизводство делинквентов?» Объектом исследования являлись: несовершеннолетние, состоящие на учете в отделе по предупреждению преступлений среди несовершеннолетних (ОППН) за совершение краж, но не подлежащие уголовной ответственности в связи с недостижением возраста (N=87); и несовершеннолетние, осужденные условно или к исправительным работам за совершения краж в Ярославской области (N=207). Основанием для выбора объекта явилось то обстоятельство,

что кражи по количественным показателям в решающей степени отражают состояние и тенденции преступности несовершеннолетних. Контрольной группой были студенты двух вузов Ярославской области (N=747).

В какой-то мере судить о роли родителей и родственников в формировании личности можно на основании ответов несовершеннолетних судимых и студентов, которым было предложено ответить на два вопроса:

1. «Кто занимался Вашим воспитанием в рабочее время родителей?»

2. «Кто занимался Вашим воспитанием в свободное от работы время родителей?»

К сожалению, измерить время, уделяемое родственниками на общение с ребенком, чрезвычайно сложно.

Рассмотрим затраты времени членов семей на общение с детьми. По продолжительности времени общения все затраты членов семей можно распределить на несколько основных групп.

Первая группа. Воспитанием ребенка занимаются родители. Они затрачивают наибольшее количество времени на общение с ребенком. Продолжительность ежедневного времени на общение с детьми составила:

– среди матерей – от четырех до пяти часов в день для большинства семей (54,0%);

– среди отцов – менее трех часов для половины семей (51,5%) и более четырех часов для 12% семей.

Видно, что нагрузка по продолжительности времени на общение распределяется весьма неравномерно между женщинами и мужчинами.

Вторая группа. Часть времени по воспитанию несовершеннолетних берут на себя близкие родственники. По данным анкетного опроса бабушки, дедушки и другие члены семьи тоже оказывают неоценимые услуги по вос-

питанию подрастающего поколения, но уже в меньших объемах. На наш взгляд, это можно объяснить большим количеством нуклеарных семей, малодетностью семей и самое главное – низким материальным обеспечением большинства семей, в результате чего родственники (особенно бабушки и дедушки даже после выхода на пенсию) должны работать на нескольких работах одновременно. Во всяком случае помощь родственников в воспитании детей играет уже второстепенную роль по сравнению с затратами на общение родителей, особенно матерей.

Более чем для четверти семей (26,5%) незаменима роль бабушек, которые затрачивают до четырех часов в день для 18% семей и более четырех часов для 16% семей. И все же роль бабушек в воспитании детей не столь значительна, как могло показаться на первый взгляд.

Третья группа. В семьях с двумя, тремя и более детьми наличие еще детей является дополнительным ресурсом, поскольку это позволяет родителям использовать их помощь: для 25% семей незаменимую помощь по воспитанию детей оказывают их братья и сестры. В каждой пятой такой семье они затрачивают время до трех часов в день на общение со своими братьями и сестрами.

По данным нашего исследования можно сделать вывод, что сама по себе неполная семья не является криминогенным фактором. Неполные семьи влияют на воспроизводство делинквентов, но только в результате стечения ряда неблагоприятных факторов: длительного воздействия конфликтной ситуации на детей; возникновения ситуаций эмоционального голода или чрезмерной, жертвенной родительской любви; аморального поведения оставшегося родителя, его низкого культурно-образовательного и профессионального уровня; матери-

ально-бытовых трудностей; слабой связи со школой; неоказание своевременной общественной помощи и т.д.

Кроме того, это иногда дополняется отношением к неполной семье как к чему-то «неполноценному»; трудностями ребенка в общении со сверстниками.

Когда действие одного из этих факторов усиливается действием нескольких других, или они проявляются одновременно, повышается вероятность наступления деформации личности.

П.И. Гайденко

кандидат исторических наук,
ст. преподаватель кафедры Истории и культурологии КГАСУ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ БИБЛЕЙСКИХ ПРАВОВЫХ НОРМ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XI В.

Вопросы канонической жизни древнерусской церкви и христианского влияния на формирование древнерусского права неоднократно подвергались внимательному и тщательному исследованию. Наибольшая заслуга в этом принадлежит главным образом науке XIX в. При этом приоритет изучения проблем взаимосвязи церковного и великокняжеского начал в древнерусском законодательстве в дореволюционной исторической науке традиционно сохранялся за церковными учёными. Главными, и пока что едва ли не единственными источниками, отразившими правовое сознание древнерусского обще-

ства X-XI вв., стали Русская Правда¹, Устав о Десятине Владимира Святославича и Судный Устав Ярослава.² Сразу же отметим, что авторами и инициаторами всех этих документов выступала светская власть в лице Ярослава Владимировича.³ Уже первый взгляд на текст рассматриваемых правовых памятников приводит к заключению об их схожести, выражающейся в том, что перед нами близкие по содержанию и заложенными в них правовыми принципами судебники, причём судебники элементарные.⁴ В дальнейшем это сходство дало основание

¹ Здесь нам видится очень важным дать характеристику Русской Правде так, как она была определена М.Д. Присёлковым. «Обычно в нашей исторической литературе под «Русской Правдой» понимают тот памятник законодательной мысли и судебной практики дотатарской поры, который впервые упоминается под названием «Русского закона» в договорах с греками Олега (911) и Игоря (944) и из которых в этих договорах приводится несколько статей» (Присёлков М.Д. Задачи и пути дальнейшего изучения «Русской Правды» // Исторические записки. – М., 1945. – Вып. 16. – С.238)

² По всей видимости, с получением этого Устава церковь приобрела судебные функции, которые прежде принадлежали городскому (вечевому) суду, или суду, совершавшегося членами семьи (См.: Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские Уставы и церковь в феодальном развитии Руси в X-XIV вв. // История СССР, 1970. – №3. – С.128-129). В свою очередь, с передачей функций городской общины церкви великий князь ограничивал городское самоуправление и приобретал верного союзника в лице церкви.

³ Текст Русской Правды предварялся вступительной статьёй, указывавшей: «по Ярославе же паки совокупившеся сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их Коснячко, Перенег, Никифор, и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати, а ино все яко же Ярослав судил, тако же и сынове его уставиша» (Суд Ярославль Володимеричь Правда Руськая // Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, её значение / Под ред. О.И. Чистякова. – М.: Зерцало-М, 2002. – С.206). То есть перед нами документ, инициатором которого выступала княжеская власть.

⁴ Например, И.Ф.Г. Эверс так и характеризовал Русскую Правду – «простейшее законоположение» (Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / пер. И. Платонова. – СПб, 1835. – 423 с.)

В.О. Ключевскому утверждать, что Русская Правда могла служить церковным судебником.¹

То, что Русская Правда была написана в интересах великокняжеской администрации вполне естественно. Однако доминирование княжеского влияния на составление текста Судного Устава, регулировавшего процессуальные и канонические нормы церковного суда, всё же не совсем обычно. Конечно, никто не отрицает заслуг митрополита Иллариона в появлении Судного Устава, однако же сам документ устанавливал канонические нормы от имени великого князя². Если судить по преамбуле документа, то Илариону отводилось место своего рода «консультанта» и не более того. Это обстоятельство зафиксировано практически всеми списками и изводами Устава.³ Подобная ситуация в полной мере относится и к более раннему документу, Уставу о десятине, установленной для церкви Богородицы в Киеве Владимиром Святославичем⁴ и определявшем долю церкви в раннефеодальной ренте.⁵ При первом взгляде создаётся впечатление, что в конце X – первой половине XI вв. цер-

¹ В.О. Ключевский полагал, что «это был судебник, назначенный для суда над церковными людьми по нецерковным делам» (Ключевский В.О. Русская история в 5 т. – М., 2001. – Т. 1. – С.231). Правда, при этом возникает вопрос о том, для чего были приняты княжеские уставы церкви.

² «А се аз, князь великий Ярослава, сын Володимеров, по данию отца своего сгадал есмь с митрополитом киевским и всея Руси Иларионом, сложихом греческий номоканон; еже не подобает сих тяж судити князю, ни бояром его, ни соудиям его, дал есмь митрополиту и епископом: распусты по всем городом, I-ю неделю мыта к церкви и к митрополиту, а людем его не даяти мыта нигде; осминичье дал есми» (Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские Уставы XI-XV вв. – М.: Наука, 1976. – С.86)

³ См.: Там же. – С.85-139

⁴ См.: Там же. – С.14-84

⁵ См.: Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение / Под ред. В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнина. – М.: Наука, 1965. – С.300

ковь имела на Руси огромное влияние на княжескую власть, однако поверить в это трудно.¹ Это особо примечательно, если учесть, что дошедшие до нас списки этих Уставов датируются XII-XIII вв.,² претерпели многочисленные переработки церковными переписчиками и нередко рассматривались как своего рода фальсификации.³ Стоит сказать, что древняя русская церковь обладала богатым опытом в подобных делах.⁴ По сути, рассматриваемые нами Уставы очень напоминали иммунитетные пожалования, выводившие из под контроля и суда светских феодалов церковных людей, постепенно расширявшие сферу интересов церкви и повышавшие её статус в древнерусском обществе.⁵

¹ Анализируя осмысление места церкви в древнерусском обществе, В.В. Мильков отмечал, что «идеология сильной церкви» могла возникнуть не ранее XII-XV вв. (Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси / В.В. Мильков. – СПб: Алетейя, 2000. – С.158)

² См.: Соболевский А.И. Памятники древнерусской литературы, посвящённые Владимиру св. Замечание об этих памятниках // Сборник в память 900-летия Крещения Руси. Киев, 1888. – С.14

³ См.: Юшков С.В. Очерки истории феодализма в Киевской Руси. М.Л., 1939. – С.58

⁴ Л.В. Черепнин в своё время уделил вопросам фальсификации княжеских и договорных документов в церковной среде XIV-XVI вв. значительную часть своего исследования, посвящённого феодальным актам Древней Руси. При том, что рассматриваемые им источники выходят за хронологические рамки нашей статьи, однако отрицать возможность существования опыта фальсификации документов в церковной среде на ранних этапах деятельности церковной организации нам видится делом наивным и ничем неоправданным (См.: Черепнин Л.В. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков / Отв ред. С.В. Бахрушин. – М.: АН СССР, 1951. – Ч.1. – 400 с.).

⁵ Уставы выступали своего рода дарениями (но никак не пожертвованиями) на основе личных отношений, существовавших между дарителем и принявшим это благодеяние. Вероятнее всего это были особые договоры или иммунитетные пожалования, защищавшие права конкретного Десятинного храма или же высшего иерарха, поднимая их политический, административный и экономический статус в глазах восточнославянского общества (См.: Юшков С.В. Очерки истории феодализма в Киевской Руси. М.Л., 1939. –

Конечно же, проблемы формирования правового сознания в восточнославянском обществе могут быть обнаружены и в Повести временных лет (ПВЛ) и в произведениях митрополита Иллариона. Однако характер этих письменных памятников никак не может отнести эти сочинения к числу правовых документов Древней Руси.

Появление Русской Правды в первую очередь связано с введением новых норм, призванных оградить княжеское и боярское (дружинное) имущество и жизни. Но что служило источником закреплявшихся правовых норм? Для того, чтобы ответить на этот вопрос очень важно выявить исторические пласты внутри самой Русской Правды и близких к ней княжеских Уставов. Вопрос об этом был поставлен ещё М.Д. Присёлковым¹, однако до сих пор так и остался не разрешённым. Даже работы С.В. Юшкова, а за тем и Я.Н. Щапова, стеснённых, правда, идеологическими рамками советского времени, не только не сумели в полной мере решить обозначенные задачи, но и ещё более утвердили стереотипы понимания Русской Правды исключительно с позиции социальных отношений и русско-византийских связей.

Небезынтересно, что Судный Устав в большей степени регламентировал не церковную жизнь христиан, а семейное и брачное право². Если же говорить о преступ-

С.59; Токарев С.А. О жертвоприношениях // Этнографическое обозрение. – 1999. - № 5. – С. 33.).

¹ «Основным вопросом в изучении «Русской Правды» является попытка на основании отдельных статей «Русского закона», договоров X в. с греками, текстов Краткой и пространной редакции восстановить ход развития древнерусского законодательства на протяжении X – начала XIII вв., т.е. установить этапы этого законодательства и определить материал статей, относящихся к каждому этапу» (Присёлков М.Д. Задачи и пути дальнейшего изучения «Русской Правды». С.238)

² См.: Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские Уставы XI-XV вв. – С.85; Щапов Я.Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому

лениях против церкви или нарушениях, как-то связанных с церковными людьми, то их перечень удивительно мал. Так, например, в пространной редакции основного извода к таковым в той или иной степени можно отнести не более 11 статей. Среди них, как ни странно, не оговариваются покушения на жизнь священнослужителей и некоторые другие преступления, так или иначе связанные с деятельностью церковного института.¹ И это при том, что на протяжении конца X – начала XI века летописание зафиксировало несколько случаев покушения на жизнь и материальные интересы духовенства.² Видеть в отсутствии мер прещения за эти преступления миролюбие церкви наивно.³

наследию на Руси в середине XI в. // Византийский временник. – М.: Наука, 1971. – Т. 31. – С.74

¹ Например, невнятно прописано наказание за воровство церковного имущества, поджог церковных строений, оскорбление священнослужителей, еретические взгляды и т.п.

² В древнерусском летописании X-XI в. зафиксировано, по меньшей мере, семь эпизодов, связанных с покушением на жизнь священнослужителей и целостность церковного имущества: в. 992 г. новгородцы отказались принимать Иоакима Корсунянина, разрушили храм и оказали вооружённое сопротивление киевским дружинам Путяты и Добрыни, в 996 г. епископы жалуются Владимиру на увеличение числа разбоев, совершавшихся, по видимому, против духовенства (ПСРЛ. Т. 1. Стб.126-127), в. 1017 г. были подожжены киевские храмы (ПСРЛ. Т. 1. Стб.142), в 1054 г. слуги оговаривают новгородского епископа Луку Жидяту (ПСРЛ. Т. 3. С.183), в 1068 г. новгородского епископа Стефана в Киеве задушили его же собственные холопы (ПСРЛ. Т. 3. С.473), в 1071 г. смерды убивают священника, бывшего с дружиной Яня Вышатича (ПСРЛ. Т. 1. Стб.176), в тот же год новгородцы, побуждаемые волхвом, собирались расправиться со своим архипастырем (ПСРЛ. Т. 1. Стб.180-181). Удивительно, что русское законодательство не предусматривало ответственности за смерть священнослужителя, разрушение или поджог храма.

³ Примером этого могут служить события 996 г. Тогда появление епископов при великокняжеском дворе и требовавших казни для преступников было, по всей видимости, связано с преступлениями, совершавшимися против них (См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб.11-112; Гайденко П.И. Место Киевского митрополита

Впрочем, существует серьёзная проблема и в деле-нии Правды на статьи, поскольку их появление искус-ственно и в известном для нас виде не существовало.¹

Составители Церковных Уставов Владимира и Яро-слава, пробовали обосновать легитимность этих юриди-ческих документов авторитетом Великого князя и грече-ского Номоканона. Но Номоканон не знал штрафов за церковные нарушения (грехи). Как писал об этом Я.Н. Шапов, греческий Номоканон был отвергнут, «сколь ни кажется такое понимание неожиданным, а подобное за-явление от имени князя и митрополита невероятным».² Пытаясь понять возникавшее противоречие, Е.Е. Голу-бинский всё же полагал, что «ссылка уставов на грече-ский Номоканон оказывается сделанною не совсем без всякого основания или не совсем простою фальшью и ложью».³ Возникавшее противоречие учёный разрешал тем, что высказывал предположение о связи норм рус-ского церковного законодательства с ветхозаветным за-конодательством Моисея, выдержки которого присут-ствовали в некоторых списках Кормчей.⁴ Правда, при этом Е.Е. Голубинский не объяснял, почему использова-лись не византийские христианские нормы, а ветхозавет-ные. Конечно, трансформация церковных ценностей в эпоху христианизации «в общественном сознании проис-ходит на основе традиционной социальной и материаль-

в системе политических отношений Киевской Руси (988-1037 гг.). – Казань, 2005. – С.158-159)

¹ См.: Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. – М., 2004. – С.35-36

² Шапов Я.Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. – С.77

³ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период первый, киевский или домонгольский. – М., 1997. – Т. 1. – Ч. 1. – С.405

⁴ См.: Там же. С.405-406

ной культуры».¹ Поэтому вполне естественно сделать вывод, что законодательство Моисея было наиболее близко к социо-культурным реалиям восточнославянского общества. И если всё складывается именно так, то чем это можно объяснить?

И.Н. Данилевский, один из первых в наши дни обратил внимание на малоизученность явления широкого применения библейских ветхозаветных норм в Русской Правде. Правда, в своих предположениях, во всяком случае, пока, он традиционно связывает библеизмы Правды с христианским влиянием².

Мысль о том, что христианство оказало влияние на формирование норм русского права, заслуживает не только критики, но и определённого внимания. Но что в этом случае мы можем понимать под «христианским влиянием»: ветхозаветная правовая традиция, новозаветная апостольская рецепция, или же государственное византийское (или же германское) законодательство?

Действительно, существует мнение, что Правда Ярослава испытала на себе такое воздействие, если и не по существу рассматриваемых статей, то непременно по духу их содержания. Впрочем, это устоявшееся в церковной историографии мнение, утверждению которого немало способствовал В.О. Ключевский, посвятивший

¹ Мусин А.Е. *Milites christi Древней Руси: Воинская культура Русского средневековья в контексте религиозного менталитета* / Отв ред. к.и.н. В.П. Никоноров. – СПб: Петербургское востоковедение, 2005. – С.13

² Действительно, в христианской литературе библейские цитаты, центоны и топосы имели широкое распространение (Данилевский И.Н. *Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов*. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – С.61-63). Как пишет Л.П. Репнина, «их обнаружение фактически означало наделение фактов истинным смыслом» (Репнина Л.П. *История исторического знания* / Л.П. Репнина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – С.93-94). Однако применимо ли всё это к библейским правовым нормам Древней Руси?

Правде XIII-XIV лекции, нами ставится под сомнение. Причём некоторые из этих сомнений порождены оценками самого великого русского историка. Так, например, он полагал, что «Русская Правда есть памятник древнерусской кодификации, а не древнерусского законодательства». То есть составитель этого закона не вносил ничего нового, а только систематизировал уже имевшиеся правовые нормы.¹ Сомнительно, чтобы к 1016 г.², за 28 лет насаждения христианства, охватившего главным образом города, укоренились в восточнославянском обществе византийские нормы. К тому же не следует забывать, что Судный Устав хронологически появился позже, чем Правда Ярослава, написание которой связывается с улаживанием правовых проблем между Киевом и Новгородом³, а так же между новгородцами и варягами.⁴

В качестве главных доказательств христианского влияния на нормы Русской Правды нередко выступают следующие доводы: отказ от широкой практики смертной казни, отход при Ярославичах от принципа кровной мести и отсутствие в судах принципа состязательности. Верно, что Русская Правда не предполагает широкой практики смертной казни. Но можно ли это обстоятельство считать христианским влиянием? Позволим не со-

¹ Ключевский В.О. Русская история в 5 т. / Под ред. А.Ф. Смирнова. – М.: Рипол-Классик, 2001. – Т. 1. – С.228

² Именно под этим годом Новгородское летописание извещает о том, что Ярослав дал новгородцам «правду, и устав списав» (ПСРЛ. Т. 3. С.175)

³ См.: Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. – СПб, 1992. – С.166

⁴ Л.В. Черепнин называл Правду Ярослава «продуктом острой политической борьбы в Новгороде (См.: Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение / Под ред. В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнина. – М.: Наука, 1965. – С.133)

гласиться с подобной категоричностью. Судебная практика на Руси не предполагала смертной казни уже при Владимире. Её введение было инициировано категоричными требованиями греческих епископов¹, как бы мы к ним ни относились: как к пастырям или как к дипломатам², чья безопасность не была в достаточной мере гарантирована.

Отказ при Ярославичах от права мести мог быть вызван изменениями социо-культурного характера и, скорее всего, связан с развитием феодальных отношений и преодолением родоплеменных противоречий под единой рукой правящей династии Рюриковичей. В условиях активного складывания единого правового и культурного пространства месть, как наследие межродовых конфликтов, к середине XI в. могла потерять свою актуальность. Это вовсе не отвергает заслуг христианства в смягчении городских нравов, однако преувеличивать влияние церков-

¹ ПВЛ так об этом пишет: И умножишася зело разбоеве, и реша епископи Володимеру: «Се умножишася разбойници; почто не казниши их?». Он же рече им: «Боюся греха». Они же реша ему: «Ты поставлен еси от бога на казнь злым, а добрым на милованье. Достоить ти казнити разбойника, но со испытном». Володимер же отверг виры, нача казнити разбойники <...>» (ПСРЛ. Т. 1. Стб.126-127). К тому же настоящее известие служит иллюстрацией не только того, что эти преступления могли быть направлены против самих епископов, и первые архипастыри с их точки зрения не были в достаточной мере защищены, но и показателем того, что даже по прошествии 8 лет после официального крещения киевлян и большинства главных древнерусских центров, в государстве действовали старые, языческие, нормы права.

² Я.Н. Шапов, говоря, например, о столичных первосвященниках, указывал, что «в Киеве на митрополичьей кафедре сидели греческие дипломаты» (Шапов Я.Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. – С.76). Во всяком случае, в Византии «церковь в лице митрополита, епископов, священников, паломников стала влиятельной силой дипломатической службы» (Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси / В.Т. Пашуто. – М.: Наука, 1968. – С.75). И отношение империи к Руси не было в этом отношении исключением.

ного института на восточнославянское общество в этот период было бы не меньшей ошибкой.

Что касается принципа состязательности, чьи нормы присутствовали в языческих обществах, то в западно-европейской правовой традиции он продолжал существовать, хотя, может быть, и не так широко, как это было в дохристианский период.

Как хорошо отметил С.В. Юшков, «Правда Ярослава прежде всего унифицировала систему наказаний».¹ Это был своего рода «судебник», отражавший, с одной стороны, переход от обычного права к законодательной регламентации правовых норм, что указывало на формирование письменной правовой культуры, а, с другой стороны, этот документ свидетельствовал об ускоренной феодализации древнерусского общества, в котором его верхушка пробовала оградить себя и своё имущество от посягательств со стороны беднейшей части жителей Руси. Действительно, правовые нормы вполне могут рассматриваться как образцы политико-правовой мысли, которые «были предназначены служить целям практической политики, т.е. вызывать и оправдывать определённые политические действия, давать идеологические аргументы в политической борьбе и т.п.».² Можно согласиться с мнением С.В. Юшкова, соглашавшегося с близостью правовых норм Салической Правды и восточных славян, но отрицавшего воздействие на русские правовые нормы обычного германского и скандинавского права. Об этом первым обоснованно писал представитель

¹ См.: Юшков С.В. Русская Правда: Происхождение, источники, её значение. – М., 2002. – С.296

² Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли X-XVIII века. – М., 2003. – С.15

Дерптского университета Эверс¹, стоявший у истоков истории русского права с позиции «государственной школы»². Он – первый в отечественной науке подошедший к Русской Правде «с точки зрения истории внутреннего формирования текста».³

Действительно, с 900-х годов Южная Русь оказалась под властью Северной Руси. В итоге «социальная структура объединённой Руси приобретает характерные синкретические черты».⁴ В свою очередь этот синкретизм должен был бы прослеживаться и в правовых нормах X в., сочетая нормы варяжского и восточнославянского обычного права. Однако этот синкретизм мог найти своё отражение и в том, что к приходу норманнов восточные славяне, как данники хазар, принявших ещё в VII – первой половине VIII вв. иудаизм⁵, могли воспринять ценности своих могущественных соседей. Правда, разобщён-

¹ Юшков С.В. Указ. соч. – С.226-228

² См.: Дербин Е.Н. Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии и общественной мысли: Автореферат диссертации на соискание уч. степени к.и.н. – Ижевск, 2006. – С.18-19

³ Рубинштейн Н.Л. Русская историография / Ред. А.М. Львов. – М.: Политиздат, 1941. – С.232

⁴ Назаренко А. Две Руси IX века // Родина, 2002. – 11/12. – С.22

⁵ Принятие иудаизма не означало того, что хазары восприняли иудейские законы в полноте. Так, например, комментируя анонимный текст Шехтера, Норман Голб, писал, что «ранние беженцы <евреи из Армении и других государств – П.Г.> вступали в брак с хазарами-нееврейцами и участвовали в их военных предприятиях. Таким образом, эти две группы слились практически в один народ, однако из всех еврейских ритуальных обычаев хазары повсеместно соблюдали обычай обрезания. Лишь часть из них соблюдала субботу» (Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Науч ред. В.Я. Петрухина. – М., Иерусалим: Гешарим, 1997. – С.129-130, 139-140). Подобное формальное, упрощённое и внешнее усвоение религиозных ценностей могло способствовать их достаточно широкому распространению.

ность восточнославянских племён¹, проживавших на территории будущей Киевской Руси, могла способствовать тому, что влияние тех же хазар, варяг или кого бы то ни было на те или иные племена разнилось.

Стоит признать, что само замечание о связи ряда статей Правды Ярослава с ветхозаветными правовыми нормами очевидно. Можно только удивляться тому, что это обстоятельство не получало должного изучения и оценки на протяжении стольких десятилетий. Как мы уже сказали выше, нам видится сомнительным категоричность мнения о связи этих ветхозаветных норм с византийской юридической практикой.² Дело в том, что за-

¹ Работа Т.Н. Джаксон «Austri Gordum» приводит к мысли, что возможно, норманны именовали Русь «гардарикой» (страной городов) не только по причине многочисленности укреплений, но и потому как эти укрепления отражали внутреннюю разобщённость этих племенных союзов (См.: Джаксон Т.Н. *Austri gordum: Древнерусские топонимы в древнерусских источниках* / Т.Н. Джаксон. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 208 с.). Это близко к идеям И.Я. Фроянова, поддержанного В.В. Пузановым, о существовании на Руси городов-государств (Пузанов В.В. Главные черты политического строя Киевской Руси X-XI вв. // *Исследования по русской истории: Сборник статей к 65-летию И.Я. Фроянова*. – СПб, Ижевск: Изд-во Удмуртского унта, 2001. – С.19-20)

² Так, например, это пробовал доказать И.С. Бердников, выдававший свои предположения за несомненный факт. «Славянские народы тотчас после обращения в христианство читали Св. Писание, слушали богослужение на своём природном языке. Вместе со священными и богослужебными книгами переведён был на славянский язык и греческий Номоканон ещё св. Мефодием, по свидетельству Паннонского жития его, но вероятно переведён был номоканон Иоанна Схоластика, как более краткий. При распространении христианства на Руси естественно пользовались уже готовыми славянскими священными и богослужебными книгами. Вместе с последними заимствован был от Болгар и славянский номоканон <...>» (Бердников И.С. *Краткий курс церковного права Православной Греко-Российской Церкви с указанием главнейших особенностей католического и протестантского церковного права*. – Казань, 1888. – С.23). Однако удивительно введение Кириллом и Мефодием, находившимся в юрисдикции Римского престола, на территории Моравии греческого церковного законодательства. Скорее всего, Паннонское житие выдавало желаемое за действительное. Не совсем ясно и то, как

конодательство Моисея, присутствующее в тексте известного нам номоканона Иоанна Схоластика в болгарском переводе, представлено как приложение. Поэтому возникает вопрос: почему из всего обширного текста Номоканона составитель заимствовал не основные положения византийской христианской правовой практики, а незначительное дополнение, расположенное в конце текста? Выглядит это странно и непривычно.

Требуем своего объяснения и то, почему обычаи восточных славян вписывались или соотносились с иудейскими нормами. Всё же Правда фиксировала уже устоявшиеся обычаи. С чем могло быть это связано?

Мы склонны видеть в библеизмах древнерусского права, прежде всего, не христианскую, а хазарскую руку. «Русская Правда» фиксировала и регламентировала уже сложившиеся правовые отношения в восточнославянском обществе. Причём факт существования Древней Правды или Закона Русского, наличие которого зафиксировано русско-византийскими договорами¹, едва ли может быть поставлен под вопрос. Именно к этому, недошедшему до нас памятнику восходил текст Русской Правды. Но порождением какой эпохи стал этот Закон Русский?

Единственным разрешением возникающего затруднения нам видится в установлении связи между Древней Русью и Хазарией. Было бы весьма удивительно, если бы находясь на протяжении почти двухсот лет в соседстве с хазарским каганатом², заимствуя у него титул правителей

могли действовать нормы Номоканона в условиях древнерусской действительности.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб.34, 50

² В.В. Мавродин пришёл к выводу о том, что почти всё Левобережье и располагавшийся на правом берегу Киев продолжительный период принадлежал хазарам, установившим своё владычество над местными племенами «по

и, по всей видимости, сходные властные структуры¹, позволяющие говорить о существовании русского каганата², поддерживая равноправную торговлю и имея на территории торговой фактории³ в Итиле судебный опыт хазарского права⁴, что было вполне естественным явлением на раннем средневековом этапе развития столичных городов⁵, русы не восприняли обычаи своих могущественных соседей. Это предположение вовсе не утверждает, что единственным и наиболее значимым источником Русской Правды могли быть иудейские правовые

всей вероятности, к VIII в.» (См.: Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Краины (с древнейших времён до второй половины XIV века) / Отв. ред. В.В. Яковлев. – СПб: Наука, 2002. – С.45)

¹ Хотя традиция двоевластия на Руси изменялась с годами, однако своим появлением она, по всей видимости, обязана Хазарскому влиянию (См.: Кёстлер А. Тринадцатое колено: Крушение империи хазар и её наследие / Науч. ред. А.Г. Юрченко. – СПб: Евразия, 2001. – С.95)

² При том, что само название «Русский каганат» возникло в историческом нарративе и не имеет реального подтверждения в письменных источниках, отрицать его существование трудно (См.: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. / А.Н. Сахаров. – М.: Мысль, 1980. – С.195; Седов В.В. Русский каганат IX века // Отечественная история, 1998. – №4. – С.9; См.: Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства // Славяноведение, 2001. – № 4. – С.55-56)

³ Как правило, торговые фактории, возникавшие по соглашению между торговым купеческим поселением и местной племенной знатью, сохраняли право контроля за своей жизнью за местными властями (См.: Мухаммадиев Х.Э. Торговые отношения Древней Руси с городами Средней Азии в IX-XII веках: Дис. на соискание уч. степени к.и.н. – Казань, 2000. – С.58)

⁴ Подробно описывая прибывавших в Итиль русов, Ибн-Фадлан упоминает о том, что для решения споров между русами в городе был специальный судья. В целом же русы, публично демонстрировавшие свои политические и социальные обычаи, пользовались в каганате свободами, и их дикие в глазах мусульман нравы были хорошо известны и привычны как хазарам, так и арабам (См.: Ибн-Фадлан. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана, посла халифа Аль-Муктадира к царю сакалиба // Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама. – М., 1992. – С.43-54)

⁵ См.: Петрухин В. Хазарский каганат и его соседи // История татар с древнейших времён в 7 т.: Народы степной Евразии в древности. – Казань: АНРТ, Рухият, 2002. – С.307

нормы. Но рассмотреть их как один из пластов древнерусского правового сознания, необходимо.

Византия попала в сферу экономических интересов Руси в 30-60-х г. IX в¹. Но не меньшее внимание поднепровских славян и варяжских дружин в IX – начале X вв. привлекал и Каспий. Воротами же к этим землям была Хазария, отягчённая арабским соседством. Поэтому, как пишет И.Г. Коновалова, «появление у границ Хазарии русов, заинтересованных в регулярном походе на Каспий и обладавших боеспособным флотом, могло побудить хазар извлечь для себя выгоду из создавшегося положения».² Именно с этим связываются походы русов на Дербент в 912-913 гг. и особое положение русских купцов-дружинников в Итиле.³ Однако при этом не следует забывать, что сами славяне продолжительное время были данниками Хазарии, что дало основание Иосифу указать земли славян в качестве данников даже тогда, когда они

¹ Константин Багрянородный был превосходно осведомлён об экономической и политической жизни Руси (См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. – М.: Наука, 1989. – С.45-57). Такое положение дел могло сложиться только при условии наличия тесных контактов между Константинополем и древнерусскими центрами.

² Коновалова И.Г. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. – М., 1999. – С.113

³ Более осторожным в отношении военных экспедиций русов на Каспий в IX – первой половине X вв. был А.Н.Сахаров. Анализируя международные связи Руси в этот период, он следующим образом отзывался о военных экспедициях Руси на Восток: «<...> против кого в конечном счёте направлены были военные экспедиции русов – против Хазарского каганата, Византии? Кто являлся союзником Руси в этих предприятиях, кто врагом? Наконец, совершенно не ясен в силу скудости источников механизм действия правильно отмеченной связи между русско-византийскими мирными урегулированиями и походами русов на Восток: была ли эта связь однотипной <...>, или каждый поход имел свою специфику?» (Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. – С.191)

такowymi уже не являлись. Наследием хазарского наследия мог быть еврейский или хазарский квартал в Киеве.¹ В пользу существования крепкой иудейской общины в Киеве говорит содержание т.н. Киевского письма.²

Конечно, не может вызвать удивление тот факт, что древнерусское летописание не применяет унаследованный от хазарского влияния и сохранённый в западноевропейских и византийских источниках³ титул «каган»⁴ за великими князьями Киева. При этом М.И. Артамонов, опираясь на графити Киевской Софии и «Слово о полку Игореве», полагал, что этот титул сохранялся и использовался в великокняжеском этикете не только в X-XI, но и XII вв.⁵ Однако справедливость требует признать, об

¹ Вполне возможно, что в Киеве на рубеже IX-X вв. могли находиться некие органы «хазарской администрации» (См.: Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре в 2 т. / В.Н. Топоров. – М.: Гнозис, Языки русской культуры, 1995. – Т. 1. – С.283-286, 340; Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795-1995) / Под ред. Н.Д. Солженицыной. – М.: Русский путь, 2001. – Ч. 1. – С.14)

² См.: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. – С.17-52

³ См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. – М.: Логос, 2003. – С.288-292

⁴ Глеб Лебедев, пытаясь оживить споры относительно принятия хазарского титула русскими правителями, полагал, что это «вызвано было, вероятно, ростом давления Хазарского каганата на земли Среднего Поднепровья, и, прежде всего, появлением новой хазарской крепости Саркел» (Лебедев Г. Славянский царь Дир // Родина, 2002. – 11/12. – С.24). Несколько иначе принятие титула «каган» оценивал В.В. Седов. Он писал: «Его принятие свидетельствует, прежде всего, о полной независимости русов в 30-60-х гг. IX в. от Хазарского государства и вместе с тем, возможно, о подчинении их в более раннее время Хазарией» (Седов В.В. Русский каганат IX века. – С.9). А.Н. Назаренко, основываясь на переписке Василия I и Людовика II, называвшей правителя Руси *chaganus*, послы которого появились в Византии в 838 г., а несколько позже, в 860 г., осаждали стены Константинополя, так же склонен считать, что титул «копирует хазарские реалии» (Назаренко А. Две Руси IX века // Родина, 2002. – 11/12. – С.17-18)

⁵ См.: Артамонов М.И. История хазар / М. И. Артамонов. – СПб: Лань, 2001. – С.491-492

этом титуле древнерусские источники впервые упоминают только в эпоху Ярослава. Правда, упоминают об этом титуле тоже в церковной среде и связано это с именем всё того же митрополита Илариона, с необычайным рвением обличавшего иудейский закон, но освятившего языческое прошлое Руси. Во всяком случае, А.И. Солженицын объяснял появление «Слова» напряжённостью, возникшей в первой половине XI в. между киевскими иудеями и христианами.¹ Однако, скорее всего, осложнения могли возникнуть внутри самой христианской среды, крещённой, но не просвещённой истинами церковного учения, да и к тому же сохранявшей память о хазарском наследии. Примечательно, что в самом каганате присутствовала веротерпимость, выражавшаяся в отсутствие какого-либо навязывания иудейских ценностей народам, входившим в состав государства.² А. Кёстлер характери-

¹ В.В. Мильков дал интересную характеристику произведению Илариона: «<...> Иларион единственный из высших представителей иерархии древнерусской церкви не занимал воинственную, резко обличительную позицию в отношении язычества. Более того, “идольский мрак” славянского язычества приближён к “истине” и “благодати” новой веры, тогда как обычно выше язычества ветхозаветный “закон”» (Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси / В.В. Мильков. – СПб: Алетейя, 2000. – С.130). Если признать, что в славянской среде могли присутствовать остатки иудейского влияния, то обличения «ветхого закона» становится вполне логичным и востребованным требованием эпохи, нуждавшейся в приходе новых христианских нравов и законов (См.: Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795-1995) / Под ред. Н.Д. Солженицыной. – М.: Русский путь, 2001. – Ч.1. – С.15)

² Говоря о политическом устройстве и национальном составе Хазарии XI в., Артамонов писал: «Хазария и раньше, и в X в. не была строго централизованным государством, а представляла собой федерацию племён, пользующихся автономией не только во внутренних, но и во внешних делах. Поэтому граница между подчинённостью и независимостью каждого из них по отношению к собственно хазарам была весьма неопределённой и менялась в соответствии с обстоятельствами» (Артамонов М.И. История хазар. – С.513-514). В таких условиях насильственное навязывание религиозных ценностей малоэффективно и попросту невозможно.

зовал Хазарию как «страну-космополит», открытую «для любых культурных и религиозных влияний». Правда, это не мешало хазарам ревностно защищать свою независимость «от двух могущественных мировых религий».¹ Однако на периферии, в новом христианском окружении или соседстве хазарские иудеи открыто демонстрировали свою приверженность ветхозаветной традиции. По мнению В. Петрухина всё это нашло своё яркое отражение в том, что «очевидные следы иудейского культа у обитателей европейской степи были обнаружены за пределами Хазарского каганата».²

Не менее интересен и тот факт, что поляне³, бывшие продолжительное время данниками хазар, в ПВЛ описываются как племенной союз, нравы которого очень сильно отличались от других восточных славян. Прежде всего, это нашло своё выражение в брачных обычаях, необычайно близких к иудейской традиции.⁴

¹ См.: Кёстлер А. Тринадцатое колено: крушение империи хазар и её наследие / А. Кёстлер. – СПб: Евразия, 2001. – С.48

² См.: Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии / Науч. ред. и послесловие В.Я. Петрухина. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 1999. – С.227-229

³ Очень важно заметить, что территория полян составила основу великокняжеского домена в Киевской Руси.

⁴ Описывая нравы и обычаи племён, населявших земли Киевской Руси, летописец сообщает: «Имяху бо обычаи свои, и закон отец своих и преданья каждо свои нрав. Поляне бо своих отец обычай имуть кроток и тих, и стыденье к снохам своим и к сестрам, к матерем и к родителем своим, к свекровем и к деверем велико стыденье имеху, брачный обычай имяху: не хожаше зять по невесту, но приводяху вечер, а завтра приношаху по ней вдачу» (ПСРЛ. Т. 1. Стб.13.). Даже, если учесть, что летописец мог специально приукрашивать достоинства полян, однако то, что в этом племенном союзе придерживались «стыдливого» отношения к браку или сексуальным отношениям между родственниками указывает на то, что эти нормы имеют ветхозаветное происхождение [Левит. 18: 6-15; 20: 9-12, 14, 16, 19-21]. Не менее интересно и то, что ветхозаветный обычай предполагал привод невесты в дом жениха её родителями. Примером этого может служить брак Иакова.

Таким образом, мы можем признать, что русское право представляет собой очень интересное и уникальное явление многослойного сплава различных этнических и религиозных юридических традиций, требующих дальнейшего более глубокого изучения. Хазарское влияние было одним из таких влияний, способствовавших формированию неповторимых и самобытных черт восточно-славянского общества.

В.Е. Туманин

ст. преподаватель КГУ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СЛАВЯН В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (XIX-начало XX вв.)

В истории Казанского университета, богатого своими научными традициями, особое место заняла школа славяноведения. 26 июля 1835 г. был утвержден новый университетский устав, который предусматривал создание в Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском университетах кафедр «истории и литературы славянских наречий». Таким образом, уже с самого зарождения научного славяноведения в России Казань стала одним из ведущих центров отечественной славистики,

Его супруга была приведена к нему вечером своим отцом, Лаваном [Быт. 29: 21-23]. Во всяком случае, в глазах составителя летописного свода нравы полян были ещё не христианскими, но близкие к ним, или, по меньшей мере, лучше языческих.

у истоков которого стоял крупнейший русский ученый В.И. Григорович.

Виктор Иванович Григорович (1815-1876) стал одним из основоположников русского славяноведения. Это был талантливый и незаурядный человек, который своими открытиями в области ранней славянской письменности, решением основных теоретических проблем оказал заметное влияние на развитие науки. Его глубокий, острый ум, необычайное трудолюбие и обилие новых идей позволили ему занять достойное место в отечественном славяноведении.

В.И. Григорович родился в г. Балта Подольской губернии в семье чиновника. Среднее образование он получил в униатском училище в Умани, откуда вынес хорошее знание латинского языка и многие старомодные приемы красноречия, которые были характерны для языка его лекций и научных трудов. В 1830 г., в пятнадцатилетнем возрасте, он поступил в Харьковский университет, после окончания которого будущий ученый, желая углубить свои познания, решил продолжить образование в Дерптском университете, где в 1834-1839 гг. усердно изучал труды древнегреческих философов, историков и немецкую философию.

В конце 1838 г. молодой Григорович получил предложение занять кафедру истории и литературы славянских наречий в Казанском университете, которое он с радостью принял. Еще во время учебы в Дерптском университете, Григорович заинтересовался культурой и историей славянских народов. В ноябре 1838 г. в одном из писем к попечителю казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину он писал: «Я, стремясь давно изучение славянского мира избрать себе предметом моей будущей

деятельности и постигая всю ее важность, буду с самоотвержением достигать указанной мне меты».¹

В апреле 1839 г. Григорович приехал в Казанский университет, сразу начав преподавать греческий язык и готовиться к магистерскому экзамену по славянской филологии. Уже в 1840 г. он представил в Совет факультета сочинение «Исследования о церковнославянском наречии, основанные на изучении его в древнейших памятниках, на исторических свидетельствах и отношении его к новейшим наречиям». К сожалению, текст этой работы не сохранился и она известна лишь по отзыву рецензента. Сочинение молодого ученого было найдено «вполне удовлетворительным» и ему была присвоена степень кандидата. Продолжая свои занятия, Григорович в 1841 г. успешно сдал экзамены и подготовил работу «Опыт изучения литературы славян в ее главнейших эпохах», за которую в 1842 г. был удостоен степени магистра российской и славянской словесности.

После защиты диссертации В.И. Григорович приступил к подготовке своего длительного заграничного путешествия в славянские земли. В апреле 1843 г. он представил детально разработанный план путешествия. Составленная программа в первую очередь предусматривала изучение старославянской письменности, болгарского языка и положения славянских народов на Балканском полуострове. «Надо признаться, – писал И.В. Ягич, – что ни один из предшествовавших ему кандидатов (имеются в виду И.Н. Срезневский, О.М. Бодянский и П.И. Прейс, уже предпринявшие подобные путешествия

¹ Цит. по: Петровский М. Григорович и Прейс. К истории славяноведения на Руси. – СПб, 1897. – С.10

– В.Т.) не дал с самого начала столь хороших доказательств способности к ученой деятельности»¹.

Заграничное путешествие В.И. Григоровича началось летом 1844 г. и закончилось в начале 1847 г. Эта поездка в страны Балканского полуострова стала важной страницей в истории русского славяноведения. За время своего путешествия казанский ученый посетил Константинополь, Солунь, Афон, объехал почти всю Македонию, многие районы западной, южной и северной Болгарии. Григорович посетил наименее известные исследователям места, где хранились памятники культуры и письменности южных славян, что позволило ему познакомиться с еще мало изученными собраниями документов. Так, свыше трех месяцев он провел в афонских монастырях, изучая их библиотеки и хранилища, откуда вывез большое количество ценного материала. Он обследовал болгарские и македонские монастыри, имел возможность наблюдать жизнь болгар того времени, о чем оставил в своем путеводном дневнике ряд существенных и ценных заметок.

Научная поездка В.И. Григоровича стала одной из самых интересных и славных страниц в истории русского славяноведения. На протяжении всего своего путешествия ученый вел подробные записи, время от времени посылая отчеты М.Н. Мусину-Пушкину. Это дало ему возможность по возвращению в Казань в короткий срок подготовить и издать «Очерк ученого путешествия по Европейской Турции».²

«Очерк путешествия...» стал трудом, замечательным во многих отношениях. Он содержит драгоценные

¹ Ягич В.И. История славянской филологии. – СПб, 1910. – С.340

² Григорович В.И. Очерк ученого путешествия по европейской Турции // Ученые записки Казанского университета. 1848. Кн.3.

сведения по истории болгарского народа, по этнографии, этнической истории народов Балканского полуострова, по истории церкви, истории письменности, топонимике, в нем много ценных фактов, относящихся к истории болгарского языка. Автор сообщает важные данные по болгарской диалектологии, новыми фактами подтверждает прежние сведения, которые многим тогда казались сомнительными. Написанный в строго научной, порой сдержанной и суховатой манере, «Очерк путешествия...» во многом впервые приоткрывал завесу над неизвестными в Европе обстоятельствами современной жизни болгарского народа. Не удивительно, что книга молодого казанского славяноведа сыграла заметную роль в культурном развитии болгарского общества в эпоху национального возрождения. В целом, «Очерк путешествия...» Григоровича представляет собой огромное достижение русского славяноведения середины XIX века и навсегда останется в истории отечественной науки.

Во время своих путешествий по славянским землям, казанскому ученому удалось открыть, сберечь от уничтожения и систематизировать много различных исторических, литературных, лингвистических и этнографических памятников греческой и славянской древности, самым известным из которых было глаголическое евангелие XI в., известное в науке под именем Мариинского евангелия. Эти собранные материалы и легли в основу изучения В.И. Григоровичем истории, культуры и быта болгар, сербов, македонцев и других славянских народов. Открытые им в славянских землях исторические памятники на многие десятилетия приковали внимание ученых к Казанскому университету.

В Казань В.И. Григорович вернулся весь поглощенный проблемой происхождения глаголицы. В казанском

Обществе любителей отечественной словесности в конце 1848 и в начале 1849 г. он выступал с докладами, в которых доказывал, что глаголица древнее кириллицы, что она была создана еще до Кирилла и Мефодия. «Он был предан глаголице как религиозной святыне, – писал И.И. Срезневский, – готов был всякого вводить в ее таинства».¹ В 1852 г. Григорович опубликовал «Статьи, касающиеся древнего славянского языка», в которых рассматривались вопросы о значении церковного славянского языка, о трудах по древнеславянскому языку, о памятниках древнеславянской литературы и об их лексических особенностях.

После своего возвращения в Казань заметный вклад В.И. Григорович сделал и в области изучения истории славян. Правда, крупных работ он не создал, но написал ряд небольших исследований, свидетельствующих об огромной эрудиции автора, прекрасном знании им материала, умении привлекать новые источники для решения вопроса. Особое же место в научных исследованиях казанского слависта по проблемам славянской истории заняла его работа «О Сербии в ее отношении к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях» (Казань, 1858).

В начале шестидесятых годов Григорович продолжил усиленно работать над изучением истории славянских народов. В результате этого направления деятельности ученого появился целый ряд трудов историко-археологического, исторического и этнографического характера, в которых решались важные проблемы истории славянства и южной России. Свою работу в Казани

¹ Цит. по: Бернштейн С.Б. Памяти В.И. Григоровича (к 150-летию со дня рождения) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1965. – Т.24. – Вып. – С.361

Григорович продолжал до 1865 г., когда он был приглашен в открывшийся в Одессе Новороссийский университет.

В.И. Григоровича можно причислить к тем ученым, которые считали необходимым стремиться к раскрытию исторических, историко-культурных, историко-литературных явлений и событий в жизни славян. И.В. Ягич совершенно справедливо писал, что Григорович не был сухим «грамматиком». Изучение славянских языков казанский исследователь понимал как средство, как необходимое орудие для понимания «явлений духа» славянства. Такое отношение к науке вызывало неподдельный интерес и огромное увлечение у слушателей.

Об исключительном впечатлении, которое производил учитель на студентов своей личностью, преданностью науке, своим энтузиазмом, рассказывает А.Н. Пыпин. «Это было нечто совершенно новое, – писал он, – оригинальное и привлекательное. Это был человек с большим умом, с обширными познаниями».¹ Любимый учитель привлекал к себе студентов глубокой эрудицией, прекрасным чтением лекций, новизной ставившихся научных проблем. Он старался привлекать студентов к научной работе, и в 1844 г. они под его руководством составили первую в России грамматику сербского языка.

Большая заслуга В.И. Григоровича перед русским славяноведением заключается и в том, что он создал школу казанских славистов, представители которой внесли ценный вклад в изучение истории и культуры южных и западных славян. Среди них воспитанник Казанского университета Павел Аполлонович Ровинский

¹ Пыпин А.Н. Мои заметки. – М., 1910. – С.37

(1831-1916), ставший известным этнографом-славистом, историком, путешественником и публицистом.

В 1852 г. П.А. Ровинский с золотой медалью окончил историко-филологический факультет Казанского университета. Его наставник воспитал в своем ученике способность к критическому осмыслению исторических источников и событий, а так же интерес к славянской тематике. Еще будучи студентом, увлеченный лекциями Григоровича, П.А. Ровинский решил посвятить себя славяноведению. Совершенствуясь в славянских языках, он сумел сдать экзамены на степень кандидата, а затем – и магистра славянской словесности. После присвоения ему степени магистра, началась его трехлетняя преподавательская деятельность в Казанском университете (1853-1856 гг.).

В 1860 г. Ровинский отправился в свою первую поездку по славянским странам. В 1867 г. в качестве корреспондента «Петербургских ведомостей» он уезжает в Сербию, откуда присылал статьи о жизни славян Балканского полуострова. Через десять лет он вернулся на Балканы, теперь уже и как корреспондент «Нового времени». П.А. Ровинский был в Боснии и Герцеговине, вдоль и поперек исходил Черногорию, в которой пожил четверть века. Он искренне полюбил эту небольшую славянскую страну, ее историю, ее народ. Живя здесь, Ровинский подробнейшим образом разработал историю, географию, археологию и этнографию этого балканского государства.

Собрав богатейший материал, П.А. Ровинский написал трехтомный труд «Черногория в ее прошлом и настоящем», по праву считавшийся самой полной работой о Черногории в русской исторической науке. Своей

работой исследователь сделал очень много для изучения этой малоизвестной тогда южнославянской области.

Приемником В.И. Григоровича по кафедре славяноведения в Казанском университете стал его ученик Мемнон Петрович Петровский (1833-1912), оставивший заметный след в жизни историко-филологического факультета. Тяга М.П. Петровского к славянской тематике проявилась еще в годы учебы в университете (1850-1855), где интерес тогда еще молодого студента нашел благодатную почву в лекциях Григоровича, привлекавшего к себе студентов глубокой эрудированностью, оригинальным научным мировоззрением и своей доступностью. Работая под руководством своего талантливого учителя, Петровский прекрасно изучил историю, языки и литературы славянских народов. Он детально разбирал отдельные произведения чешских, сербских и хорватских поэтов, лучшие из которых переводил на русский язык, причем эти переводы славянских авторов стали одними из первых в русской литературе.

Григорович возлагал на Петровского большие надежды. «Из молодых ученых, обративших внимание совета, – писал он, – по занятию кафедры в университете кандидат Петровский постоянно заслуживает внимание своими трудами и успехами». Для подготовки к занятию кафедры М.П. Петровский стал готовиться к экзаменам на степень магистра славянской филологии, которые в мае 1860 г. он сдал «весьма удовлетворительно». Вслед за этим в августе 1860 г. Григорович подал ходатайство в историко-филологический факультет о предоставлении молодому слависту широкой возможности для продолжения своей работы в избранной им области и подготовке к преподаванию «той части славянской филологии, которую почтет он сообразной своим сведениям». В.И.

Григорович отзывался о своем ученике как о талантливом молодом ученом, заслуживающим внимания своей работой в области славянской филологии. По просьбе Григоровича Петровский был утвержден сверхштатным преподавателем по кафедре истории и литературы славянских наречий и командирован для дальнейшего усовершенствования в занятиях в земли западных и южных славян.

Для своей заграничной поездки М.П. Петровский наметил Австрию как «гнездо славянства», в первую очередь отправившись в Прагу. Здесь он слушал лекции по истории чешского языка и литературы, занимался лужицким языком, изучая параллельно с этим в библиотеке Чешского музея старинные памятники, преимущественно старопечатные книги, хроники и брошюры. В Праге молодой казанский славист познакомился и «со всеми новыми движениями науки и литературы».

Из Праги М.П. Петровский прибыл в Будапешт, где поставил перед собой задачу не только ближе познакомиться со словацким языком, но и заняться изучением литературной деятельности словаков, которые «со времен Л. Штура энергично принялись за обработку своего книжного языка». Находясь в Венгрии, особый интерес Петровский проявлял и к сербской культуре. Он посетил Нови-Сад, ставший центром культурной и научной жизни австрийских сербов, где имел возможность познакомиться со всеми «новыми, к сожалению, немногими замечательными учено-литературными произведениями австрийских славян».

С таким большим запасом материалов из области славяноведения, с богатыми и яркими наблюдениями над жизнью славян и с личными связями среди представителей славянской культуры Петровский в 1863 г. вернулся

в Казань, где ему предстояло заменить в качестве университетского преподавателя перешедшего в Новороссийский университет В.И. Григоровича.

Оставшись после перехода Григоровича единственным славистом в университете, М.П. Петровский преподавал весь цикл славяноведения, читая лекции по славянской филологии, истории славянских литератур, по истории польской, сербской, хорватской и церковнославянской письменности. Работая над этими курсами, Петровский одновременно трудился и над своей магистерской диссертацией, посвященной славянской диалектологии. Результатом этой работы стали «Материалы для славянской диалектологии»¹, которые, по отзывам специалистов, «отличались большими научными достоинствами». Для этой работы автор использовал громадный материал, обработал многие сборники и периодические издания и для своего времени создал очень ценный свод характерных черт каждого из рассмотренных им «славянских наречий». Особенно Петровский остановился на изучении трудов выдающихся ученых, занимавшихся изучением славянских языков, таких как Й. Добровский, П.Й. Шафарик, А. Шлейхер, Ф. Миклошич.

Неустанно работая над своими курсами, М.П. Петровский продолжал так же и литературную деятельность. В этот период он занялся переводами произведений славянских писателей, создав для изданного в 1871 г. в Петербурге известного сборника Н.В. Гербеля «Поэзия славян» целый ряд прекрасных стихотворных переводов болгарских, сербских и чешских народных песен и славянских поэтов.

¹ Петровский М.П. Материалы для славянской диалектологии // Ученые записки Казанского университета. 1866. – Кн.4, 5; 1867. – Кн.2

В 1872 г. Петровский по личным обстоятельствам вынужден был прервать свою работу в университете и на время уехать за границу. В Казань он вернулся лишь в 1874 г., вновь с головой окунувшись в научную и преподавательскую деятельность в стенах университета. Его заслуги во многих областях славяноведения и личные качества прекрасного и опытного педагога были по достоинству оценены – в начале 1875 г. Совет Казанского университета возвел Мемнона Петровича в степень доктора славянской филологии *honoris causa* и избрал его ординарным профессором. В последующие десять лет работы в университете Петровский сосредоточился на истории славянских литератур и в разные годы преподавал студентам польскую, серболужицкую, хорватскую и чешскую литературу. Читал он и курсы лекций по истории болгар, чехов и польского народа.

После выхода в 1885 г. в отставку, М.П. Петровский полностью отдался науке, уединившись в своей прекрасной, обширной библиотеке. В эти годы он стал усердно изучать и публиковать накопившиеся за многие годы материалы. Благодаря этой работе казанского слависта целый ряд текстов стал впервые доступным для ученых. Научные успехи М.П. Петровского нашли заслуженное признание – в декабре 1895 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1900 г. – членом-корреспондентом Чешской академии наук, словесности и искусств в Праге.

Научное наследие М.П. Петровского разнообразно и весьма плодотворно. Он писал публицистические очерки о славянах, создавал работы по славянскому языкознанию, статьи о славянских ученых и публицистах. Среди последних особое место занимают публикации, посвященные В.И. Григоровичу. Петровский всю жизнь хра-

нил самые теплые чувства к своему учителю и многое сделал для того, чтобы труды и научная деятельность одного из основоположников российского славяноведения были оценены по достоинству.

С 1880 г. курсы исторического цикла по кафедре славяноведения стал читать Иван Николаевич Смирнов (1856-1904). В 1878 г. он окончил историко-филологический факультет со степенью кандидата и был оставлен для подготовки к профессорскому званию на кафедре Всеобщей истории, профессором которой в то время был его учитель Н.А. Осокин. Еще студентом И.Н. Смирнов особенно интересовался проблемами истории, культуры и этнографии южнославянских народов и этот интерес не угасал в нем на протяжении всей жизни.

Будучи студентом Казанского университета, Смирнов был удостоен золотой медали за работу «Очерк политической и церковной истории хорватского государства до подчинения его угорской короне (1102 г.)». Эта работа в 1880 г. вышла отдельным изданием и стала живым и интересным исследованием, в котором особое внимание автор уделил изучению внутренних отношений в Хорватии, широко демонстрируя историю государства и быта хорватов в IX-XI веках. Казанский историк показал растущее значение славянского населения Далмации в этот период, наличие которого все сильнее ощущалось во всех сферах жизни. Нужно отметить, что данная работа молодого ученого стала первым в русской литературе серьезным исследованием, посвященным проблемам хорватской истории.

Интерес, который возник у И.Н. Смирнова в ходе этой работы, а так же более близкое знакомство с источниками и пособиями по средневековой истории Хорватии определили выбор тем и для последующих трудов

начинающего исследователя. Однако если в первой своей работе он занимался преимущественно историей государства, то в дальнейшем обратился к изучению внутренней жизни хорватского народа. «Историческая наука, – писал казанский славист, – вышла уже из того состояния, когда в дипломатических отношениях видели сущность исторического процесса».¹ Руководствуясь именно этими принципами, И.Н. Смирнов, выступая как социальный историк, как ученый, занимающийся изучением развития общества, занялся изучением «процессов народного развития». В своих публикациях он стремился проникнуть во внутреннюю жизнь хорватского общества, ставя перед собой задачу рассмотреть социально-экономическую и внутри-политическую жизнь хорватов в период X-XI вв.²

Такой подход был характерен и для диссертаций Ивана Николаевича, так же посвященных истории Хорватии. В апреле 1881 г. он защитил магистерскую работу «Отношения Венеции к городским общинам Далмации с XII до половины XIV в.».³ В этой работе И.Н. Смирнов выступил как живой, своеобразно мыслящий ученый, который стремился уйти от простой описательности предмета своего изучения. «Историк, – отмечал он, – может взглянуть на совокупность межобщественных отношений, как на частный случай одного из социальных про-

¹ Смирнов И.Н. Прошлое и будущее духовной взаимности славян. – Казань, 1885. – С.28

² См.: Смирнов И.Н. Городские общины Далмации в X-XI вв. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1881. – №4; Смирнов И.Н. Землевладение в Хорватии и Далмации в X-XI вв. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1884. – №10

³ Смирнов И.Н. Отношения Венеции к городским общинам Далмации. С XII до половины XIV вв. // Ученые записки императорского Казанского университета. – Казань, 1881. – Кн.2

цессов обратить свое внимание на анализ этого явления, на его признаки и условия, его производящие... Разлагая конкретное явление на составляющие элементы, выделяя его признаки, отмечая найденные отношения между явлениями, историк становится на путь, который приводит науку к обладанию общими истинами, законами».¹

Продолжая и далее свою работу в университете, в 1883 г. Иван Николаевич был командирован за границу, где в течение почти полугода он плодотворно работал в архивах Венеции и Дубровника. Результатом этой поездки стала докторская диссертация «Отношения Венеции к городским общинам Далмации. С 1358 по 1573 г.», которая подводила итог его многолетним изучениям истории Хорватии периода средневековья (IX-XVI вв.). В марте 1885 г. состоялась публичная защита, по результатам которой И.Н. Смирнову была присвоена степень доктора всеобщей истории. Это позволило ему в ноябре 1886 г. (в возрасте 30 лет) стать ординарным профессором Казанского университета по кафедре всеобщей истории.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть важное значение работ И.Н. Смирнова. В своих исследованиях он стремился в ходе рассмотрения судеб одного народа – в данном случае хорватов – проследить проявление общих законов. «Отношения Венеции к городским общинам Далмации, – писал он в предисловии ко второй своей работе, – рассматриваются не ради их самих, но как частный случай образования из нескольких обществ одной сложной общественной группы, как одно из проявлений общего роста, интеграции».²

¹ Смирнов И.Н. Отношения Венеции к городским общинам Далмации. Вып. II. – Казань, 1884. – С. III

² Там же. – С. I

Но с особой любовью Смирнов занимался историей культуры славянских народов, читая по ней спецкурсы. В этой области он задумал обширный труд, который должен был вызвать интерес у социолога, культуролога, историка и особенно у славяноведа. К сожалению, автор успел закончить лишь первую часть этого исследования, увидевшую свет под названием «Очерки культурной жизни южных славян» в 1900-1904 гг. Во второй же части предполагалось охарактеризовать развитие культуры западного славянства.

«Очерки...», написанные И.Н. Смирновым, стали серьезным научным трудом. Они были для своего времени большой и ценной работой, в которой использовался богатейший археологический материал. В определенной степени эта работа сохранила свое научное значение и до настоящего времени. Но вместе с тем, написанные живым языком, отличающиеся своим оригинальным и вместе с тем доступным изложением, «Очерки...» были предназначены и для широкого круга читателей.

«Очерки культурной жизни южных славян» вышли в трех выпусках. Первый из них посвящен развитию материальной культуры, второй раскрывает развитие общественных отношений, а в третьем представлена эволюция духовной жизни хорватов, болгар и сербов. Сам автор в предисловии скромно называл свой труд «только иллюстрированным фактами проектом культурной истории южного славянства».

В этой своей работе И.Н. Смирнов попытался обрисовать изменения в этническом составе Балканского полуострова в раннее средневековье и их значение для судеб южных славян. Он подробно представил развитие древней и средневековой материальной культуры, эволюцию семьи и возникшего из нее родственного союза –

задруги, показав, каким изменениям подверглась далее эта организация. Одновременно исследователь постарался ознакомить читателя с духовным развитием югославян начиная с древнейшего периода их пребывания на Балканах, с их религиозными верованиями и представлениями в период язычества и после принятия христианства. Так же в работе были даны и краткие обзоры истории болгарского, сербского и хорватского государств.

Анализ развития культуры южнославянских народов, проведенный Смирновым в «Очерках...», представлял несомненный интерес, поскольку существовавшая до этого научная литература не затрагивала, или затрагивала в незначительной степени все эти стороны исторического развития данных народов.

И.Н. Смирнов был настолько увлечен и вместе с тем предан своей работе по изучению культурной истории славянства, что даже за несколько дней до смерти, по воспоминаниям его коллеги А.И. Александрова, признавался: «Как хочется работать, хочется кончить труд по культурной истории славян. Идея за идеями, обобщения, мысли так и гнездятся одна за другой... Записать бы их, да сил нет...».¹

В целом, Иван Николаевич Смирнов проявил себя как талантливый ученый, глубокий знаток истории и быта славянских народов, как человек, обладавший солидной эрудицией и даром обобщения. В своих трудах он предстает самостоятельно мыслящим исследователем, умеющим заинтересовать читателя и увлечь его излагаемым материалом.

Кроме истории славян И.Н. Смирнова привлекали к себе историко-этнографические исследования финно-

¹ Александров А.И. Смирнов. Некролог // Памяти Ивана Николаевича Смирнова. – Казань, 1904. – С.6

угорских народов среднего Поволжья и Прикамья. «Мы действуем в краю, – писал он, – где сходятся тюркские, финские и славянские элементы... Всестороннее изучение местных инородцев, специальные исследования по разным вопросам, имеющим отношение к местной археологии, должны сделаться нашей главной задачей».¹ Изучением проблем, связанных с прошлым и настоящим поволжских народов, казанский ученый занимался чрезвычайно энергично и «с выдающимся успехом». За время работы в университете он не раз выезжал в экспедиции по Поволжью, собрав огромный этнографический и фольклорный материал. Результатами этих командировок стали многочисленные историко-этнографические очерки, важнейшими из которых были «Черемисы» (1889), «Вотяки» (1890), «Пермяки» (1891) и «Мордва» (1892-1895). В своих работах автор смог не только нарисовать яркую и наглядную картину культурного развития этих народов, но и дал полный обзор тюркского культурного влияния на марийцев и удмуртов, представил географию расселения финно-угорских народов в древности и предоставил богатый материал для дальнейших исследований.

Благодаря своим работам, И.Н. Смирнов приобрел славу одного из лучших этнографов Поволжья. В 1896 г. он был удостоен Уваровской премии Академии наук и золотой медали Русского географического общества. Причем труды казанского исследователя по изучению финно-угорских народов привлекли к себе внимание как в России и Финляндии, так и за границей – он был членом финно-угорского общества в Хельсинки, членом-корреспондентом венгерского этнографического обще-

¹ Смирнов И.Н. Юбилей Московского археологического общества и VIII Археологический съезд. – Казань, 1890. – С.25

ства в Будапеште, а его книги переводились на иностранные языки.

Преподавательская и научная деятельность не мешала Смирнову быть и энергичным общественным деятелем. Он принимал активное участие в работе казанского Общества археологии, истории и этнографии, в котором был редактором, членом совета, товарищем председателя, а с 1902 г. – его почетным членом. Благодаря его неустанной работе до того времени дремавшее Общество оживилось, стали устраиваться научные экспедиции, выставки, публичные лекции. Это было в конце 80-х – начале 90-х годов XIX в. – время, которое можно назвать одним из самых плодотворных периодов в деятельности Общества.

Вплоть до 90-х годов XIX в. кафедра славянской филологии Казанского университета занималась всеми славянскими языками, литературой всех славянских наречий, а также включала в себя исторические курсы, которые носили название «славянских древностей». Однако по мере развития научных исследований эти отрасли знания становились самостоятельными дисциплинами, с определенными методами и задачами. Совет университета констатировал, что «в настоящее время кафедра славянской филологии обнимает столь обширный круг отдельных дисциплин, что изложение их не может вестись отдельным лицом без ущерба полноте преподавания». Поэтому с 1901 года преподавание по этой кафедре было разделено между профессором А.И. Александровым и приват-доцентом Н.М. Петровским (сыном М.П. Петровского). Первый преподавал языки, второй – историю литературы.

Александр Иванович Александров (1861-1917) окончил Казанский университет в 1883 г. со степенью

кандидата историко-филологических наук по славяно-русскому отделению. На кафедре славянской филологии он стал работать с 1889 г., а в феврале 1896 г. был утвержден в звании ординарного профессора. Неоднократно казанский ученый посещал славянские земли. В 1893 г. и 1895 г. он был специально командирован в Далмацию и Черногорию для изучения их культуры, языка, письменных памятников и этнографических особенностей.

На основе широкого привлечения источников по языкознанию, истории и этнографии южнославянских народов А.И. Александров написал целый ряд работ. Его научные труды заняли видное место в отечественном славяноведении и филологии конца XIX – начала XX вв. Основные работы казанского исследователя в области славистики, сравнительного языкознания и русской диалектологии сохранили свое значение и до нашего времени. Среди них, например, можно выделить общее исследование «Языкознание и славяноведение, их метод и задача», специальные работы «История развития духовной жизни Черной Горы и князь-поэт Николай I», «Черногория в жизни частной и общественной» и др. Ряд трудов Александра носит историографический характер, в которых дается оценка научного наследия казанских славяноведов – в первую очередь В.И. Григоровича и И.Н. Смирнова.¹

Значительный вклад в русское славяноведение сделал Нестор Мемнонович Петровский (1875-1921). Он был

¹ Александров А.И. Виктор Иванович Григорович, профессор славянских наречий // Уч. зап. Казанск. ун-та. 1901; Александров А.И. Памяти Виктора Ивановича Григоровича. 30 апреля 1815 – 19 декабря 1876 // Русский филологический вестник. 1902; Александров А.И. К биографии В.И. Григоровича // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Т.8. 1903; Александров А.И. 30-летний юбилей учено-педагогической деятельности профессора А.И. Смирнова // Вопросы философии и психологии. 1901

известен своими филологическими, историографическими и библиографическими исследованиями. В 1897 г. он окончил славяно-русское отделение Казанского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре славянской филологии. Несколько раз казанский ученый выезжал в славянские страны, проявляя при этом особый интерес к литературе и культуре южных славян.

Магистерская диссертация Н.М. Петровского «О сочинениях Петра Гекторовича», была защищена в 1902 г. и посвящалась одному из видных представителей хорватской литературы XVI в. В феврале 1907 г. он защитил диссертацию на степень доктора славянской филологии («Первые годы деятельности В. Копитаря»), и в том же году был избран и утвержден ординарным профессором по кафедре славянской филологии. В 1917 г. Академия наук, высоко ценя многолетние труды Нестора Мемновича, избрала его своим членом-корреспондентом.

Н.М. Петровский стал одним из крупнейших представителей славянской филологии своего времени. Его многочисленные труды посвящены истории культуры славянских народов. В общей сложности по истории славянских литератур, библиографии, славянской филологии и истории славяноведения Петровским было написано свыше трехсот книг, статей и заметок.¹ Необычайно богатая эрудиция, тщательность обработки материала и всесторонний анализ отличали все работы этого казанского исследователя.

Помимо университета, Н.М. Петровский читал лекции на Казанских высших женских курсах и в Северо-восточном археологическом и этнографическом институ-

¹ См.: Список печатных работ М.П. Петровского, профессора Казанского университета / Составитель М.П. Петровская. – Казань, 1986

те. Он состоял пожизненным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и в течении многих лет исполнял обязанности члена Совета этого общества. Деятельное участие принимал Н.М. Петровский и во многих других научных и просветительских организациях, всюду проявляя себя как талантливый исследователь и отзывчивый человек.

Незадолго до первой мировой войны в стенах Казанского университета славяноведческой проблематикой стал заниматься Митрофан Васильевич Бречкевич (1870-1963). В 1901 г. он окончил историко-филологический факультет Юрьевского университета, при котором и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Основной интерес у М.В. Бречкевича вызывала прежде всего история балтийских славян XII-XIII вв. Именно этой тематике были посвящены не только магистерская диссертация, защищенная в 1912 г.¹, но и большинство других его работ.

В январе 1913 г. М.В. Бречкевич был приглашен для преподавания в Казанский университет, в котором проработал до 1922 г. В Казани ученый очень активно занялся научной и педагогической деятельностью, публикуя целый ряд работ исследовательского и учебного характера. В университете он читал лекции, вел практические занятия по истории средних веков и истории славян, благодаря его стараниям при факультете был создан кабинет славянской истории.

Бречкевич с успехом изучал историю балтийских славян, обращая внимание на вопросы, еще не получившие достаточно полного освещения в историографии. Занимался он, прежде всего, изучением социального

¹ Бречкевич М.В. Введение в социальную историю княжества Славии, или Западного Поморья. – Юрьев, 1911

строю прибалтийских славян. В своих работах Митрофан Васильевич показал себя глубоким знатоком актового материала, мастером тонкого источниковедческого анализа и, несмотря на определенные недостатки, работы ученого вошли в фонд российского славяноведения и медиэвистики.

Говоря о развитии славяноведения в Казанском университете, необходимо сказать и об Афанасии Матвеевиче Селищеве (1886-1942), одном из крупнейших отечественных ученых-славистов. Уже с самого начала своих университетских занятий А.М. Селищев приступил к изучению славянского языкознания. Его студенческая работа на тему «Разбор “сказания” Мниха Храбра о письменах славянских», выполненная в 1907 г., была удостоена серебряной медали. Окончив в 1911 г. университет с дипломом первой степени, А.М. Селищев был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1913 г. он блестяще выдержал экзамен на степень магистра по кафедре славянской филологии и получил звание приват-доцента.

С первых шагов своей научной и педагогической деятельности Афанасий Матвеевич заинтересовался вопросами славянской культуры, литературы, публицистики, педагогики и методики преподавания славянских языков. В 1912 и 1913 гг. вышли в свет его первые труды, посвященные жизни и деятельности видного чешского публициста и общественного деятеля К. Гавличка.¹

Начинающий казанский славист стал первым серьезным

¹ Селищев А.М. Карел Гавличек о русской литературе и «славянско-православной партии» // Сб. статей, посвященных Д.А. Корсакову. – Казань, 1912; Селищев А.М. Взгляды Карла Гавличка на Россию. К истории славянских взаимоотношений в половине XIX в. – Казань, 1913

русским исследователем, который осветил отношения Гавличка к русской литературе и к России в целом.

Но наибольший интерес А.М. Селищев проявлял к Македонии и македонскому языку. Летом 1914 г. он на два месяца был командирован в балканские страны. Работал он преимущественно в Болгарии и Македонии, знакомясь с бытом, жизнью и языками южных славян. Результатом поездки стал опубликованный в 1915 г. «Отчет о занятиях за границей в летнее вакационное время 1914 г.», поражающий богатством наблюдений над живыми говорами Македонии и тщательным изучением письменных памятников.

Изучение живого македонского языка, огромная и тщательная исследовательская работа позволили А.М. Селищеву обобщить свои наблюдения и опубликовать в 1918 г. магистерскую диссертацию «Очерки по македонской диалектологии».

В дальнейшем, покинув в 1918 г. Казань, А.М. Селищев долгие годы работал в других крупных вузах страны, прежде всего в Иркутском и Московском университетах. Там, развивая и углубляя знания и методику, приобретенные в своей *alma mater*, он стал одним из крупнейших российских ученых в области славянского языкознания.

Таким образом, казанское славяноведение сделало значительный вклад в развитие отечественной науки. Труды казанских славистов поставили Казанский университет на одно из первых мест в области русского славяноведения XIX века, создав основу для продолжения исследований по истории и культуре славянских народов в дальнейшем.

Р.У. Семенова

кандидат философских наук, доцент ИСГЗ

МОРАЛЬНАЯ ДЕМАГОГИЯ И ПОЛИТИКА

Известно, что политика и язык связаны между собой многими каналами теснейшего взаимодействия. Не случайно проблематика языка и многоплановых отношений, возникающих по поводу языка, становится предметом специальных исследований в политологической литературе. Выступая важнейшей составной частью политической коммуникации, язык начинает проявлять себя как важнейший инструмент политики и борьбы за власть, воздействия на политические процессы и контроля за их развитием. Политический язык становится важнейшим инструментом осуществления политической пропаганды и, стало быть, важнейшим каналом воздействия на политическое сознание индивидов трансформирующегося российского общества.

В этом контексте становится вполне объяснимым, почему политические деятели столь активно прибегают к использованию тех или иных языковых приемов для укрепления своих политических позиций. В ряду этих приемов можно отметить такие способы, которые заключают очевидный негативный аксиологический оттенок: к ним относятся в первую очередь демагогия. Правда, В.Л. Дубко считает, что отрицательную содержательную нагрузку могут носить также такие речевые приемы, как популизм, доктринерство, риторика.¹ Не вдаваясь в спе-

¹ Дубко Е.Л. Политическая этика. – М.: Академический проект, 2005. – С.130

циальные дискуссии на этот счет, имеющие во многом специальный научный оттенок, будем оперировать понятием «демагогия», получившим наибольшее распространение в специальной литературе.

Нас интересует не просто демагогия, но политическая демагогия, имеющая моральный характер и используемая как синоним таких понятий, как «морализаторство», «морализация», «морализм», «морализирование».

Моральная демагогия как средство манипулирования сознанием известна с давних времен – времен Платона и Аристотеля. Еще Платон в «Апологии Сократа» прекрасно показал, к каким ложным демагогическим приемам прибегли основные обвинители Сократа, выдвигая к философу претензии в нравственном развращении молодежи. Большое внимание выявлению специфики демагогии как средства воздействия на массы уделил Аристотель. По справедливому замечанию известного дореволюционного автора Р. Виппера, Аристотель убедительно показал, что «демагог – своеобразная политическая фигура в афинском демократическом строе, что она является действующим руководящим правительственным элементом».¹ По мысли Аристотеля, лидеры афинской демократии долго и непрерывно удерживают свое руководящее положение, прежде всего, потому, что умеют внушить массе доверие. А делается это преимущественно за счет активного использования нравственных аргументов: обещаний в духе достижения «всеобщего блага» и «справедливости». Вот почему в своих основных сочинениях по общественно политической тематике – «Политика» и «Никомахова этика» – Аристотель

¹ Виппер Р. Греция. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – С.166

значительное внимание уделяет выявлению содержательного смысла обозначенных понятий.

Итак, мы видим, что использование псевдонравственной аргументации в политических целях имеет весьма солидную и давнюю традицию. По справедливому замечанию известного специалиста в области этики А.А. Гусейнова, «подмена морали ее видимостью возникает при стремлении манифестировать, показать (именно показать, а не познать) ее, т.е. тогда, когда она должна предстать перед демосом (народом, публикой), с другой стороны, демагогия (популизм) всегда апеллирует к морали, находя в этом адекватное средство для своих целей».¹ В современных политических процессах ссылка на нравственно окрашенные аргументы, дихотомичность «плохое – хорошее», ложно трактуемые нравственные ценности стала практически общим местом. Формальным показателем морализаторского характера демагогических суждений является перегруженность политического языка нравственными терминами «добро», «зло», «благо», «справедливость», «честь», «достоинство». Разумеется, дело не столько в количественных характеристиках и формально нередко бывает довольно сложно определить по этому основанию грань между действительной аргументацией и псевдоаргументацией. Куда более существенны и значимы качественные ориентиры. Таковыми являются, на наш взгляд, следующие: во-первых, это стремление к удовлетворению непомерных властных амбиций к политическому гедонизму, демонстрации своих властных возможностей. Во-вторых, стремление спрятать, завуалировать закулисное интриганство, нечистоплотность в политических отношениях, направленные на

¹ Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия / Вопросы философии. – 1995. – №5. – С.7

дискредитирование политических оппонентов. В-третьих, стремление приккрыть откровенно неприемлемые политические ходы, например, применение политического насилия, вмешательство во внутренние дела другого этноса или государства и т.д. Пожалуй, попытка выявления всех неблагоприятных деяний, на прикрытие которых может быть направлена псевдонравственная аргументация, могла бы увести в дурную бесконечность.

Моральная оценка – феномен парадоксальный. Она предполагает, что тот, кто выносит такую оценку, является морально безупречным или, по крайней мере, обладает в этом отношении особой компетенцией, подобно тому, как это происходит с юридическими оценками, которые выносят особо сведущие люди. В реальной действительности, однако, все обозначенное имеет место с точностью до наоборот. В политических отношениях и особенно нередко в международных политических отношениях роль морального судьи принимают на себя такие политические акторы, политическая линия которых весьма далека от принципов демократии и гуманизма. Вот почему нравственная оценка, выносимая ими, не поддается логическому обоснованию и имеет превращенный характер – форму моральной демагогии. В данном случае моральная демагогия направляется на возвышение субъекта критики. Но это только первое, очевидное и самое безобидное ее следствие. Куда опаснее то, что нередко подобного рода морализаторство предшествует жестким политическим шагам, граничащим с крайними формами политического радикализма. Достаточно сослаться хотя бы на политическую позицию США, которые, ссылаясь на отстаивание принципов демократии и защиты интересов мирового сообщества от некоей угрозы, попирают только национальные интересы

не только мусульманских (Афганистан, Ирак), но и европейских государств (Югославия) и навязывают мировому сообществу моноцентричную картину мира.

Дж. Джаспер выделил четыре стиля этических аргументов, каждый из которых может быть соотнесен с моральной демагогией: 1) авторитарный (подчиняющийся командам бога или харизматического лидера); 2) конвенциональный (следующий тщательно выверенной выгодной калькуляции, апеллирующий к времени и деньгам, выгоде и убыткам; рыночным законам); 3) закономерный (обращающий внимание на частные правила и процедуры, ссылающийся на преимущества демократии и воли народа, должных процессов); 4) экспрессивный (выражающий свою внутреннюю доброту)¹.

В целом морализаторство в политике является, по справедливому замечанию О.С. Соиной, «мировоззренческим извращением морали», «нравственным тиранством», «моралью бегства».² В то же время следует подчеркнуть, что морализаторство является не только деформированной нравственной позицией, но и извращенной политической позицией, в основе которой лежат те или иные политические интересы.

Логика политических интересов – весьма существенный, но далеко не единственный фактор, раскрывающих особенности механизмов формирования моральной демагогии в политике. Не менее существенным основанием в этих процессах являются особенности политического языка как такового. Именно на эти особенности обращает внимание П. Рикер. В статье «Хрупкость

¹ См.: Jasper J.M. The Politics of Abstractions: instrumental and moralist rhetoric's in Public Debates // Social Research. – 1992. – V.59. – N.2 – P.319

² Соина О.С. Моралист (опыт этической характеристики) / Человек. – 1995. – №4. – С.34

политического языка» П. Рикер доказывает, что политическая риторическая аргументация занимает срединную позицию между доказательством и софистической манипуляцией. Мыслитель обращает внимание на следующие уровни функционирования политического языка: 1) первый уровень – это рассуждения. На этом уровне «политический язык функционирует наилучшим образом в современных демократиях как язык, который сталкивает соперничающие требования, чтобы выработать приемлемый выход из конфликтной ситуации. Здесь язык конфликтен и нацелен на консенсус одновременно. Вот почему он уязвим».¹

2) Второй уровень – «обсуждение целей хорошего правления». На этом уровне противоречивость политической жизни объясняется противоречивым значением таких слов, как «безопасность», «процветание», «свобода», «справедливость».

3) Третий уровень – это представления «о хорошей жизни». На этом уровне политический язык сталкивается с амбивалентностью. Таким образом, продвижение от одного уровня к другому сопровождается изменениями в языке, ведущими к извращению, выхолащиванию его первоначального смысла. В конечном счете, политическое мышление приобретает фрагментарный и конфликтный характер, доминирующими в нем становятся догматические подходы, упрощенные и схематизированные представления.

На наш взгляд, П. Рикер достаточно четко подметил сложность и противоречивость развития политического языка, неоднозначность его риторических приемов, ключевых образов и форм. Именно эта сложность, а также

¹ Ricoueur P. The Fragility of Political Language // Philosophy today. – V.31. Nj. – Celina, Ohio, 1987

нередко зашифрованный, скрытый смысл политических речей делают политический язык мало понятным для простого индивида. Различия между тем «как мы это понимаем» и тем, как «вы это понимаете» отчасти «снимается» использованием моральной или морально окрашенной риторики. Ибо нравственные понятия: «добро» и «зло» в большей мере понятны простому человеку, нежели сложная общественно-политическая лексика, к которой нередко прибегают политические деятели.

Моральная демагогия дает лишь кратковременный эффект и в целом демонстрирует беспомощность политиков. В перспективе она не способна повести за собой массы, поскольку не выдвигает аргументы, которые обеспечивают реализацию действительных, злободневных для индивидов политических интересов и нужд.

К.М. Дулльева

ассистент кафедры иностранных языков КФ РМАТ

ФРАНЦУЗСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ С КОМПОНЕНТОМ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПИЩИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Французский язык за историю своего существования оказал большое влияние на английский, немецкий, русский и другие языки, проникая практически во все сферы лексических пластов. Семантические группы с компонентом юриспруденция, мода, власть, ювелирные

изделия, военное дело, еда и кулинария получили наибольшее количество заимствований. В настоящей работе исследуются денотативные особенности глаголов приготовления пищи в английском и русском языках, заимствованных из французского языка.

Рассматривая воздействие французской языковой системы на систему английского языка, можно выделить два основных этапа. Первый этап связан с норманнским нашествием: для него характерно не только изменение лексической системы, но и орфографической, так как большинство коренного англоязычного населения было малограмотным или безграмотным, а на высокопоставленных должностях находились французы, которые вели записи всех важных государственных документов на французском языке. Руническое письмо, сохранившееся в английском языке после введения латинского алфавита, было заменено латинскими буквами или буквосочетаниями.

Многие слова заимствуются из французского языка в английский после 1650 года главным образом через французскую литературу. Их количество не велико, так как многие из них так и не были ассимилированы.

Но наиболее сильное влияние французского языка на английский начинается на втором этапе – в конце XVIII века, когда в моду входит французская кухня. Будучи *de rigueur* (модной), из французского языка в английский приходят такие термины, как *braise* (фр. *braiser* 1) тушить, варить на слабом огне без кипения 2) печь, жарить на углях) (1797 год), *sauté* (фр. *sauter* – жарить на сильном огне) (1813 год).

Одной из самых объемных лексико-семантических групп является группа со словами, относящимися к пище и приготовлению пищи: *ragout, cuisine*.

Многие французские заимствования в английском языке сохранили оригинальную орфографию, недавние заимствования употребляются с диакритическими знаками, например – rosé (wine), apéritif. Многие буквы и буквосочетания читаются так, как они бы читались во французском языке: буквосочетание ou следует читать как [u:], согласные t, s, x не читаются на конце: ragout [ˈrægu:] (однако буква a, после уподобления, читается на английский манер как [æ], синоним слова stew). Буква é на конце, ассимилировавшись в английском языке, читается как [ei]: pâté (пирожок с мясом или рыбой, паштет). Ch произносится как [ʃ], например chef, vichyssois, oî произносится как [wa] (вишистский). Au читается как [o:]: sause [so:s].

Слово, будучи заимствованным и ассимилированным, употребляется по тем же грамматическим правилам, которые распространяются на весь лексический пласт данного языка: satéed, puréed.

Среди заимствований много слов, являющихся абсолютными синонимами со словами языка их принимающего. Часто это бывает связано с тем, чтобы вести терминологию, в частности кулинарную. Так, в ресторанной лексике для обозначения профессий равноправны следующие пары синонимов: sommelier и wine waiter (официант по винам), sous-chef и under-chef (повар), maître d'hôtel и front waiter (официант, встречающий гостей).

Как правило, в языке для приготовления блюд своей кухни всегда хватает слов данного языка, какими бы сложными не были эти методы приготовления. Для описания новых блюд «заморских» кухонь часто приходится использовать длинные описательные обороты или же водить новые кулинарные термины даже для элементарных способов обработки пищи. Для создания терминологии

часто заимствуются слова, являющиеся синонимами английский – французский термин, но использующиеся теперь в языке для обозначения терминов и в языке людей, профессионально занимающихся той или иной деятельностью: *mash* – *puré* (давить, мять, разминать), *shirr* – *roach* (варить в кипятке без скорлупы, делать яйца-пашот), *flame* и *flambé* (фламбировать, опалить готовое блюдо, полив его спиртом или коньяком); для обозначения дополнительных оттенков приготовления: *fry* (жарить вообще) – *sauté* (жарить в небольшом количестве жира), *slice* (резать ломтиками) – *émincer* (резать очень тонкими ломтиками).

Перейдем к русскому языку. До XVIII века русское кулинарное искусство не отличалось большим разнообразием, хотя было довольно своеобразным. Пища готовилась в русской печи, в связи с этим не было такого множества способов тепловой обработки пищи, кроме как печь и варить. Не было даже обжаривания в масле, которое позволило значительно улучшить вкус блюд русской кухни, но появилось значительно позже, будучи заимствовано у восточных народов. Но с XIII века на русскую кухню значительное влияние оказали французские традиции. Русские хлеба стали называться супами (*soup*) на французский манер. Вводятся салаты с принятым измельчением ингредиентов и даже изобретаются новые салаты – винегрет (*vinaigre* – кислый) – салат с квашеной капустой, известный во всем мире как русский салат.

В русской кухне, в связи с большим количеством постных дней в году, количество которых превышало число скоромных дней, было большое разнообразие блюд, но которые часто отличались лишь одним или двумя ингредиентами. Из методов приготовления были

широко распространены начинение: чиненая рыба, чиненые пироги. Из французского языка заимствуется слово *farcir* и вводится новый термин фаршировать.

С петровских времен в традиции русского поварского искусства усиленно вводятся европейские кулинарные обычаи. Из Западной Европы приглашаются иностранные повара сначала голландские, австрийские, немецкие, затем шведские и французские. Вводится наплитное приготовление вместо печного. Французские повара, являясь блестящими мастерами своего дела, воспитывают плеяду своих учеников. Вводится множество французских блюд – котлеты, лангеты, антрекоты, омлеты, муссы, компоты. В XIX веке происходит обработка рецептур блюд русской кухни на французский манер.

Благодаря французской кухне появилось комбинирование продуктов (винегреты, салаты, гарниры). На смену русской печи, горшков, чугунков вошли плита, духовка, кастрюли, сотейники. Продукты стали измельчать не только в салатах, но и в начинках для пирогов. Так, раньше рыбу для пирогов не измельчали, а только полосовали.

Помимо жаренья, что первоначально означало подвергать воздействию жара, тепла в русской печи, появились такие методы обработки пищи, как пассировать (от фр. *passer* – обрабатывать чем-либо, обжаривать в жире на небольшом огне сырых овощей с целью их размягчения), фламбировать (от фр. *flamber* – опаливать, очень быстро обжигать открытым пламенем горящего коньяка или спирта). Помимо привычной варки в употребление вошли такие методы, как брезировать (припускать с брезом – жиром, снятым с бульона вместе с пеной и содержащим много белка), бланшировать (кратковременное обваривание или ошпаривание рыбы, фруктов, овощей).

Запекание производится также посредством грилирования (фр. griller – поджаривать, жарить на рашпере, жаренье открытым обжиганием, когда угли или огонь расположен снизу, а запекаемый предмет сверху на шампуре, вертеле или решетке), гратинирования (фр. gratiner – жарить в сухарях, при котором почти готовый продукт помещается в духовой шкаф для получения красивой поджаристой корочки). В современном русском языке такие слова чаще встречаются в профессиональной лексике и в терминологии поваренных книг.

В данный момент большинство сем французских глаголов приготовления присутствует одновременно как в английском, так и в русском языках.

Очевидно, вполне можно было бы на современном этапе оставить только необходимые слова, вытеснив из обихода абсолютные синонимы, но задача языка состоит не только в том, чтобы отражать окружающую действительность, но также и бережно хранить свою историю.

Список использованной литературы

1. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford University Press, 2000.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Екатеринбург: «Урал-Советы», 1994
3. Дубенец Э.М. Лексикология. – М: Глосса-Пресс, 2004.
4. Словарь иностранных слов / Под ред. И.А. Акчурина – М.: Русский язык, 1981.

Д.Е. Мартынов
кандидат исторических наук, КГУ

**О ПОНЯТИИ «ГУМАНИТАРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ»
В КВАНТОВО-МЕХАНИЧЕСКОЙ
КАРТИНЕ МИРОЗДАНИЯ
(на примере исторической науки)**

Парадигмальное господство позитивизма в естественнонаучном познании безраздельно сохранялось примерно до рубежа 1970-х гг., несмотря на критику позитивизма в разных областях науки. Проведённая граница не может считаться случайной: как и за столетие до того, возникло убеждение, что физический мир практически познан, так что на повестку дня – для естественнонаучного познания – встал вопрос о познании высшей психической деятельности.

Развитие психологических дисциплин за последние 35 лет привело к делению (вполне условному) направлений работ на два основных звена – исследований «нечётких способностей» человека и изменённых состояний сознания. Последнее интересно хотя бы тем, что на данном поле западная эмпирия впервые «практически» встретилась с восточной трансценденцией (мы признаём условность данного термина). Полученные результаты свидетельствовали только об одном: Вселенная несводима к физическому миру.¹

¹ С. Переслегин. Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата... // С. Лем. Сумма технологии. – М.; СПб, 2002. – С.645; Ср. Налимов В.В. Теория смыслов // Нелинейный мир науки, образования, культуры. – М.; Астрахань, 2003. – С.109-122

Прежняя парадигма, до сих пор являющаяся основной в школьном образовании, строится на имплицитной уверенности в существовании «правильной» картины мира.¹ Последовательно позитивистская трактовка мироздания настаивала на существовании объективной истины. «Революция сознания» заменила двумерную картину другим вариантом «чертежа Мироздания» (термин С. Переслегина) – системой «тоннелей Реальности».²

Тоннель реальности является субъективной моделью мироздания, отвечающей убеждениям данного конкретного человека, и только для этого человека существующего. Все индивидуальные тоннели различны, но большинство из них перекрываются на значительном информационном поле – так создается основа для идентичностей, формирующих социум.

Границы тоннелей реальности зависят от мироощущения, но ни один тоннель не в состоянии охватить всей Вселенной. Таким образом, не может существовать некой нормативной, «правильной» картины мира, а есть некоторые элементы мозаики, из которой может быть составлена более или менее фрагментарная конструкция. Таким образом, позитивистская по своему генезису есте-

¹ Весьма ярко об этом писал С. Лем: «Что является целью науки? Познание «сущности» явления? Но как можно узнать, что мы её уже познали? Что это – уже вся «сущность», не часть её? То есть объяснение явлений?... Наука – это предвиденье. Многие философы придерживаются такого же мнения, больше всего об этом говорят неопозитивисты. Они, кроме того, считают, что философия науки – это, по существу, теория науки и что они знают, как наука создаёт (или опровергает) всё новые и новые теории. Теория есть обобщение экспериментальных фактов. Опираясь на них, она предсказывает будущие состояния. Если эти предсказания сбудутся и, сверх того, укажут на существование явлений, до сих пор неизвестных, – теория признаётся истиной. В принципе так оно и есть. Фактически же дело обстоит сложнее» // Сумма технологий. – М.; СПб, 2002. – С.275

² См.: Р.А. Уилсон. Новая инквизиция. – М., 2001. – С.6

ственна научная картина мира – является одним из обширных тоннелей реальности, и только.¹

Тоннелей реальности столько же, сколько существует и существовало на Земле индивидов. Однако способов познания – только три, и гносеологический статус науки никоим образом не может быть умалён. Только научное познание распаковывает смыслы мира природы и мира общественного, и способно предложить человечеству устойчивое, транслируемое и воспроизводимое знание. Однако мы уже подошли к неразделимой гносеологической триаде: только искусство (как познание личное, эмоциональное, субъективное) способно распаковывать смыслы человеческой жизни. Равным образом прерогативой трансцендирующего экзистенциального познания является объединение миров – тоннелей реальности, порождающее идентичности.

Итак, современное научное познание – не исключая гуманитарного, ещё более тесно связанного с оставшимися двумя видами познания, – должно опираться на представление о тоннелях реальности, равноправия форм познания и понятие контуров сознания, введённого экзистенциальной психологией.²

Для историка важно разбираться в т.н. Первом круге психики, так как включаемые в него четыре контура сознания относятся к прошлому и настоящему.

Согласно модели Р. Уилсона поведение человека (познание является высшей формой поведения) может быть представлено как результат воздействия импринтированных программ, образующих паттерны поведения.³

¹ С. Переслегин. Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата... // С. Лем. Сумма технологии. – М.; СПб, 2002. – С. 646.

² См.: Р.А. Уилсон. Квантовая психология. – М., 2005. – С.94-100

³ Подробно: Р.А. Уилсон. Психология эволюции. – М., 2005. – С.38-150

Наиболее древним является *первый контур* – биовыживательный, связанный с архетипом Матери. Этот контур отвечает за «просто жизнь» в биологическом смысле, в частности, за питание. Первый контур инициирует чувство безопасности и инстинкт самосохранения. В известном смысле можно утверждать, что данный контур связывает данную конкретную личность со всей предшествующей историей биологической жизни на Земле.

Второй контур – территориально-эмоциональный, метафорически замкнут на архетип Отца. Контур отвечает за социальное поведение – агрессивное или конформистское, контроль над определенной территорией, порождает понятие иерархии и служит паттерном для фундаментальных организующих структур – армии и национального государства.

Третий контур – семантический, который можно признать «специфически человеческим». Он отвечает за речь, сигнализируя о наличии у данного индивида разума, и имеющихся ограничений. Семантический контур аппаратно поддерживает логическое и абстрактное мышление, являясь, таким образом, архетипом Науки.

Четвертый контур – социополовой, прорисовывающий поведение человека в больших организованных группах. По мнению С. Переслегина (ничем не подтверждаемому), данный контур как социальное «изобретение» возник не ранее Средневековья. Данный контур обеспечил возможность устойчивого существования больших городов, идеологических структур, могущих быть признанными «тоталитарными» и обеспечил воз-

возможность появления современной индустриальной цивилизации.¹

Контурная модель Р. Уилсона порождает противоречие. Проблема заключается в том, что наука как метод познания мира пронизывает все перечисленные контуры. Однако наука как основа картины мира – акцентированного тоннеля реальности, целиком находится в пределах третьего, семантического уровня. Данное противоречие было осознано только в последней трети XX в.

Последствием данного осознания стало необратимое разрушение равновесия между наукой и лженаукой. Собственно антагонизм между наукой и лженаукой, и даже это последнее понятие, инициировался, по видимому, в XIX столетии в связи с процессом огосударствления науки, когда в сознании управленческого аппарата понятия «науки» и «технологии»² стали сино-

¹ Согласно Р. Уилсону, перечисленные контуры (названия приводим по Переслегину // Указ. соч. – С.654) присутствуют у всех представителей рода человеческого, за исключением одичавших детей.

² С. Лем предлагал следующее определение для термина «технология»: обусловленные состоянием знаний и общественной эффективностью способы достижения целей, поставленных обществом, в том числе и таких, которые никто, приступая к делу, не имел в виду // Сумма технологии. – С.22. Однако с точки зрения С. Переслегина, удобнее «технологию» рассматривать в формализме сопряженных пространств – объектного (физического) и информационного (мыслеконструкций). Данные пространства для человека связаны только операцией именованья, т.е. создания информационной модели объекта, системы и т.п., и проектирования, позволяющего по информационному конструкту создавать онтологический. Таким образом, технологией называется проектор данной области информационного пространства на область онтологического. См.: С. Переслегин. Институты развития // Доклад на Методологической школе 24-31 августа 2001 в г. Трускавце.

Перечисленное указывает, что понятие «технологии» будет теснейшим образом связано с понятием «цивилизации». В рамках теории сопряженных пространств «цивилизация» есть способ взаимосвязи носителей разума с внешней средой. Цивилизация стратифицируется культурами, которые ничто иное, как совокупность технологий – проекторов информационного пространства на внешний мир. Степень развитости технологии определяется

нимичными. Процесс ускорился после создания атомной бомбы, государственное финансирование привело к лавинообразному росту количества открытий. Однако следствием стала потеря креативности т.н. «официальной наукой» в условиях её административного управления. (Функции администрирования и познания, по-видимому, не способны сочетаться в одной структуре, т.к. жизнеподдерживающая функция управления носит, с точки зрения познания паразитарный характер – и наоборот¹). Возникает специфическая функция официальной науки – покинув позицию творца, т.е. распаковщика смыслов (в терминологии В.В. Налимова) – она занимает позицию критика, т.е. ниспровергателя ложных смыслов.

мощностью пространства граничных условий, совместимых с ней. Прогресс культуры, и соответственно, цивилизации – есть процесс повышения уровня технологий. Интересной в данном контексте является проблема непосредственного воздействия информационной структуры на объектный мир. Такие цивилизации и свойственные им технологии уместно было бы называть магическими. В XX в. попытка создания такой цивилизации была предпринята в нацистской Германии (см.: Л. Повель, Ж. Бержье. Утро магов. Пер. с фр. Киев: София, 1994). Большинство существовавших в истории человечества цивилизаций осуществляет связь между пространствами посредством медиатора, одновременно находящимся в информационном и реальном мире – сциентистская цивилизация и научные технологии. Воздействие информационного поля на текущую реальность осуществляется созданием искусственной (машинной) среды. Таким образом, среда-посредник не является живой и не проявляет свойств личности, однако поскольку она находится между носителями разума – человечеством и мирозданием (Богом) – возникает противоречие, приводящее к созданию в среде-посреднике квазижизни. (См. А. Лазарчук, П. Лёлик. Голем хочет жить // А. Лазарчук. Сентиментальное путешествие на двухместной машине времени. М., 2003.) Подробнее об этом см. ниже.

Антонимом к «цивилизации» станет понятие «экологии» – неспецифического способа взаимодействия биологических сообществ с окружающей средой.

¹ С. Переслегин. Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата... – С.648

В XX в. наука как никогда приобрела замкнутый характер, процесс познания при этом был в значительной степени регламентирован. В настоящее время можно говорить о наличии науки официальной, получающей преимущественно отрицательные результаты и науки корпоративной, в чью задачу получение истины также не входит.¹ Одновременно насыщенность информационного поля цивилизации достигла небывалого ранее размера, а методы работы с информацией стали технологически весьма простыми и удобными (с наличием ПК, Сети и поисковых систем). Возникает парадокс: в условиях информационного взрыва познание фактически перестало нуждаться в методологической организации. В наиболее креативных областях познания в настоящее время наблюдается возврат к индивидуальному мыслетворчеству доиндустриальной эпохи. Таким образом, чёткая дихотомия «наука – лженаука» потеряла смысл.

Наука индустриального общества, – т.е. наука в узком смысле этого термина, генетически содержит отсылку к опытному знанию. Таким образом, современная наука включает конструкты четвёртого психического контура – социополового. Данные взаимосвязи модифицируют поведение науки вплоть до потери последней атрибутивного свойства объективности (напр. «научные обоснования» по заказу государства и/или бизнес-структур). Более того, к концу XX в. выделился класс исследователей, которые в приведенном выше смысле не занимаются наукой, либо конструируя технологии, либо работая в креативной области – занимаясь философией, трансценденцией, то есть тем, что в XVIII-XIX вв. именовалось метафизикой.

¹ С. Переслегин. Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата... – С.649

Здесь приходится признать, что метафизика не опирается на науку, ибо оперирует с парадигмами и постулатами, рассматриваемыми наукой в качестве аксиом. (Технология – в обиходном понимании термина, – не опирается на науку, т.к. работоспособные технологии античности созданы в рамках трансцендентного – религиозного сознания. Это не помешало серийно строить катапульты, баллисты и создать «греческий огонь».) Наука принципиально – по генетическим причинам, не способна ответить на вопрос о своих иррациональных основаниях. Ответ на этот вопрос неизбежно сам по себе будет субъективным и иррациональным.

Метафизика (в классическом понимании этого термина) составной частью включает субъективные элементы, и весьма скептически относится к понятию доказательства. В рамках описанной выше схемы, например, математическое доказательство служит приемлемым для личности, у которой импринтирован третий контур психики, в то время как приказ (прямое применение силы) служит «доказательством» для второго контура. Общественная мораль, выраженная в законе, является достаточным основанием на четвертом контуре. Для естественнонаучной парадигмы иногда сложно отыскать убедительную причину, по которой непременно следует приводить доказательства суждений, отвечающих научному стандарту. (С. Переслегин приводит пример с уравнением Шрёдингера и принципом неопределённости Гейзенберга. Первое не доказано, но им широко пользуются. Равным образом, доказательства справедливости общей теории относительности Эйнштейна – смещение перигелия Меркурия и др., – могут быть интерпретиро-

ваны и в рамках ньютоновой механики¹). Таким образом, мы вновь приходим к проблеме критерия истинности, в общем виде неразрешимой.²

В этой связи необходимо возвращение к упомянутым понятиям информационного пространства и, соответственно, информационных объектов. Способность информации порождать новую информацию была известна задолго до первых публикаций по синергетике. Крупный прорыв в этой области был совершен во второй половине 80-х гг. XX в. после лингвистических и психологических работ В.В. Налимова. Этим исследователем

¹ С. Переслегин. Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата... – С.650. Для опровержения тезиса об отклонении луча света в поле Солнца достаточно признать, что Солнце имеет нетривиальную внутреннюю структуру.

² Насколько мы можем судить, указанную проблематику предвосхитил в начале XX в. о. Павел Флоренский в известном этюде «Мнимости в геометрии» (1922, написан в 1902). Аргументация П.А. Флоренского (1882-1937) примерно такова: специальный принцип относительности утверждает, что никаким физическим опытом убедиться в предполагаемом движении Земли невозможно. Эйнштейн, по сути, объявляет систему Коперника чистой метафизикой «в самом порицательном смысле этого слова». Прямое следствие результатов опыта Майкельсона-Морли – Земля покоится в пространстве. Косвенным его следствием будет утверждение, что понятие о прямолинейном и равномерном движении лишено «какого-то уловимого смысла». «Нет и принципиально не может быть доказательства вращения Земли, и в частности, ничего не доказывает пресловутый опыт Фуко: при неподвижной Земле и вращающемся вокруг неё, как одно твёрдое тело небосводе, маятник так же менял бы относительно Земли плоскость своих качаний, как и при обычном, Коперниковом предположении о Земном вращении и неподвижности Неба. Вообще, в Птолемеевой системе мира, с её хрустальным небом и «твёрдью небесной», все явления должны протекать так же, как и в системе Коперника, но с преимуществом здравого смысла и верности земле, земному, подлинно достоверному опыту, с соответствием философскому разуму и, наконец, с удовлетворением геометрии». «...Мир земного достаточно уютен» // П.А. Флоренский. Мнимости в геометрии: расширение области двухмерных образов геометрии (опыт нового истолкования мнимостей). Изд. 2-е. – М., 2004. – С.48-51

был предложен принципиально новый подход к «проблеме значения».¹

В.В. Налимов предложил фундаментальное понятие «семантический спектр». В узком смысле данный термин означает совокупность всех значений того или иного понятия. В широком смысле семантический спектр – есть мера неоднозначности при любых преобразованиях смыслового пространства.

С точки зрения языка, понятие семантического спектра применимо только к согласованным мыслеконструкциям. В рамках данной теории были сформулированы три основных закона:

- семантический спектр системы включает в себя спектры всех понятий, образующих систему, но не обязательно сводится к ним;
- чем более связаны семантические спектры систем, тем ближе друг к другу законы, описывающие онтологию этих систем;
- поведение системы может быть описано через последовательный анализ её семантического спектра.

Последнее утверждение представляет собой базис технологии «распаковки смыслов». На практике оно означает, что языковая среда может играть в гуманитарной науке ту же роль, которую играет математический аппарат, например, в физике.²

¹ В.В. Налимов. Спонтанность сознания. – М., 1989. – С.106-120

² В 70-е гг. XX в. в математике была разработана аналитическая теория S-матрицы, причём речь не шла об использовании для решения физической задачи математического аппарата. Суть теории заключается в том, что из очевидных математических требований к матрице рассеяния (она должна быть аналитической комплексной функцией своих переменных) выводятся нетривиальные физические следствия. Иначе говоря, некоторые простейшие задачи рассеяния оказались доведены до стадии численных ответов. Таким образом, была доказана принципиальная возможность самоструктурирова-

Труды В.В. Налимова стали гуманитарным обобщением опыта квантовой механики. Идеалистическая теория семантических спектров, настаивающая на существовании взаимосвязи между материальным и информационным миром, не могла быть использована на практике до расширения представлений о познании, вызванного успехами экзистенциальной психологии.¹

Под «информационным пространством» следует понимать совокупность результатов семантической деятельности человечества, т.е. пространство имён и названий, сопряжённое онтологическому. Являясь первичным понятием, информационное пространство не может быть строго определено, задаваясь в виде диалектического противопоставления пространству физическому, т.е. предметному, материальному.²

Предметное пространство населено живыми объектами, обладающими свободой воли, которая интерпретируется как поведение. Из симметричности пространства следует, что аналогичные конструкторы (их можно назвать эйдосами – по аналогии с платоновскими) должны существовать в информационном мире. Обладающая собственным поведением информационная структура, именуется информационным объектом. Это, в частности, означает, что информационный объект может понимать

ния информации не только в идеальном мире (в данном случае, математической абстракции), но и в физическом. См.: В.В. Налимов. Теория смыслов // Нелинейный мир науки, образования, культуры. – М.; Астрахань, 2003. – С.110-119

¹ Подробнее см.: Ю.Н. Чередниченко. Детерминирование свободы выбора человека в современном техноэкологическом информационном пространстве: проблемы сознания и психологического иммунитета личности / НИИ Общей патологии и экологии человека СО РАМН. 22.05.2000 // [Электронный ресурс]: <http://www.sinor.ru/~che/Subliminal.htm>

² С. Переслегин. Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата... – С.653

ся как самовозрастающая и самоструктурирующаяся информация. В терминологии автокаталитического кольца в неравновесной термодинамике И. Пригожина, информационный объект является Представлением.¹

Информационные объекты имеют начало и конец своего существования. Их физическим воплощением являются устройства, хранящие и перерабатывающие информацию – до середины XX в. люди и группы людей, в настоящее время к ним прибавились вычислительные системы и сети. Таким образом, в кибернетической терминологии, информационный объект является программным, а не аппаратным комплексом, т.е. материальные носители могут заменяться без ущерба для информационного объекта. Следует различать физический носитель информационного объекта и воплощение этого объекта в материальном пространстве – Представление. Представление, существуя, обладает поведением и связано со своим прототипом информационно и энергетически.²

Таким образом, простейшим способом получения информационного объекта является схематический – схема искусственного интеллекта проецируется на систему, в которой физическими носителями являются люди, группы людей или компьютеры. Впервые информационный объект подобного рода, вероятно, описал Т. Гоббс в «Левиафане». Вне пределов художественной ли-

¹ В рамках теории информационных объектов Представление – есть метафора сложной системы в ином понятийном пространстве. Ср.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М., 2005. – С.119-150

² С. Переслегин. Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата... – С.654

тературы гуманитарное сознание в наше время, кажется, не разрабатывало теории подобных объектов.¹

При нынешнем уровне понимания информационных объектов возможна некоторая типология. Следует начать с тезиса: научная теория, даже самая простая, обладает собственным поведением.² Научная теория, как уже указывалось, пронизывающая перечисленные четыре ступени сознания, воздействует на ту информационную область, в которой определена. При этом происходит модификация вероятности: факты, отвечающие теории, обретают большую степень истинности. В рамках отдельно взятой теории дихотомии онтологического и информационного пространства соответствует противопоставление наблюдаемой и фундаментальной структуры системы; при этом считается, что наблюдаемое поведение структуры определяется процессами в фундаментальной области. Классические философские и научные доктрины способны создавать собственные представления об Универсуме³, при этом воздействие настолько интенсивно, что может быть интерпретировано в терминологии «рождения» и «уничтожения» фактов. Особенностью

¹ Описания подобных объектов можно увидеть в творчестве св. Иоанна Лествичника, М. Волошина. В 1989 г. А. Лазарчук и П. Лёлик, оставаясь в рамках фантастической литературы, попытались провести первичное структурирование представлений об информационных объектах первого порядка, введя понятие Голема. См.: А. Лазарчук, П. Лёлик. Голем хочет жить // А. Лазарчук. Сентиментальное путешествие на двухместной машине времени. – М., 2003. – С.552-572. См. также развитие данных идей: С. Переслегин. Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата... – С.654-656

² См.: С. Переслегин. История: метаязыковой и структурный подход / [Электронный ресурс]: http://www.igstab.ru/materials/black/Per_HistMetaLg.htm

³ Примерами могут являться: ньютоновская механика, дарвинизм и исторический материализм с его классической формулой, связывающей общественное бытие (фундаментальный уровень) с общественным сознанием (наблюдаемый уровень). См.: С. Переслегин. Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата... – С.657

доктрины указанного уровня становится замыкание «на себя» информационного пространства, что формирует в социуме соответствующие идентичности, но порождает и макроскопический социальный эффект: общество теряет способность восприятия информации, отвергаемой официальной доктриной.¹

С. Переслегин предлагает рассматривать «классическую научную теорию» в качестве искусственного интеллекта, логическими элементами которому служит организованное научное сообщество.

Весьма интересным классом информационных объектов являются эгрегоры, разработкой теории которых плодотворно занимался Р.А. Уилсон.² По-видимому, эгрегоры наиболее адекватно описываются в социопсихологическом формализме. Наличие неочевидной глубокой связи между социальной и индивидуальной психикой дает возможность построить коллективный аналог разложения по субличностям.³ «Субличность» социума именуется эгрегором, по построению они являются психическими. Также эгрегоры могут рассматриваться как члены разложения коллективной психики в ряд по той или иной совокупности ортогональных функций.⁴ Одновременно, эгрегор является объектом, существующим в обыденном смысле.

Эгрегор модифицирует поведение человека тем, что взаимодействует с различными субличностями. Человек,

¹ Подробнее см.: Р. Уилсон. Новая инквизиция. – М., 2001. – С.36-73

² Р.А. Уилсон. Квантовая психология. – М., 2005. – С.205-206

³ Ю.Н. Чередниченко. Детерминирование свободы выбора человека в современном техноэкологическом информационном пространстве: проблемы сознания и психологического иммунитета личности / НИИ Общей патологии и экологии человека СО РАМН. 22.05.2000 // [Электронный ресурс]: <http://www.sinor.ru/~che/Subliminal.htm>

⁴ Р.А. Уилсон. Квантовая психология. – М., 2005. – С.206

правильно ориентированный в информационном поле эгрегора, усиливает это поле.¹ С другой стороны, эгрегор обеспечивает социализацию индивида, то есть импринтирует четвертый контур и обеспечивает функциональную работоспособность тоннеля реальности. Эгрегоры же поддерживают существование той или иной универсальной идеи, повышая, таким образом, семантическую связность человечества.

Будучи структурно подобным (суб)личности, эгрегор способен осуществлять операции над информацией – распаковывать смыслы и создавать новые.²

Последним видом информационных объектов назовём «динамические сюжеты». Инструментальной базой таких объектов являются социумы. Динамические сюжеты могут быть выделены только при рассмотрении исторического развития социума. Иными словами, элементами динамического сюжета станут являться не сами люди в их бытии, как было с предыдущими разновидностями информационных объектов, а определенные паттерны поведения человека.³ Количество сюжетов крайне ограничено, причём сами сюжеты существуют в неизменном виде с мифологических времён.⁴ Это косвенно выво-

¹ Результаты экспериментов см.: Ю.Н. Чередниченко. Детерминирование свободы выбора человека в современном техноэкологическом информационном пространстве: проблемы сознания и психологического иммунитета личности / НИИ Общей патологии и экологии человека СО РАМН. 22.05.2000 // [Электронный ресурс]: <http://www.sinor.ru/~che/Subliminal.htm>

² С. Переслегин. Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата... – С.658

³ См.: С. Переслегин. «Кто хозяином здесь?..» // [Электронный ресурс]: http://zero.thewalls.ru/htdocs/anal/per_who.htm. Подробнее см.: С. Переслегин. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. – М., 2005. – С.585-604

⁴ Типологизацию сюжетов пытался проводить Х.Л. Борхес. В отечественной литературе (в рамках фантастического жанра) похожие идеи высказывал А.Г. Лазарчук. См.: Все, способные держать оружие... – М., 2001. – С.326-328

дит нас на проблему времени¹, которая соотносится с построениями О. Шпенглера: время «производится» внутри сюжета, определяясь его императивами. Таким образом, динамические сюжеты обладают, по крайней мере, времясвязывающей функцией. Для наблюдателя, не принадлежащего к данному сюжету (т.е. живущего во внешнем времени, и ином сюжете), сюжет, по-видимому, способен передавать информацию/смыслы из *абсолютного будущего*.²

В этом месте необходимо вернуться на почву конкретной научной дисциплины, а именно, истории, и рассмотреть ряд проблем, с которыми можно столкнуться в историческом исследовании, применив своё понимание описанных выше структур в рамках системного подхода.

Принципиально вероятностный характер истории как процесса признавался достаточно давно³. Предметом

¹ Понимаемого традиционно, по бл. Августину и И. Канту – как мера изменения вещей/явлений наблюдаемого мира. См.: И. Кант. Критика чистого разума. В37 // Собр. соч. – Т. 3. – М., 1994. – С.64-65

² С. Переслегин. Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата... – С.658

³ Следует разделять реальную историю (событийную её сторону) от интерпретации, носящей то же название. Реальная история в кантианской терминологии является ноуменальной сферой, то есть не более чем «материалом» для разного рода стратегий в интерпретации, которые придают ей формы и предписывают определённые закономерности. Таким образом, термин «история», в принципе, однозначен, имея семантический спектр интерпретации реальных событий. Основных интерпретационных стратегий две: микро- и макроподход. Стратегия микроистории имеет своим основанием описание из топоса реального участника событий, отражая горизонт некоторых культурных традиций. Данный тип исторического повествования является наиболее распространённым по времени и ареалу типом исторического *описания*.

Макроподход, именуемый также «универсальной историей» генетически связан с христианской исторической моделью. Универсальный проект истории имеет ряд характерных особенностей: 1) наличие идеи универсального человечества; 2) наличие универсального разыгрываемого сценария, а следовательно и закона и смысла исторического свершения. Таким образом, в

специальной рефлексии этот аспект сделался впервые, по-видимому, у Г.В.Ф. Гегеля, введшего специальный термин «размытая реальность», в которой существует равная вероятность реализации всех возможных сценариев развития, заложенных в конкретной ситуации.¹

А.Б. Бочаров предлагает для нужд исторического исследования альтернативную теоретическую точку зрения, т.е. метаисследование с использованием аппарата и методических разработок, смежных с историей дисциплин. Это предполагает построение соответствующей онтологической модели объекта исследования и отвечающего/дополняющего языка описания. В качестве образца возможно использование модели физики, т.к. теорию физики задают существующие: а) законы; б) способ исследования; в) среда исследования; г) объект исследования. Онтологически этой схеме станет отвечать концепция множественности миров, сформулированная Г.В. Лейбницем в форме учения о множественности логиче-

универсальной истории наличествует универсальный смысл и трансцендентальное означаемое. Как интерпретационная стратегия, универсальная история может быть осуществлена лишь в определённом культурном контексте, предусматривающем определённые характеристики пространства-времени. Все эти характеристики коррелятивны нововременному европейскому культурно-историческому типу сознания. См.: Б.Г. Соколов. История и время // Фигуры истории, или «общие места» историографии. – СПб, 2005. – С.94-95

¹ Интересно рассмотреть содержание данного термина в парадигме строгого детерминизма. При неизменности общего направления развития, именно поведением конкретных людей станет определяться конкретная же форма, в которую выльется результат того или иного (исторического) процесса. Даже если событие на макроуровне (этнос, социальная группа, социальный институт, государство) детерминировано некими законами – семантический спектр понятия размыт! – то полностью противоречит научной парадигме утверждение, что эти же законы тем же самым образом станут действовать на микроуровне, т.е. уровне действий одного отдельно взятого человека и/или события. См.: А.Б. Бочаров. Альтернативная история в контексте естественнонаучной парадигмы: версия системного анализа // Фигуры истории, или «общие места» историографии. – СПб, 2005. – С.7-8

ски возможных миров. (Согласно Лейбницу объективное существование может обрести любой мысленно воображаемый мир, если его структура не противоречит законам формальной логики. Наблюдаемый нами мир потому стал существующим актуально (т.е. действительным), что является наилучшим из возможных миров. Исходя из этого, можно допустить, что множественность логически существующих миров допускает объективное существование принципиально наблюдаемых, и принципиально ненаблюдаемых миров. Концепция логических возможных миров получила развитие в логике XX в.: Карнапа, Витгенштейна, Крипке.)

Многообразие логически возможных миров существенно зависит от системы логических законов, лежащих в основании онтологической логики и языка описания. Следовательно, модифицировав эту систему, можно корректно модифицировать множество логически возможных миров. Такой интерпретационной модели более всего соответствует системный подход.

Историческая наука имплицитно подразумеваемым образом использует естественнонаучные понятия и принципы, в частности, физикалистское понимание «закона» и «причинности», экстраполируя эти последние на трактовку исторических событий. Это наследие позитивистской эры, характеризующееся диффузией и взаимовлиянием методологии различных наук одна на другую. Взаимодействие при этом шло в соответствии с принципом дополнительности.¹

¹ Согласно А.Б. Бочарову, вопрос, характеризует ли неоднозначность саму историю или только процесс её познания (носит ли альтернативность истории онтологический или гносеологический характер), породит дискуссию, аналогичную спорам в квантовой механике. См.: А.Б. Бочаров. Альтернативная история в контексте естественнонаучной парадигмы: версия систем-

Фундаментом конструирования альтернативных миров-отражений является концепция вероятностной истории. Структурообразующим в ней станет понятие *текущей реальности*, под которой понимается последовательность событий, имеющих наибольшую вероятность реализации. Данная концепция «проросла» из квантомеханических представлений о структуре Вселенной. Изменение текущей реальности приводит к образованию «древа реальностей», при анализе которого исследователь работает только с теми сценариями, которые наиболее *вероятно возможны*. Здесь закономерно встаёт проблема верификации альтернативы, но она в настоящее время ничем не отличается от литературной, осознаваясь и структурируясь индивидуальным сознанием, располагаясь на периферии деятельности профессиональных историков и философов, став прерогативой литераторов, иногда весьма профессиональных (вспомним хотя бы «Остров Крым» В. Аксёнова).

Конструирование (реконструкция) любого события в историческом процессе параметризуется величинами пространства – времени (в терминологии М.М. Бахтина – хронотоп). Считается *a priori*, что связи между историческими событиями носят причинно-следственный характер, т.е. существует объективный динамический закон, согласно которому управление движением исторической истины осуществляется исключительно односторонне – от прошлого к будущему.

Локализация объекта в пространственно-временном континууме предполагает применимость к объекту понятия причинности в значении наличия связи между явлениями, при которой происходит перенос некоторого

ного анализа // Фигуры истории, или «общие места» историографии. – СПб, 2005. – С.16

свойства E, P или M. Иначе говоря, при наличии причинной связи между A и B, явление A с необходимостью порождает явление B. Примером такого понимания причинности могут служить понятия силы и момента силы в классической механике, введённые, соответственно, сэром И. Ньютоном и акад. Л. Эйлером. В данной концепции под причинной связью между событиями A и B понимается такая связь, при которой от A к B происходит передача некоего сигнала, т.е. имеет место распространение возмущения. Отсюда всякое изменение в замкнутой системе обусловлено воздействием на неё внешних сил. При отсутствии внешних возмущений все параметры системы остаются неизменными.¹

История в классическом её понимании изучает жизнь общества как развёртываемый в физическом времени наблюдаемый мир. Описание событий существует либо со слов очевидца, либо комментатора-историка². Таким образом, Л. фон Ранке видел своей целью построение упорядоченного множества истинных высказываний.³ История в таком виде поддаётся изучению, будучи

¹ А.Б. Бочаров полагает, что так называемые «движущие силы истории» оказываются завуалированными законами механики. Однако объективный характер исторического знания всё ставит на свои места: при механицистском подходе, невозможно объяснение, например, победы Александра Македонского при Иссе в 333 г. до н.э. в условиях численного превосходства персов и грубого оперативного просчёта самого сына Филиппа. См.: А.Б. Бочаров. Альтернативная история в контексте естественнонаучной парадигмы: версия системного анализа // Фигуры истории, или «общие места» историографии. – СПб, 2005. – С.10

² Очень ярко (применительно к античной историографии) это явление описал Робин Дж. Коллингвуд. См.: Идея истории. – М., 1980. – С.20, 26-32

³ Р.Дж. Коллингвуд. Автобиография // Идея истории. – М., 1980. – С.363. А.Б. Бочаров уличил немецкого классика в простой логической ошибке: если рассматриваемая совокупность достаточно велика и разбросана во времени и в пространстве, чтобы образовать структурную систему, в ней обяза-

совокупностью событий, параметризованных естественными координатами: временем и пространством прошедших событий, по отношению к которым историк выступает как их реконструктор. *Прошлое существует только в версии настоящего.* Это означает, что историческому знанию присуща неопределённость, но при этом не существует подхода, который, соответствуя парадигме «наблюдательной» истории, мог бы приписать событиям фиксированную истинность. Историк чаще всего не является очевидцем описываемых им событий. Таким образом, основным методом станет опосредованное наблюдение – форма событий, видение которых восстанавливается по сохранившимся информационным следам. В позитивистской парадигме это – яркий пример влияния естественнонаучных дисциплин, в данном случае – геологии и палеонтологии. В 1830 г. фактический основатель этой науки Ч. Лайель сформулировал принцип актуализма, гласящий: «Настоящее есть ключ к прошлому», т.е. при любой реконструкции событий прошлого мы исходим из того, что в те времена действовали те же самые законы природы, что и ныне.¹

С точки зрения метатеории, физика не случайно выбрана в пару истории: в силу разработанности концептуального аппарата естественнонаучных дисциплин, физика, обладающая прямой и косвенной верификацией, методами и подходами, долгое время определяла критерии

тельно будут события с неопределённой истинностью, то есть те, которые не истинны и не ложны, либо напротив, и истинны, и ложны.

¹ А.Б. Бочаров. Альтернативная история в контексте естественнонаучной парадигмы: версия системного анализа // Фигуры истории, или «общие места» историографии. – СПб, 2005. – С.11. Ряд исследователей-философов уже начинают сомневаться в актуальности принципа актуализма, см., напр. И.И. Маханьков. Мир – это дух // О. Шпенглер. Закат Европы. – Т.1. Образ и действительность. – М., 2003. – С.10-12

научности. Однако с точки зрения метатеории же, физика является простейшей наукой, ибо объектом её исследования выступают системы, описываемые сравнительно небольшим числом параметров.¹ Химия стоит «выше» физики – её объекты исследования с физической точки зрения сложны. Далее по усложнению последовательно пойдут: биологические дисциплины, их основа – белковые молекулы; психология, работающая с наиболее сложными биологическими структурами – мозгом и ЦНС; социология – где базисной единицей станет социальное бытие личности. На вершине, таким образом, оказывается история, рассматривающая социум в динамике.²

Во всех указанных случаях методология и методические схемы каждой из наук неизменны, ибо в наиболее общем виде сводятся к построению трёх моделей: объекта, среды и взаимодействия. Для истории создание модели взаимодействия, т.е. онтологической модели «события в истории» строго математически невозможно.

Из этого следует, что история как процесс – неоднозначна³: не существует единственного фиксированного прошлого, а только некоторое распределение альтерна-

¹ А.Б. Бочаров. Альтернативная история в контексте естественнонаучной парадигмы: версия системного анализа // Фигуры истории, или «общие места» историографии. – СПб, 2005. – С.11

² Там же. – С.11. Парадоксом здесь будет то, что поведение отдельно взятого индивида практически не поддается описанию стохастическими методами, в отличие от институтов и социума в целом, которые, в общем, хорошо поддаются существующим методикам. Это и понятно: индивид сам по себе обладает большим количеством степеней свободы, нежели интегрированный в систему. Это же, в частности, означает, что возможно написание истории жизни одного человека, но получившаяся канва никогда не будет историей изолированной личности, вне её пересечения с другими.

³ А.Б. Бочаров. Альтернативная история в контексте естественнонаучной парадигмы: версия системного анализа // Фигуры истории, или «общие места» историографии. – СПб, 2005. – С.12

тивных историй, различающихся вероятностью реализации.

Для вероятностного подхода существующая (однозначная) версия истории – только описание наиболее вероятных событий. Однако, для того, чтобы выделить действительные, а не случайные закономерности исторического процесса, необходимо принимать во внимание альтернативные возможности. Таким образом, постулируем наличие вероятностного исторического континуума, сопряженного с континуумом экзистенциально-психологическим – в котором не существует выделенной действительной или объективной исторической реальности. Существует лишь текущая историческая реальность, которую конструирует психика с импринтированными ей контурами и присущим тоннелем реальности. Конструирование осуществляется с единственной целью: дабы упорядочить процесс рождения/уничтожения исторических состояний. Пространство истории при этом транслируется на статистическое пространство объектного мира.

В описанной ситуации возникает подобие «принципа суперпозиции»: пока внешний по отношению к системе «история» наблюдатель не фиксирует калибровку, все возможные исторические события пребывают в смешанном состоянии, причём некоторые из них возможны, а некоторые – нет.¹ Создаваемая историческая реальность субъективна, отвечая тоннелю реальности и социокультурной идентичности своего создателя: при этом задаётся исторический континуум всех возможных состояний, но

¹ А.Б. Бочаров. Альтернативная история в контексте естественнонаучной парадигмы: версия системного анализа // Фигуры истории, или «общие места» историографии. – СПб, 2005. – С.12

актуализируется как текущая реальность – лишь одна.¹ Повторимся: речь действительно идёт о «навязывании» прошлому тоннеля реальности историка, который станет форматом, задавая цели, граничные условия и канву сценария того или иного события, уже предопределённую интегрированным ему эгрегором и динамическим сюжетом.

В указанной ситуации мы сталкиваемся с профанацией идеи альтернативной истории, связанной, как справедливо заметил А.Б. Бочаров, с тем, что «альтернативную историю *сочиняют*, в то время как её надо *конструировать*».²

Предлагается различать технологии *ускоряющие* – физические, и технологии *управляющие* – гуманитарные. Первые оперируют с физическим пространством – временем, материей и объективными, не зависящими от наблюдателя смыслами; в то время как вторые работают с информационными сущностями, внутренним временем и личными, субъективными смыслами. Более того, гуманитарные технологии можно рассматривать как «метатехнологию», «технологию в технологиях», формирующих смысловое и информационное пространство цивилизации. История в данном процессе играет принципиальную роль, т.к. особенностью исторической науки является *самодействие* (термин А.Б. Бочарова). Будучи раз созданной, теория истории становится частью человеческой культуры, элементом общественного сознания, эволюцию которого она призвана описывать. Теория исто-

¹ А.Б. Бочаров. Альтернативная история в контексте естественнонаучной парадигмы: версия системного анализа // Фигуры истории, или «общие места» историографии. – СПб, 2005. – С.12. Более того: выбор создаваемой альтернативной реальности является экзистенциальным актом, предполагающая наличие волевого и креативного ресурса.

² Там же.

рии воздействует на объективный мир в границах своего представления о мире, которое и защищают, развивают и дополняют носители представления, логические элементы теории – историки.

Функцией физических технологий является согласование человека и мира путём технократической перестройки внешней среды. Миссия гуманитарной технологии ныне может быть представлена как взаимная адаптация техносферы и человека. Таким образом, продолжая наши параллели, можно заявить, что в общем смысле физические технологии заключают в себе объективные возможности истории, они отвечают за то, *что* происходит. Гуманитарная технология оперирует субъективными вероятностями, отвечая за то, *как* происходит.¹ Таким образом, создание версий тех или иных исторических событий, их интерпретацию, следует рассматривать как разновидность технологии распаковки смыслов, то есть гуманитарной по определению.

Предположим, что в нашем распоряжении имеется аналитическое описание полной совокупности тех или иных исторических событий, претендующее на объективность. Пространство исторических событий может быть задано как формальное векторное пространство, в котором могут реализовываться события любого, действительного или возможного, состояния системы. При рассмотрении альтернатив, то есть построения модели, фиксируются исходное и желательное конечное состояния системы. Далее идёт анализ путей, связывающих первое состояние со вторым. Чем большее количество путей будет найдено, там выше размерность простран-

¹ А.Б. Бочаров. Альтернативная история в контексте естественнонаучной парадигмы: версия системного анализа // Фигуры истории, или «общие места» историографии. – СПб, 2005. – С.13

ства исторических событий. Если конечное событие оказывается единственным, то констатируется безальтернативность пространства решения, оно будет простым. Если решения не просматривается, ситуация является тупиковой. Согласно А.Б. Бочарову, класс решений, в котором пространство событий с каждым последующим шагом уменьшает их размерность (т.е. возможность уменьшает количество альтернатив) может быть назван *воронкой событий*.¹ Возможность события становится его действительностью при условии, что пространство решений «на дне» воронки является достаточным и необходимым условием для реализации того или иного конкретного события.

В указанном варианте оперирования встаёт проблема выбора из совокупности высказываний, описывающих события, достоверность которых является проблематичной (в естественном языке им соответствует термин «вероятно»). В гуманитарных технологиях вероятность возможности события может чувствоваться интуитивно либо вычисляться аналитически. В последнем случае оно станет описываться как мера неопределённости нашей информации об описываемых явлениях.

Указанное обстоятельство выводит нас к проблеме существования исторической свободы: в моменты неопределённости эволюция социума принципиально непредсказуема. В конфигурации исторических событий возникает интервал свободы, в пределах которого воз-

¹ А.Б. Бочаров. Альтернативная история в контексте естественнонаучной парадигмы: версия системного анализа // Фигуры истории, или «общие места» историографии. – СПб, 2005. – С.13

можно создавать и реализовывать любое множество событий, хотя и с малой вероятностью.¹

Перечисленное принципиально ограничивается единственной физической, следовательно, и исторической реальностью, которая нам известна и дана в бытии. Конструирование альтернативной цепочки событий опирается на эксплуатацию системных свойств истории. В условиях отсутствия общепризнанных законов функционирования истории как реальности, возможно использование законов статистического гомеостаза, известных в химии как принцип Ле-Шателье, а в физике – как правило Ленца.² Данный закон можно рассматривать в качестве Представления, объясняющего характер действительной устойчивости свершающегося и свершившегося, т.е. исторических событий и закономерностей, ощущаемых, скорее, интуитивно. Таким образом, создание альтернативной исторической версии представляет собою переформатирование контекста произошедших событий *при максимальном сохранении событийной структуры текущей реальности.*³ Не существует никаких «уроков истории», поскольку не существует единственно заданной истории, ставшей объективной реальностью. Более

¹ А.Б. Бочаров. Альтернативная история в контексте естественнонаучной парадигмы: версия системного анализа // Фигуры истории, или «общие места» историографии. – СПб, 2005. – С.13. Ср. с позицией методолога, находящегося в рамках строго детерминистской парадигмы: И.Д. Ковальченко. Методы исторического исследования. – 2-е изд. – М., 2003. – С.85-104

² Частный закон статистического гомеостаза является разновидностью законов сохранения. В рамках этого подхода предполагается, что любая сложная система, обладающая развитой структурой, в случае выведения из равновесия стремится вернуться в исходное состояние. Иначе говоря, в ответ на любое изменение, и внутреннее, и внешнее – система «стремится» скомпенсировать эффект этого изменения.

³ А.Б. Бочаров. Альтернативная история в контексте естественнонаучной парадигмы: версия системного анализа // Фигуры истории, или «общие места» историографии. – СПб, 2005. – С.14

того, не существует и никакой выделенной абсолютной реальности. Действительность текущей реальности конструируется сознанием, с целью упорядочения психических процессов в настоящем. Мир истории есть только вероятностный континуум, в котором каждое событие рассыпается на ряд взаимосвязанных проекций, именуемых альтернативами.

Л.Г. Большакова

кандидат педагогических наук, доцент ИСГЗ

А.Ф. Корсаков

доцент Канашского филиала ИСГЗ, директор филиала

ИННОВАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ УСЛУГ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

В настоящее время в условиях разграничения полномочий между органами местного самоуправления и децентрализации бюджетного процесса важнейшей задачей муниципальных образований всех уровней становится установление порядка управления ресурсами культуры с учетом специфики ее организационной структуры и создании услуг, системы управления, способной провести правовые, финансовые и организационные преобразования муниципальных учреждений культуры, соблюдая конституционные гарантии по обеспечению граждан культурными благами.

Для эффективного функционирования сферы культуры на местах в связи с введением в действие Закона №131-ФЗ «О создании условий для организации досуга и обеспечения жителей услугами организаций культуры» проведем анализ сложившейся ситуации.

Данный закон установил категории муниципальных образований: сельские и городские поселения, муниципальные районы и городские округа.

К вопросам местного значения городских и сельских поселений в области культуры отнесены: организация библиотечного обслуживания населения, создание условий для организации досуга и обеспечения жителей поселения услугами организаций культуры, охрана и сохранение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) муниципального значения, расположенных в границах поселения, создание условий для массового отдыха жителей поселения и организации обустройства мест массового отдыха населения.

Финансирование услуг культуры осуществляется непосредственно из бюджетов муниципальных образований соответствующего уровня. Исполнение расходных обязательств органов местного самоуправления за счет средств бюджетов других уровней является недопустимым.

Разграничение расходных полномочий предполагается и проведением разграничения объектов собственности. С районного уровня в собственность поселений должно быть передано имущество, необходимое для решения вопросов местного значения в области культуры, отнесенных к их компетенции. В собственности районных органов управления культуры могут находиться лишь межпоселенческие библиотеки и библиотечные коллекторы, а также имущество, предназначенное для

предоставления дополнительного образования в сфере культуры.

Таким образом, в полномочиях муниципального района в явном виде не записана функция организации культурного обслуживания населения. Однако, исходя из совокупности статей, к полномочиям районного уровня можно отнести организацию межбиблиотечного взаимодействия на своей территории, т.е. удовлетворение общих интересов библиотек района.

В целом, уменьшение объема бюджетных полномочий муниципального района может повлечь ослабление координирующей роли районных органов управления культуры, невозможность осуществления культурных проектов и программ районного (межпоселенческого) значения, снижение качества культурного обслуживания населения.

Нечетко сформулированы и бюджетные полномочия поселений и городских округов, касающиеся создания и поддержки муниципальных музеев и культурно-досуговых учреждений.

Положение Закона № 131-ФЗ «О создании условий для организации досуга и обеспечения жителей услугами организаций культуры» не воспринимается как прямая обязанность муниципальных образований по сметному финансированию муниципальных учреждений культуры.

В целом, нечеткость формулировок бюджетных полномочий, отсутствие квалифицированных кадров и финансовых средств, необходимых для покрытия расходов, могут нанести непоправимый урон развитию сети учреждений культуры, особенно в сельских поселениях, и поставить под вопрос сам факт их существования.

Необходимыми предпосылками для осуществления преобразований в сфере культуры являются:

– осуществление комплексной инвентаризации сети организаций культуры в муниципальном образовании, составление их полного перечня с указанием правового статуса, характеристик имущества, показателей деятельности и т.п.;

– приведение в соответствие с действующим законодательством учредительных документов учреждений культуры;

– оформление прав на земельные участки, занимаемые объектами культуры, и прилегающие к ним территории, а также на имущество, закрепленное за организациями культуры. Регистрация прав на имущество и земельные участки в соответствующих органах.

Чтобы принять меры по осуществлению преобразований, необходимо предусмотреть в системе органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов орган управления культуры, наделенный широкими полномочиями по координации и регулированию деятельности в сфере культуры и дополнительного образования, в том числе, полномочиями учредителя учреждений культуры и муниципальных образовательных учреждений дополнительного образования детей. С учетом специфики муниципальных образований органам управления культуры могут быть переданы дополнительные полномочия в смежных сферах деятельности, таких, как туризм, молодежная политика и др.

Проводимый в ходе исследования анализ предполагает, что необходимо принять меры по осуществлению преобразований, а именно, подготовить и утвердить новое Положение об органе управления культуры, отражающее его современную роль и педагогические функции управления социокультурной деятельностью, в том числе

решение вопросов межпоселенческого значения в области культуры.

Функция координации предполагает взаимодействие с органами местного самоуправления, исполнительными органами государственной власти субъекта РФ, ведомственными учреждениями культуры, общественными объединениями и иными организациями.

Регулирование деятельности означает стратегическое планирование, обеспечение финансовыми средствами, правовое регулирование, социальную защиту, информационную поддержку, методическую помощь, кадровое обеспечение, мониторинг и т.д.

В ходе проводимого анализа мы пришли к выводу, что при подготовке новых уставов муниципальных образований необходимо учитывать наличие и полномочия органов управления культуры, конкретизировать меры поддержки и создания условий для организации досуга и обеспечения жителей услугами организаций культуры в данном муниципальном образовании. Примерный устав РДК разработан руководителями клубного учреждения.

Для формирования сети и обеспечения объемов услуг культуры необходимо разработать и утвердить правовые акты, на основании которых будут действовать муниципальные культурно-досуговые, музейные и библиотечные учреждения, либо один комплексный правовой акт, регламентирующий деятельность муниципальных учреждений культуры. При возможности предусмотреть меры социальной поддержки работников культуры. Ведь профессия организатора досуга всегда была и остается востребованной. И в лучших из них должен быть сконцентрирован талант организатора, лидера. Как предсказал Бестужев-Лада: «Роль организатора досуга сегодня не отменяется, а видоизменяется».

И именно ему, организатору досуга нужно организовать работу по выбору стратегии преобразований для муниципального района.

Предлагается передать сеть организаций культуры и соответствующее имущество за исключением межпоселенческих библиотек и библиотечных коллекторов по передаточным актам на уровень поселений. Поселения могут путем заключения соглашений обеспечить делегирование части своих полномочий в области культуры органам местного самоуправления муниципального образования за счет субвенций, предоставляемых из бюджетов этих поселений в бюджет муниципального района.

Объем передаваемых поселениями на уровень муниципального района полномочий в области культуры должен устанавливаться с учетом таких факторов, как степень отдаленности от центра района, состояние бюджета района и входящих в него поселений, их статуса (городское или сельское) и др.

С учетом указанных факторов орган местного самоуправления муниципального района может выбрать один из нижеприведенных сценариев или их комбинацию.

Рекомендуется передать функцию предоставления услуг культуры поселениям, а на районном уровне сосредоточить координационные, информационные, педагогические, методические и т.п. функции.

На районном уровне сосредоточить функцию предоставления услуг культуры межпоселенческого характера. В рамках реализации этой функции необходимо сохранить или создать учреждения культуры районного значения (РДК, РМЦ и др.), а также различные типы объединений.

Жителям тех поселений, которые не в состоянии самостоятельно решать вопросы предоставления услуг

культуры, обеспечить их реализацию на районном уровне.

Основные функции муниципальных органов управления культуры:

– функция обеспечения государственной культурной политики реализуется через систему муниципального заказа на библиотечное обслуживание через сеть библиотек; на художественное и эстетическое воспитание через сеть ДШИ, ДМШ; на сохранение материального культурного наследия через сеть музеев и отдельных памятников истории и культуры; на сохранение нематериального культурного наследия, развитие любительского творчества и досуга через сеть учреждений клубного типа, парков культуры и отдыха, кинотеатров, других учреждений;

– функция стратегического развития и программного планирования предусматривает разработку и реализацию программ развития культуры муниципального района. Реализуя эту функцию, управление должно перейти от сметного финансирования сети, и создать принцип оплаты бюджетных услуг подведомственных учреждений в соответствии с получаемыми результатами, принять меры по оптимизации бюджетных расходов, внедрить современные подходы бюджетного планирования, ориентированного на достижение конкретных результатов;

– функция ресурсного обеспечения и контроля предусматривает аккумулирование финансовых, материальных, информационных и иных ресурсов для обеспечения полномочий;

– функция правового обеспечения может быть реализована через подготовку нормативных правовых актов по следующим вопросам: о материальных и финансовых

нормах обеспеченности сети учреждений культуры; о нормативах расходов на создание услуг культуры и досуга; об утверждении нормативов трудозатрат для определения штатной численности; об утверждении показателей по отнесению к группам по оплате труда руководителей и специалистов, об утверждении местной системы стимулирующих доплат и надбавок, других документов;

– функция координации деятельности и педагогического взаимодействия со структурами, осуществляющими социальные мероприятия, может быть реализована через систему проектов, направленных на сохранение традиций, на развитие любительского искусства и ремесел (фестивали, выставки, коллективы со званием «народный»); на поддержку социально-незащищенных слоев населения (объединения пожилых людей, инвалидов); на поддержку общественных инициатив (экологические движения, женские клубы, движения «за здоровый образ жизни»); патриотическое воспитание.

Необходимо также наметить пути оптимизации сети организаций культуры, находящихся в ведении органов управления культуры муниципальных районов и городских округов.

Наиболее эффективная сеть учреждений должна включать районное методическое звено для анализа работы с населением, осуществлений социокультурного проектирования и осуществления на уровне целевых муниципальных, областных и федеральных программ выполнения задач культурно-просветительной и культурно-досуговой деятельности в территориях формирования духовно-культурной среды местного сообщества.

Как вариант, это могут быть:

– методическая служба, входящая в состав органа управления культуры (сотрудники – не муниципальные служащие);

– методическая служба – самостоятельная организация, юридическое лицо, учрежденное органом управления культуры или администрацией района (сотрудники – не муниципальные служащие),

– межведомственная методическая служба;

– самостоятельная организация, юридическое лицо, учрежденное органом управления культуры или администрацией района, в состав которой входят специалисты соцзащиты, по молодежной политике, туризму, культуре и т.д. (сотрудники – не муниципальные служащие);

– дирекция по реализации социальных проектов и целевых программ социально-культурного направления, юридическое лицо (сотрудники – не муниципальные служащие);

– межпоселенческая методическая служба – самостоятельная организация, юридическое лицо (сотрудники – не муниципальные служащие);

– районные методические службы – филиалы областного методического центра народной культуры (сотрудники – не муниципальные служащие).

Программа реструктуризации, принятая на уровне субъекта Российской Федерации, может использовать механизмы, заложенные в Федеральном законе от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» в сфере культуры, по обеспечению культурной политики в ситуации дефицитных бюджетов, а именно:

– право делегирования отдельных полномочий за счет субвенций поселений,

– образование межмуниципальных организаций и объединений в соответствии с правовыми актами представительных органов муниципальных образований (ст. 8) – в целях объединения финансовых средств и материальных ресурсов для решения вопросов местного значения.

В этих же целях органы местного самоуправления могут заключать договоры и соглашения.

В период радикальных преобразований в экономической и политической системе Республики Татарстан основными целями культурной политики государства были сохранение системы государственных и общественных учреждений, организаций в сфере культуры и защита культурного наследия народов Татарстана.

Несмотря на известные сложности, поставленные задачи, в основном были решены, а именно:

– в целом сохранена сеть учреждений культуры и искусства, учебных заведений культуры и искусства, обеспечивающих непрерывность воспроизводства творческого потенциала отрасли культуры;

– идет процесс создания негосударственных учреждений культуры;

– предотвращена стихийная приватизация недвижимых памятников истории и культуры;

– сохранен музейный фонд республики;

– возобновлен межрегиональный культурный обмен;

– новое качество приобрели международные культурные связи;

– сохранилась динамика творческой жизни республики.

Кроме того, активизировался процесс формирования законодательства в области культуры, создания правовых основ для ее развития. Примером тому могут служить принятые в Республике Татарстан законы «О культуре», «О библиотеках и библиотечном деле».

Республика Татарстан по числу учреждений культуры и искусства, насыщенности учебными заведениями сферы культуры занимает одно из ведущих мест в Российской Федерации.

В последнее время в республике не только сохранена государственная сеть учреждений культуры и искусства, творческих союзов, но и открыты четыре новых театра, несколько музеев, созданы новые музыкально-концертные коллективы. Республика обеспечивает 100-процентное финансирование всех затрат учреждений культуры по социальным нормативам.

Созданная в республике государственная система художественного образования позволяет самостоятельно решать кадровые вопросы.

Совершенствуется отраслевая подготовка кадров. Одним из приоритетных направлений в работе Министерства культуры Республики Татарстан является поддержка молодых дарований, направленная на создание оптимальных условий для развития их творческих способностей.

Широко представлено в республике народное художественное творчество. Свыше 10 тысяч коллективов художественной самодеятельности сегодня объединяют около 140 тысяч человек, из них свыше 300 коллективов удостоены звания «народный».

В республике, особенно в последние десятилетия, много сделано для выявления, изучения, сохранения, ре-

ставрации, популяризации объектов культурного наследия, благоустройства их территорий.

Достигнут достаточно высокий количественный потенциал музейной отрасли. Уровень социальных гарантий по обеспечению музейными учреждениями в районах и городах республики составляет 100%. Но в то же время около 80% государственной части Музейного фонда республики нуждается в реставрации различной степени сложности, консервации и поддерживающей реставрации.

Количество объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся на государственной охране, по сравнению с 1990 годом увеличилось в 3 раза (с 835 до 2 539), но многие объекты культурного наследия, особенно археологические, находятся под угрозой разрушения или полной утраты.

Модернизация библиотечного дела и развитие библиотечных фондов включает:

- информатизацию библиотечного дела путем поэтапного создания модельных библиотек на селе за счет централизованной государственной поддержки;

- реализацию национальной программы сохранения библиотечных фондов как части национального культурного наследия и информационного ресурса, которая будет обеспечена за счет создания страхового фонда особо ценных изданий.

Сохранение и развитие традиционной народной культуры обеспечивается путем активной поддержки деятельности национально-культурных центров, творческих коллективов, решающих задачи сохранения и пропаганды национальных культур.

Устойчивое развитие кинематографии достигается путем активизации рыночных механизмов взаимодей-

ствия сферы производства, проката и показа кинофильмов.

Повышение эффективности расходования бюджетных средств в сфере культуры. Создание условий для привлечения в сферу культуры дополнительных ресурсов.

В рамках направления осуществляется:

- последовательное внедрение программно-целевых, контрактных и инвестиционных методов финансирования учреждений культуры;

- перевод на контрактную систему найма руководителей учреждений культуры и творческих работников, расширение самостоятельности учреждений культуры в определении размеров и условий оплаты труда;

- внедрение механизмов бюджетного финансирования, стимулирующих привлечение организациями культуры внебюджетных средств там, где для этого имеются соответствующие возможности;

- последовательная реализация мер по созданию некоммерческих организаций в сфере культуры, искусства и кинематографии, учредителями которых выступали бы, помимо государственных органов исполнительной власти; органов местного самоуправления, также и иные юридические и физические лица, при сохранении системы государственных учреждений.

Дальнейшее развитие межнационального культурного сотрудничества и регулирования отношений с национально-культурными обществами и автономиями.

В рамках данного направления планируется:

- модернизация культурно-образовательной деятельности национально-культурных автономий;

– поддержка мероприятий национально-культурных автономий и обществ татар, проживающих за пределами республики, специалистами из Республики Татарстан;

– участие профессиональных и самодеятельных творческих коллективов Татарстана в мероприятиях, проводимых в регионах Российской Федерации, странах ближнего и дальнего зарубежья;

– совершенствование правового регулирования национально-культурных автономий на федеральном и республиканском уровнях;

– участие в проведении крупных выездных мероприятий Исполкома Всемирного конгресса татар и мероприятиях Ассоциации национально-культурных обществ Республики Татарстан.

Модернизация архивного дела включает: информатизацию архивов, обеспечение их работы в единой информационной сети.

В результате проведенных преобразований и анализа ситуации ожидается получить следующие результаты.

Фундаментальной особенностью сферы культуры является то, что основные результаты культурной деятельности выражаются, как правило, в отложенном социальном эффекте и проявляются в увеличении интеллектуального потенциала, изменении ценностных ориентации и норм поведения человека, сказываются на модернизации всего общества. Очевидно, что последствия такого рода не поддаются обычным статистическим измерениям. Учитывая это, программа предполагает использование системы индикаторов, характеризующих объемные показатели результатов деятельности, в том числе:

– к 2010 году достичь 70-процентной заполняемости зрительных залов учреждений культуры за счет гибкой и

эффективной ценовой политики и повышения конкурентоспособности творческих проектов;

– ввести отраслевую систему оплаты труда. В 2008 году средняя заработная плата работников культуры будет доведена до уровня минимального потребительского бюджета;

– к 2010 году обеспечить информатизацию 70% процессов библиотечно-информационного дела и 50% потребления культурных благ во всей отрасли;

– способствовать созданию положительного образа Республики Татарстан в Российской Федерации и за рубежом за счет активизации фестивальной и гастрольной политики, расширения возможностей международного культурного обмена;

– осуществить переход к самоокупаемости наиболее востребованных видов искусства, на первом этапе – в области кино и циркового искусства, на втором этапе – выставочной деятельности, на третьем этапе – экспозиции животного и растительного мира.

Центром ответственности за реализацию данного раздела Программы является Министерство культуры Республики Татарстан.

В особо трудном положении оказались представители творческих профессий – прежде всего, писатели, драматурги, сценаристы, композиторы, художники, которые были традиционно ориентированы на ту или иную поддержку со стороны государства. Финансовая нестабильность, механический перенос принципов реформирования производственной сферы на область культуры, недееспособность организаций, защищающих авторские права, – все это привело к тому, что отток из республики лучших творческих сил стал характерной чертой времени.

Реализуемые мероприятия по развитию отрасли слабо интегрированы с развитием транспортного комплекса, отрасли связи и особенно туризма. В республике в настоящий момент нет своего «бренда», раскрученного на истории культуры Татарстана.

Основные направления, проводимые в Республике для улучшения оказания культурных услуг:

1. Адресная поддержка профессионального искусства и профессионального творчества.

2. Государственная охрана и сохранение объектов культурного наследия, а также особо охраняемых природных территорий, в том числе обеспечение их сохранности при возникновении чрезвычайных ситуаций.

3. Развитие музеев и музейного фонда.

4. Поддержка одаренных детей и молодежи, дальнейшее развитие системы художественного и профессионального образования.

5. Модернизация библиотечного дела и развитие библиотечных фондов. Проектирование и строительство нового здания Национальной библиотеки Республики Татарстан.

6. Сохранение и развитие традиционной народной культуры и на этой основе создание своего рода «бренда» (типа стилизованных деревень и т.д.) в интеграции этого процесса с отраслью туризма.

7. Достижение устойчивого развития кинематографии, активизация рыночных механизмов взаимодействия сферы производства, проката и показа кинофильмов.

8. Реконструкция и развитие Казанского зооботанического сада к 2007 году.

9. Повышение эффективности расходования бюджетных средств в сфере культуры. Создание условий для

привлечения в сферу культуры дополнительных ресурсов.

10. Дальнейшее развитие межнационального культурного сотрудничества и регулирования отношений с национально-культурными обществами и автономиями. Казань должна стать столицей татарских диаспор.

11. Модернизация архивного дела.

Адресная поддержка профессионального искусства и профессионального творчества будет осуществляться путем:

- формирования государственного заказа на создание произведений искусства;
- поддержки проектов проведения фестивалей, конкурсов, выставок;
- присуждения грантов Президента Республики Татарстан для поддержки творческих проектов ведущих учреждений культуры республики;
- внедрения новых технологий распространения и потребления продуктов культурной деятельности.

В рамках сохранения и популяризации объектов культурного наследия планируется:

- создать нормативную правовую базу, систему государственных гарантий, обеспечивающих сохранность объектов культурного наследия;
- разграничить полномочия и предметы ведения между республиканскими и муниципальными органами охраны историко-культурного наследия;
- активизировать популяризацию историко-культурного наследия в целях широкого привлечения населения к его изучению и участию в охране;
- осуществить паспортизацию и подготовить документацию по объектам культурного наследия с целью их

включения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Развитие музеев и музейного фонда будет направлено на:

- проведение реставрации музейных предметов и музейных коллекций, входящих в государственную часть Музейного фонда Республики Татарстан, консервационных и профилактических работ;

- развитие реставрационной базы в республике по движимым памятникам; стажировки музейных реставраторов в крупнейших национальных центрах;

- пополнение государственной части Музейного фонда Республики Татарстан произведениями и памятниками истории и культуры;

- обеспечение безопасности музейных собраний путем внедрения современных технических средств охраны, оснащения фондовым и экспозиционным оборудованием;

- разработку и реализацию комплексных программ развития музеев и музеев-заповедников.

Сохранение и развитие системы художественного и профессионального образования, поддержка молодых дарований Республике будет осуществляться за счет:

- введения системы грантов для адресной поддержки учебных заведений искусства;

- введения новых специальностей и новых методов обучения, издания учебной и методической литературы по устойчивому развитию массовой физической культуры, укреплению здоровья населения, продвижению спортивного имиджа республики;

- формирование высокоэффективного и конкурентоспособного туристического комплекса республики.

Стратегии досуговой деятельности организаций культуры в условиях общественного реформирования, связаны с возрастанием значимости местного уровня для реализации культурных потребностей населения и поиск новых потребительских сегментов, выход на новые культурные продукты, что предполагает решение следующих задач:

- создание условий для всех категорий молодежи по всесторонней самореализации;
- содействие развитию молодежного предпринимательства, повышению интереса молодежи к бизнесу;
- формирование и внедрение системы воспитания и гражданского становления молодого поколения;
- внедрение действенной системы профилактики социально-негативных явлений в молодежной среде;
- развитие и стабильное функционирование молодежной и спортивной инфраструктуры;
- формирование доступных условий по месту жительства, учебы, трудовой деятельности для занятий физической культурой, спортом различных категорий населения;
- внедрение новых форм предоставления спортивных и туристических услуг населению, увеличение их объема и качества;
- формирование потребности населения в регулярных занятиях физической культурой, спортом и туризмом, пропаганда здорового образа жизни населения;
- создание условий для развития приоритетных видов спорта и подготовка спортсменов высокого класса;
- содействие в организации производства спортивного, туристического инвентаря и оборудования на территории Республики Татарстан.

Начиная с 1994 г. в результате осуществления организационных, правовых, финансовых мер сформирована и носит устойчивый характер государственная молодежная политика.

Приоритетные направления государственной молодежной политики:

- поддержка молодой семьи, решение жилищной проблемы;

- формирование здорового образа жизни молодого поколения, профилактика социально-негативных явлений, организация досуга;

- патриотическое, нравственное воспитание молодежи, развитие ее творческого потенциала;

- государственная поддержка проектов и программ молодежных общественных движений, организаций;

- создание равных условий и возможностей для трудоустройства молодежи, в том числе обеспечение вторичной занятостью.

Сеть учреждений для молодежи сегодня – это более 225 подростковых клубов, молодежных центров, профильных лагерей, которые проводят опережающую, превентивную работу среди молодежи по эффективной социализации по месту жительства и отдыха, оказанию социальных услуг.

Важнейший механизм реализации государственной молодежной политики в республике – комплексные и целевые программы. Так, благодаря ежегодной республиканской программе организации отдыха, занятости и оздоровления детей, подростков и молодежи количество охваченных всеми формами отдыха и занятости увеличено с 226 тыс. чел. (1998 г.) до 413,2 тыс. чел. (в 2004 г.). В 2004 году функционировало 126 стационарных оздоро-

вительных лагерей, возрос охват детей в профильных сменах (2000 г. – 13 685, 2004 г. – 22 635 человек).

За период реализации Республиканской программы государственной поддержки молодых семей в приобретении жилья, реализуемой совместно с Общественной организацией молодежного жилищного строительства, всего в республике 1 750 молодых семей улучшили свои жилищные условия.

В городах и районах республики ведется работа по профилактике социально-негативных явлений в молодежной среде: это комплексные мероприятия, спартакиады, соревнования по видам спорта, – спортивные секции, кружки в подростковых клубах, в которых занимаются около 83,1 тыс. детей, подростков и молодежи. 22,6% ребят школьного возраста занимаются в 158 детско-юношеских спортивных школах и клубах.

В спортивных секциях высших учебных заведений занимается более 16,8 тысяч студентов вузов и 10,4 тысяч студентов ссузов. Несмотря на рост количества студентов, регулярно занимающихся физкультурой и спортом (в 2001 году – 21,6 тыс. человек, в 2004 году – 27,2 тыс. человек), от общего числа студентов вузов – 15,9%, ссузов – 17,5%.

Для профилактики наркомании и социально-негативных явлений среди детей и подростков в городах и районах действуют 20 социальных служб для детей и молодежи, в которые только в 2004 году обратилось около 31,5 тыс. человек. В целях профилактики правонарушений среди несовершеннолетних в республике функционирует 151 общественное формирование по охране общественного порядка «Форпост», которые объединяют в своих рядах 2,3 тыс. человек.

Формирующаяся система профилактической работы дает свои результаты: если в 1999 году прирост больных наркоманией составил 57%, то в 2004 году – 4,8%. Однако по-прежнему 80% среди больных наркоманией – молодежь. В 2004 году снизилось количество преступлений, связанных с наркотиками, на 38%.

Остается высоким уровень заболеваемости среди подростков и молодежи. Каждый третий юноша практически непригоден к службе в армии по состоянию здоровья. Все это требует системы мер межведомственной координации.

Духовное и нравственное становление молодежи связано с патриотическим воспитанием, и меры в этом направлении реализуются республиканской программой «Патриотическое воспитание детей и молодежи Республики Татарстан на 2002-2006 годы». Она выполняет долговременный социальный заказ на формирование нравственного здоровья молодого поколения.

На формирование личности молодого поколения направлена сложившаяся в республике система поддержки талантливой молодежи. Усилению государственной поддержки студенчества как одной из многочисленных категорий молодежи (более 260 тыс.) способствуют реализация программ Лиги студентов Республики Татарстан.

К.М. Дуллияева

ассистент кафедры иностранных языков КФ РМАТ

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ ПРИГОТОВЛЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ ПИЩИ

НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

За долгий период существования кулинарного искусства появилось много способов приготовления пищи. Все их можно подразделить на три главные тематические группы:

1) глаголы измельчения (to cut – резать, to dice – резать кубиками);

2) глаголы тепловой обработки (to boil – варить, to steam – тушить);

3) глаголы заготовки продуктов впрок (pickle – солить, cure – вялить).

Семантическое поле глаголов измельчения в русском и английском языках не совпадает. Лексико-семантические варианты (ЛСВ) русских глаголов представляют семы уменьшения размера исходного продукта: разделявать, резать, шинковать, измельчать, крошить, рубить, тереть, толочь. Английские глаголы помимо изменения размера – chop, grind, mince, grate – указывают также на форму измельчения – slice, bias-slice, dice, cube, shred, а также продукта измельчения – carve. В русском языке существуют те же семы измельчения, что и в английском языке, но ввиду отсутствия лексем в кулинарной терминологии для их выражения используются словосочетания: нарезать соломкой (shred), нарезать ломтиками (slice), нарезать косыми ломтиками (bias-slice), нарезать крупными кубиками (cube) или мелкими кубиками (dice), разрезать пополам не до конца (butterfly). Наличие большего количества лексем в английском языке и вследствие этого более точная передача значений обусловлена как лингвистическими (распространенное в

английском языке явление конверсии), так и экстралингвистическими факторами (норманнское влияние на английскую культуру и заимствование большого количества французской лексики). Так, в исконной русской кухне отсутствовали такие яства изысканной французской кулинарии как салаты, жульены и пр., где требовалось не только красивая сервировка стола, но и особые способы измельчения пищи. Русская окрошка по способу приготовления отдаленно напоминающее салат, требовала овощи (в основном репу) крошить, о чем говорит само название блюда.

Русские глаголы, благодаря большому количеству приставок образуют множество ЛСВ: резать, порезать, вырезать, нарезать, срезать. В английском языке для передачи значений всей парадигмы русского глагола используются фразовые глаголы – *cut up* (разрезать на куски), дополнительными глаголами – *pit* (вырезать косточку из фруктов), указание способа или продукта – нарезать – *cut into pieces, slice* (ломтями), *carve* (мясо за столом), срезать – *cut off*. В предложении та или иная сема может передаваться с помощью аспектно-временных форм – *I am cutting vegetables* (нарезаю), *I have cut vegetables* (порезал).

Глаголы тепловой обработки в русском языке представлены основными лексемами варить, жарить и печь. Для выражения более точных способов обработки пищи употребляются словосочетания варить на водяной бане, запекать в фольге, жарить на углях. Синонимичный ряд для глагола варить продолжают глаголы тушить, томить, парить. Так русской семе варить соответствуют английские *boil, simmer, steam*, семе жарить – *charcoal, charbroil* (жарить на углях), *broil* (жарить на открытом огне), *grill* (жарить на рашпере), *brown* (поджаривать, подрумянить),

печь – bake, roast (запечь в духовке). В русском языке лексемы жарить и печь имеют свои морфологические варианты: испечь, выпечь, пропечь, недопечь, допечь; недожарить, пережарить, изжарить, сжарить, пережарить, дожарить.

Глаголы заготовки впрок в русском языке представлены лексемами солить, мариновать, квасить, коптить, вялить. Поскольку на Руси большая часть дней в году были постными, то мясо не являлось повседневным и обязательным кушаньем. Так, русские лексемы солить, засаливать синтагматически сочетались с любыми продуктами: овощами (получались соленья), мясом (солонина). В английском языке для каждого продукта употребляется свой глагол: pickle с овощами, corn с мясом. Кроме того, в Британии есть термин для вяления мяса длинными кусками – jerk. Соленья и маринады не различаются и обозначаются одним словом pickle, такой вид консервирования как квашение отсутствует в приготовлении традиционных английских блюд. Однако в английском языке существуют специальные глаголы для обозначения того, в какой посуде производится консервирование – can (металлических банках), tin (в жестяных банках).

Таким образом, 212 английских глаголов и 86 русских глаголов с компонентом приготовления пищи в обоих языках распадаются примерно на три основные тематические группы, но также можно выделить тематические группы предварительной обработки, завершающей обработки. В зависимости от истории кухни, традиций кулинарного искусства, каждая группа будет наполняться своими лексико-семантическими вариантами, отличающимися от таковых другого языка.

Список использованной литературы

1. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford University Press: 2000.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Екатеринбург: «Урал-Советы», 1994.
3. Молчанова О.П. проф., Лобанов Д.И. проф. Книга о вкусной и здоровой пище. – М., 1952

А.И. Тетельман

ст. преподаватель КФ РМАТ

СИНТЕЗ ЖАНРОВЫХ НАЧАЛ «POEMS IN PROSE» О. УАЙЛЬДА

Уайльд написал шесть стихотворений в прозе, которые составили сборник «Poems in Prose», опубликованный в 1894 году. Этот жанр обладает своими отличительными признаками, сближающими его и со стихотворной, и с прозаической речью. Одним из характеризующих признаков стихотворения в прозе служит его небольшой размер. Стихотворения в прозе отличает лирический характер. Даже в том случае, когда в основе лежит эпический сюжет, на него накладываются лирические тона. Небольшие размеры влекут за собою тщательную отделку словесной формы. В стихотворениях в прозе отсутствует деление на строфы, но ему соответствует деление на абзацы. Они более, чем традиционная проза, склонны к поэтическим метафорам, аллегориям, символам. В них часто встречаются элементы, свойственные другим разновидностям ритмической прозы: синтаксические повторы, параллелизмы, образующие в некоторых случаях рефрены, кольцевую композицию, анафоры. Ме-

лодичность текста создается звуковой организацией (аллитерациями, ассонансами), но не рифмами. Жанр стихотворения в прозе сложился в европейской поэзии в эпоху романтизма, опираясь на библейскую традицию религиозной лирики в прозе. Первым образцом ее принято считать книгу Бертрана «Гаспар из тьмы» (1842). Этот жанр встречается в творчестве французских символистов Бодлера («Стихотворения в прозе») и Рембо («Озарения», «Одно лето в аду»), чье влияние на Уайльда вызывает сомнения.

Сборник Уайльда «Poems in Prose» состоит из шести стихотворений в прозе: «The Artist», «The Disciple», «The Doer of Good», «The Teacher of Wisdom», «The Master», «The House of Judgement». В сборнике доминируют стихотворения библейской тематики (4 из 6), затрагивающие проблемы взаимодействия Бога и человека. Исключение составляют два первых стихотворения. Стихотворение «Художник» поднимает проблему силы искусства, второе – нарциссизма. В целом Уайльд использует форму библейского стиха.

Стихотворение «The Artist» рассказывает о художнике, который переплавляет надгробие возлюбленной, являющееся символом вечного горя, чтобы создать изображение радости, что длится мгновение. Уайльд несколько отходит от традиционного для этого жанра повествования от первого лица. Стихотворение становится менее лиричным, происходит усиление эпического начала. Образ главного героя – это аллегория художника как творческой личности. Материал, с которым работает художник, не столь важен. Это может быть что угодно: слово, холст и масло, мрамор. Уайльд выбрал бронзу как наиболее стойкий материал, который сохранит для потомков мысли и душу

творца с одной стороны, но с другой стороны бронза может быть переплавлена, ей может быть дан иной образ, иная жизнь. Герой Уайльда переплавляет изваяние горя, чтобы создать изображение радости. Две эти статуи есть по сути своей две стороны единого целого. В стихотворении представлены ассонансы, переходящие друг в друга. На фоне повторения звука [o] со вторым абзаце, возникает повтор [1]: «But **all the bronze of the whole world had disappeared, nor anywhere in the whole world was there any bronze to be found, save only the bronze of the image of The Sorrow that endureth for Ever. / Now this image he had himself, and with his own hands, fashioned, and had set it on the tomb of the one thing he had loved in life. On the tomb of the dead thing he had most loved had he set this image of his own fashioning, that it might serve as a sign of the love of man that dieth not, and a symbol of the sorrow of man that endureth for ever. And in the whole world there was no other bronze save the bronze of this image**». В последующих абзацах Уайльд возвращается к повторению [o]. Повторение ударного [o, i], паузы, инверсия, повторы – все это формирует ритм стихотворения.

Следующее стихотворение «The Disciple» затрагивает одну из наиболее важных в творчестве Уайльда тем – нарциссизм. В данном стихотворении Уайльд пытается отойти от традиционного видения этого мифа и взглянуть на реальность глазами «зеркала». Ручей в стихотворении горюет из-за смерти Нарцисса, потому что его самого лишили зеркала, отражающего его собственную красоту. Писатель переворачивает известный миф, интерпретируя его парадоксальным образом. Любовь Нарцисса к самому себе – самое сильное чувство героя мифа, и эта любовь присуща не

только данной личности, но каждому. В этом произведении Уайльд опирается на использование аллитерации [p], [l], [s] в первой части текста, затем переходит к [s], [t] и возвращается к начальному варианту: «When Narcissus died the **p**ool of his **p**leasure changed from a cup of sweet waters into a cup of **s**alt tears, and the Oreads came through the woodland that they might sing to the **p**ool.../And when they saw that the pool had changed from a cup of sweet waters into a cup of **s**alt tears, they loosened the green tresses of their hair and cried.../...And the **p**ool answered, 'But I loved Narcissus because, as he lay on my **b**anks and looked down at me, in the mirror of his eyes I saw ever my own **b**eauty mirrored». Такой переход создает ощущение прерывистости текста. Повторы, инверсии формируют ритм. Стихотворение построено на описании в первой части и диалоге ручья и Ореад во второй.

В стихотворении «The Doer of Good» Уайльд обращается к образу Христа. Иисус приходит в город и встречает тех, кого ранее излечил: бывшего прокаженного, пьющего вино, слепого, преследующего женщину. Каждый из них выбрал путь греха, потому что не видит иного способа провести свою жизнь. Получение удовольствия становится целью их земного существования, не замечают страданий людей, забыв о том, что пережили сами, о заповедях Бога. Женщина, которой Иисус простил грехи, вновь избрала этот путь, так как он приятен и легок. За пределами города он встречает усопшего, которого воскресил, и теперь, вернувшись в этот мир, плачет. Он единственный из всех знает, что ждет человека за пределами мира живых. Тоска ли это по утраченному раю, или оплакивание грехов своих соплеменников, мы не можем знать точно.

Это стихотворение представляет собой диалог смешанный с подробным и цветистым описанием: рассматриваются все переливы цвета, тканей, камней. Такая декоративность характерна для Уайльда. В данном стихотворении отсутствует звукопись. Каждый абзац начинается с анафорического повтора «and»: «**And He saw afar-off the walls of a round city... And when He came near He heard within the city the tread of the feet of joy... And He knocked at the gate... And He beheld a house that was of marble...**». Уайльд использует инверсию: «**He heard within the city the tread of the feet of joy**», «**And behind her came a young man**», «**He saw seated by the roadside a young man**». В стихотворении используются повторы (реакция на обращение Иисуса): «**turned round and recognized Him**». В этом стихотворении появляется образ плачущего человека, который появится в других стихотворениях.

Следующее стихотворение «The Teacher of Wisdom» значительно превышает по размеру остальные стихотворения сборника. Герой, изначально наделенный совершенным знанием Бога, начинает ощущать пустоту и страх. Он решает покинуть людей, не делиться более своим знанием и становится Пустынником. Встретив Молодого Разбойника, он рассказывает о своем знании, что ценнее пурпуров и жемчугов. Пустынник готов пожертвовать своей жизнью, но не разделить его с кем-либо. Разбойник отправляется в Город Семи Грехов, чтобы купить удовольствия и радость за деньги. Отшельник следует за ним и только у самых стен Города открывает свою тайну. В слезах он падает на землю, но поднимает его сам Господь, ибо Пустыниик познал совершенную любовь о Боге. В данном стихотворении совершенно отчетливо прослеживаются аллюзии,

связывающие образ Пустынника и Иисуса Христа. Пустынник с детства обладает совершенным знанием Бога. Иисус, будучи подростком, попадает в Иерусалим, где поражает своими знаниями служителей в Храме (Лука 2:40-51). У Христа было двенадцать учеников. У Пустынника одиннадцать учеников, и двенадцатым становится молодой разбойник, благодаря которому к нему приходит совершенная любовь о Боге. Он осознает, что любовь Бога – это прежде всего готовность к жертве. Он жертвует самым дорогим, чтобы спасти ближнего от грехопадения. Уайльд в данном случае делает главным эмоциональное признание силы Бога – любовь. Через это чувство познаются божественные истины. Стихотворение представляет собой диалог смешанный с описанием. Имитация библейского текста создается при помощи анафоры, инверсий, повторов («And he passed through eleven **cities**. And some of these **cities** were in valleys, **and others** were by the banks of great rivers, and **others** were set on hills. And in **each city** he found a disciple who loved him and **followed** him, and a great multitude of people also **followed** him from **each city**»), параллелизм («He who giveth away wisdom robbeth himself. He is as one who giveth his treasure to a robber»). Пустынник делится совершенным знанием Бога с молодым разбойником, чтобы тот не совершил грех). В финале стихотворения вновь появляется мотив плачущего человека: «And as he lay there weeping».

Образ плачущего человека разрешается парадоксальным образом в стихотворении «The Master». Иосиф Аримафейский, тайный ученик Христа, встречает юношу, который был наг и плакал. Причина его скорби заключалась в том, он повторил все деяния Иисуса, но его не распяли, ему не удалось стать Богом. Первая часть

стихотворения – это описание, вторая – диалог. В нем представлена анафора («**And kneeling** on the flint stones... **And he** who had great possessions ...**And the young man**»), повторы («man who was naked and weeping»). Повторы и параллелизмы являются элементом ритмической организации стихотворения. В финале ритм создается повторением **have**, сбиваясь к концу стихотворения: «**And the young man answered, 'It is not for Him that I am weeping, but for myself. I too have changed water into wine, and I have healed the leper and given sight to the blind. I have walked upon the waters, and from the dwellers in the tombs I have cast out devils... All things that this man has done I have done also. And yet they have not crucified me**»).

Последнее стихотворение «The House of Judgement» – это картина Страшного суда. Бог решил, что Человек заслуживает пребывание в Аду, но в Аду он прожил жизнь свою, а Рай он не может вообразить себе. В этом стихотворении появляется рефрен, повторяющийся в тексте несколько раз, обрамляющий его: «**And there was silence in the House of Judgment**». Рефрен отражает замешательство Бога, осознавшего невозможность исполнения им установленных принципов жития. Человек не отрицает своих грехов. Причина их совершения заключается не в нем самом, но в жизни. Уайльд трактует жизнь человека не как испытание, это собственно наказание, так как мир – Ад, а Рай вообразить невозможно. Стихотворение в парадоксальной форме переосмысляет традиционную трактовку Страшного Суда и предназначения человеческой жизни. Стихотворение построено в форме диалога, прерываемого строкой рефрена. Для имитации библейского текста Уайльд использует анафору и повторы.

Рассмотрев стихотворения в прозе в творчестве Уайльда, мы отмечаем следующие особенности функционирования жанра:

1. В стихотворениях небиблейской тематики используется звукопись («The Artist», «The Disciple»).

2. Стихотворениям в прозе свойственна декоративность.

3. Уайльд имитирует характерную для Библии структуру текста, используя соответствующие приемы: анафора, повтор, параллелизм, инверсия.

4. Все стихотворения в прозе Уайльда имеют сюжет, новое раскрывается через парадокс.

5. Уайльд использует диалог, создавая конфликт внутри идеи, что является проявлением драматического начала.

Я.В. Бухараев

кандидат исторических наук

**ОТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-
УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ К ПРОБЛЕМЕ
МЕСТА И РОЛИ ВОЕННО-МОРСКИХ СИЛ
В СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА РУБЕЖА XIX-XX ВВ.
(историографический анализ)**

Одна из магистральных линий развития исторической науки на современном этапе заключается в развёр-

тивании исследовательских программ «новой социальной истории» («новой исторической науки»), в русле которой комплиментарно реализуются системно-структурные, социокультурные исследования, а также разработки вопросов «персональной истории».¹

Налицо потребность размещения в исследовательских координатах обновлённой социальной истории не только тех вопросов, которые являлись характерными сюжетами «гражданской истории», но и проблем, исследование которых выступало в качестве прерогативы военной истории. К таким крупным вопросам военно-политической истории относится вопрос о развитии военно-морского флота Российской империи – шире, военно-морского дела страны в системе организационно-хозяйственных отношений российского общества рубежа XIX-XX вв.

Военно-морская проблема России оказала серьезное, и, кажется, до сих пор должным образом не осмысленное воздействие на ход и исход эволюции российского государства в период одного из самых критических изломов в истории евроазиатского региона. Дело не только в том, что гонка морских вооружений тяжелым бременем ложилась на все структуры «развивающейся» страны, испытывавшей перегрузки в ходе социополитических и экономических модернизаций (всякую «лишнюю» копейку правящая военно-служилая элита направляла на развитие «красы и гордости» империи – военного флота). Развитие ВМС России являлось проблемой не

¹ См.: Одиссей. Человек в истории: Культурно-антропологическая история сегодня. 1991. – М., 1991; Одиссей. Человек в истории: Ремесло историка на исходе XX века. 1996. – М., 1996; Крайности истории и крайности историков / Сб. ст. К 60-летию профессора А.П. Ненарокова. – М., 1997; Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997; Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. – М., 1998 и др.

только и не столько финансово-экономической, сколько социокультурной. Один из наиболее известных отечественных «морских» историков и публицистов, Н.Л. Кладо, в разгар русско-японской войны не без основания констатировал, что Россия была и остаётся «страной сухопутной», не понимающей значения флота.

При общем – видимом – осознании правящими классами значимости ВМС для Российской империи многие военно-стратегические и финансовые программы отмечены печатью ограниченности и ущербности, что не может быть истолковано лишь как некомпетентность инстанций. Речь идёт также об эманациях «сухопутных» ментальностей и соответствующих политико-культурных традиций. В «верхах» существовало заметное напряжение между «сухопутной» и «морской» военно-политическими стратегиями. Оно конвертировалось на политической сцене в форму борьбы групп «влияния» и «давления» при царском дворе, в правительственных структурах, а затем и в Государственной думе. Разнобой в понимании правящими элитами смысла российского имперства оборачивался, в частности, отсутствием сколько-нибудь стройной и последовательной системы развития вооружённых сил державы. Последствия известны: страна с биполярной социокультурной ситуацией, расщеплённостью и неопределённостью военно-политического мышления верхов не выдержала военных испытаний первой мировой войны. Наибольшие шансы получили в этих условиях леворадикальные силы.

Между тем, отечественная историография военноморской истории России, по сути дела, базируется на модернизаторских и прогрессистских представлениях, согласно которым развитие экономики страны и, особенно, военных её секторов, рассматривается сугубо как инва-

риант европейской модели, а особенности сводятся к признанию «относительной отсталости», «догоняющего типа развития» и т.д. Подобная система сциентистских и позитивистских подходов не позволила отразить многие существенные стороны истории российского военно-морского дела. Это выразилось, в частности, в дезинтегрированности историографии данного вопроса, ее локализации по отдельным узким проблемам.

Западноцентристский подход оставляет в тени социокультурные факторы, определявшие эволюцию военно-морского дела в России, не позволяет учесть его генезис и характер укорененности в российской социокультуре. Дело в том, что появление морских сил (как и ряда других новоевропейских форм) связано с чрезвычайными усилиями петровской группы реформаторов, направленными на создание социально-экономических гарантий для участия в европейской (а в перспективе и мировой) имперской военно-политической игре. Стремление приобрести статус морской державы наталкивалось, с одной стороны, на практическое отсутствие культуры мореходства и сословий-носителей морских традиций и психоментальностей; на российскую имперскую традицию вообще, поскольку Российская империя формировалась как континентально-сухопутная. С другой стороны – на недостаточность финансовых и производственных возможностей, обусловленную исторически маргинальным положением страны, скованной общинно патерналистским традиционализмом.

В условиях доминирования в российском обществе автократизма и этатизма как общественных практик и культурных ценностей в военно-морском деле складывалась своего рода обстановка «авральное реформаторства». Отсутствие механизмов саморазвития социальных

и промышленных технологий понуждало правящую верхушку постоянно и бессистемно «вытаскивать» костенеющие структуры, следуя логике сохранения империи. Важными направлениями этого «пожарного» типа реформаторства являлись политика в отношении частного отечественного судостроения и кадровая селекция личного состава флота. Дело не в некоем отставании от стран «классического» капитализма. Не в том, что евроазиатское государство «ехало» по одной с ними дороге, только не литерным поездом, а «вторым» эшелонном. Россия в своих попытках перехода от традиционализма к техноурбанизму не преодолела те барьеры, за которыми социум «самонастраивается» на инновационный модус эволюции. Для западного общества – речь идёт о современном его состоянии, которое в каких-то своих частях уже утверждалось в XIX – начале XX вв. – целостное теоретическое видение всей картины общественных взаимодействий не столь существенно. При ограниченном масштабе и перманентном характере реформ зачастую достаточно точечного хирургического воздействия в определённых схемах и узлах. Остальное доделывают присущие обществу силы самоорганизации.¹

Осмысление проблем истории военно-морского флота России оказывается особо значимым для реализации новых подходов, новых типов социально-гуманитарного знания. Приверженцы мир-системного и глобалистского подходов к истории усматривают возможность представить историю России и её стремление стать океанической державой, её возможную нынешнюю роль как звена или посредника в связке Атлантика – Евразия – Тихий океан. Однако мобилизация проблемы

¹ Иное. Путеводитель.... – С.20

военно-морской истории России требует особого внимания к исторической подробности, её достоверности. А это выдерживается далеко не всегда (вследствие, кстати, недостаточной в целом разработанности проблем морской истории), что оборачивается нарушением исторической перспективы и ретроспективы, приводит к умозрительным, противоречащим элементарному онтологическому содержанию вопроса обобщениям.

Вольное обращение с исторической подробностью играет злые шутки с исследователями, характерной иллюстрацией чего может служить обсуждение на «круглом столе» по теме «Россия и Запад: взаимодействие культур», проведённом журналом «Вопросы философии» в 1992 г. Пытаясь доказать, что модернизация в странах, развивающихся вне сектора евро-атлантической цивилизации, проходила под воздействием именно внутренних импульсов, один из авторов обращается, к примеру, к Японии начала XX века (с прозрачным намёком на возможности реализации идеи самобытности России в современных условиях): «Агропромышленная модернизация Японии началась стремительно – не по западным образцам. И уже в Цусиме русский флот встретился с ... новенькими броненосцами ..., построенными на японских верфях!»¹ Похоже, что уважаемое философское сообщество приняло как должное эту смелую фантазию. Факты же говорят об обратном. Более 90% (!) японских кораблей того времени было построено в Англии, Германии, Франции, Италии, Соединённых Штатах и на западные же кредиты. Собственное японское военное кораблестроение находилось в этот момент на начальной стадии становления, проходившего по западным образцам.

¹ Вопросы философии. – 1992. – № 6. – С.162

Военно-морская проблема России – «многослойная». Она может быть рассмотрена в собственно военном или военно-политическом отношении; в ракурсе внешне-политической, дипломатической истории; в координатах истории народного хозяйства; в других исследовательских форматах. Нами тема морской истории России представлена в качестве взаимосвязанной совокупности сюжетов, отражающих состояние и эволюцию военно-морского дела страны.

Понятие «военно-морское дело» не использовалось ранее в качестве научного определения, что иллюстрирует как раз концептуальную непроработанность морского «сектора» историознания. Это понятие является в известном смысле аналогом укоренённого в западной (здесь – англосаксонской) высокой культуре и научной традиции понятия «нейви» (*navy* – *англ.* военно-морские силы, *naval* – военно-морской), которое используется для обозначения комплекса вопросов, относящихся к освоению государством морских/океанических акваторий. Соответственно военно-морское дело («нейви») России истолковывается нами как общественная форма, система, структурными элементами которой являются: собственно военно-морские силы как совокупность боевых единиц и береговых объектов; кадровый состав морских сил; система управления ВМС; часть военно-промышленного потенциала, непосредственно «работающего» на ВМС («морской» сектор ВПК); социальная база морского дела в виде носителей морских навыков, профессий и соответствующих психоментальностей.

В середине 80-х гг. XIX в. берёт начало процесс возрождения военно-морских сил России, имевший целью выход на уровень мировой военно-морской державы. Катастрофа российского флота в русско-японской

войне, отбросившая отечественные ВМС с третьего места в мире на седьмое¹, лишь отодвинула реализацию этих планов военно-служилых элит. 1917 год, подведший черту под историей царской России, может считаться завершением этого этапа в развитии отечественного военно-морского дела.

С точки зрения исторического содержания этого периода важными для нас представляются два обстоятельства. Первое из них связано с влиянием принципиального уровня «маринизма» (так в начале XX века именовалась гонка военно-морских вооружений) на политическое сознание правящих верхов России, соответственно – выработку имперской стратегии. На эту полосу развития приходится русско-японская война 1904-1905 гг. – одна из первых войн, открывавших XX столетие. Она явилась грозным предзнаменованием: в её баталиях угадывались масштабные битвы государственных национализмов, которыми оказался, отмечен решающий переход европейских стран к современному индустриализму.

XX столетие перечеркнуло надежды века предшествовавшего на грядущее царство разума и справедливости. Вернее, надежды представителей европейского гуманизма и либерализма базировались не столько на идее торжества рационализма, сколько на предположении о безостановочном развитии техники, которое и призвано было свести на нет почву для проявлений вражды и нетерпимости во всём мире.

Между тем оказалось, что в лице новейшей техники народы заполучили невиданный доселе инструментарий взаимоуничтожения. Соответственно, на уровне государств, правящих элит возникли новые возможности для

¹ РГА ВМФ. Ф. 417, оп. 1, д. 3459, л.6-7

решения внешнеполитических задач, главным вектором которых по-прежнему являлось стремление обеспечить условия для приоритетного развития своего государства за счёт других. Возможности нового оружия, в частности, броненосного флота в руках у континентальной империи, каковой была Россия, не могли не захватить воображение творцов отечественной имперской игры.

В конце XIX – начале XX вв. не замедлили проявиться новые черты «миросозерцания» отечественного истеблишмента: глобалистские устремления, осознание всемирной «предназначенности» Российского государства, выразившееся в частности, в расширении сферы интересов за счёт активных действий на восточных рубежах империи. Дальний Восток как область притязаний впервые серьёзно включался в военно-стратегические сценарии внешнеполитического курса России. Действительно, со времён воцарения Романовых (более отдалённые ориентиры брать в данном контексте некорректно) во внешнеполитической традиции господствовал европоцентризм, не позволявший государям и их ближайшим сподвижникам заглядывать «за горизонт» исторических процессов кратко- и среднесрочных длительностей: Россия, с упорством, достойным лучшего применения, рвалась на европейские театры политики и военных действий, увязнув, в конце концов, в неразрешимых для неё коллизиях Восточного (балкано-турецкого) вопроса – средоточия интересов ведущих европейских держав. Несомненно, с точки зрения логики эволюции империи (конвертируемой в прагматических позициях «верхов») он имел серьёзное значение. Однако, с появлением «окна в Европу», и по мере того, как всё более широкие слои российской элиты стали воспринимать – как умели и как могли – западноевропейские социокультурные формы, а

равно – по мере роста империи, её внешнеполитических потенций, Восточный вопрос неуклонно терял для неё свою актуальность. С точки зрения той же логики империи ничем нельзя оправдать эту политическую (если угодно – историческую) близорукость: и в конце XIX века Восточный вопрос оставался главным приоритетом внешней политики, хотя в той исторической обстановке он заслуживал места второстепенного, а не главного направления имперской игры.

Между тем, громадные сибирские и дальневосточные пространства оставались совершенно не охваченными «державным попечением». Это упущение было осознано слишком поздно; и когда освоение Россией своих восточных территорий оказалось, поставлено под угрозу, от движущегося уже к распаду государственного организма требовались невероятные усилия, чтобы спасти положение. Не вдаваясь в рассмотрение конкретного содержания и характера мероприятий по приобщению Дальнего Востока к «полноценной» державной жизни отметим только, что ограниченность во времени, средствах и фигурах подобающего масштаба понуждала правящие круги искать способы спасения ситуации – и не находить их.

Другое обстоятельство касается социополитического наполнения избранного периода. В нём соединились не просто в виде исторических потенций и замыслов, но в актуальном, действительном состоянии, разнопорядковые – реформаторские, революционные, «бунташные», радикальные и культурно-консервативные тенденции и проявления, сочетавшиеся в своеобразных комбинациях. Post factum можно мыслить последний шанс, который предоставляла история российскому сообществу для реа-

лизации программы реформ, могущей заступить дорогу революционному распаду социума.

Однако имперские державно ностальгические пассажи о «России, которую мы потеряли», не могут поколебать вывод одного из «новонаправленцев»: «Суть дела состоит в том, что в 60-е годы царизм мог “дать” реформы, а в третьеиюньский период он не мог их дать».¹ Это притом, что дворянские элиты выдвинули на излёте Империи двух крупных реформаторов – С.Ю. Витте и П.А. Столыпина. Похоже, что время реформ было в целом уже упущено. Дело даже не в том, что царизм не мог «дать» реформы. Он их давал, пытался дать. Реформы, скорее, не «взяли» – ни образованные слои, ни «массы». Тем самым выбрали революцию.

Анализ реформаторских действий в сфере военноморского дела, со своей стороны, позволяет пролить дополнительный свет на эту крупную проблему истории и историографии.

Военно-историческая проблематика является той отраслью историознания, в которой в наиболее последовательном, зримом виде представлен такой системообразующий фактор исторической науки как этноцентризм.² Последний представляет из себя исследовательский подход, для которого характерны сочувственная фиксация черт своей этнической группы. Вплоть до выделения этнонационального (геополитического) фактора в качестве основного критерия исторического развития.

¹ Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. – М., 1968. – С.511

² «За “всемирной историей”, – констатирует представитель третьей генерации «школы Анналов», написана ли она во Франции, в Италии или где-то ещё, скрывается этноцентризм в разных формах. В ней всё зарождается в Древнем Египте, Халдее и Израиле, она получает своё развитие в великих цивилизациях Греции и Рима...». – Ферро Марк. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Пер. с фр. – М., 1992. – С.13

По мере удаления от своего прототипа, относящегося к эпохе Великой Французской революции, национальная идея в историознании может понизить градус ксенофобии. Однако её размещение в формате «мы – другие» остаётся неизменным.¹

Иллюстрацией сказанного может послужить популярный в англо-саксонском культурном пространстве словарь Томаса Харботла, посвященный наиболее значимым событиям мировой военной истории. Материал в этом издании энциклопедического толка преподносится явно с англофильских позиций – даже те битвы, в которых войска Её Величества не имели успеха, по сути, подаются так, как некие предпосылки будущих побед. Кроме того, издатели русского варианта словаря дополнили его статьями о наиболее важных сражениях отечественной истории: события русской военной истории оказывались за пределами внимания английских специалистов.²

Отечественная историография военно-морского дела неизменно находилась под прессом идеологии: по историческому счету Петербургская империя уступила место советскому новоимперству.

Ряд работ по истории военно-морского дела в России, которые могут быть отнесены к числу научно-популярных, «подарочных», «юбилейных» и т.п. изданий, выдержанных в державно-патриотическом духе и с претензией на некую «монументальность» и широту охвата проблемы (во всяком случае, в части хронологии), неизбежно начинаются с апелляций к древним летопи-

¹ См.: «Своё» и «чужое» прошлое или поиск новых идентичностей в постсоветских государствах / Материалы обсуждения на Межд. науч. конф. «Создание национальных историй» (15-16 сентября 1998 г., Москва). – М., 1999

² См.: Харботл Т. Битва мировой истории. Словарь / Переработ. и дополн. Дж. Брюсом: Пер. с англ. – М., 1993

сям, как отечественным, так и иностранным, обращение к которым призвано подтвердить наличие в России давних морских традиций, идущих едва ли не с VI в.¹

Не оспаривая фактов морских походов князей Игоря, Олега, Святослава, плаваний поморов к Груманту и проч., хотелось бы обратить внимание на некорректность их сопряжения с отечественной морской (вернее, военноморской) традицией, заложенной Петром I. Тем более что чисто научный уровень сих доказательств наличия некой «прирождённой тяги к морям»² у русского народа не выдерживает никакой критики: «Со второй половины XI в. и до татаро-монгольского нашествия русская торговля на Средиземном море способствовала развитию на Руси феодальных отношений»³; или: «Используя ладейный флот, действовавший как по рекам, так и на море, киевский князь Святослав разгромил *паразитический* (курсив мой – авт.) хазаро-иудейский каганат».⁴

Очевидно также, что вышеперечисленные апелляции имеют своим первоисточником работу Ф.Ф. Веселаго «Краткая история русского флота»⁵, вышедшую в свет в конце XIX в. Кстати, она была переиздана в советское время⁶ в несколько сокращённом виде (в предисловии ко

¹ См.: Дыгало В.А. Откуда и что на флоте пошло. Предисловие адмирала флота В.Н. Чернавина. – С.7-10; Морские сражения русского флота. Предисловие В.Г. Оппокова. – С.3-16; Горшков С.Г. Морская мощь государства. – М., 1976. – С.126-127; Аммон Г.А. Морские памятные даты. – М., 1987. – С.13-17 и др.

² Горшков С.Г. Морская мощь государства. – М., 1976. – С.127

³ Горшков С.Г. Морская мощь государства. – М., 1976. – С.127

⁴ Чернавин В.Н. Предисловие / Дыгало В.А. Откуда и что на флоте пошло. – С.7

⁵ Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота (с начала развития мореплавания до 1825 г.). Ч.1-2. – СПб, 1893-1995

⁶ Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота (с начала развития мореплавания до 1825 г.). – М.; Л., – Изд. 2-е. – 1939

второму изданию указывалось, что «сокращение произведено за счёт монархическо-религиозных излишеств автора, а также других ненужных современному читателю мест»¹).

Военно-морская тема в общих описаниях российской истории, «обобщающих работах», как правило, издаваемых в виде учебных пособий, появляется, в основном, при изложении трех периодов истории: эпохи Петра I, Крымской войны, а также русско-японской войны 1904-1905 годов. Естественно, основные исторические интерпретации и концептуальные толкования, которые, так или иначе, затрагивают и военно-морское дело, стянуты на проблеме Петровских реформ. В исследовательскую задачу автора данной работы вовсе не входит рассмотрение историографии реформ Петра I, которые как дореволюционные историки, так и «прорицатели о прошлом» последующих времен рассматривают в качестве центрального, ключевого вопроса истории России. Опять же следует отметить её сильную зависимость от идейно-политических и культурно-исторических предпочтений авторов, научных направлений в целом.

Датский историк Х. Баггер в своем исследовании (1979), посвященном историографии эпохи Петра I, не без основания констатирует, что поколения российских историков «не могли похвастать тем, что они полностью побороли соблазн строить свои выводы о результатах и методах деятельности Петра в соответствии с нормами современной им политики и морали, в особенности, если они видели в этих реформах прообразы иных российских

¹ Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота (с начала развития мореплавания до 1825 г.). – М.; Л., – Изд. 2-е. – 1939. – С.3

социальных преобразований».¹ Впрочем, можно указать на сходные «невралгические узлы» в любой национально-государственной историографии.

На этом фоне едва просматривается та побочная линия историографии, которую условно можно было бы назвать направлением Милюкова-Эйдельмана: в немногочисленных работах (в том числе в исследованиях двух этих авторов из разных эпох) создание ВМС при Петре I вписывается в системы действий, надрывавших силы народные и разрушавших слабые ростки хозяйственной самостоятельности и демократии.²

Иное дело, что в условиях советской идеократии «нужная» концептуалистика была обязательным атрибутом исследования. Само издание исследования Х. Баггера на русском языке, предпринятое накануне событий, давших старт горбачевской «перестройке», выпущено под конвоем официозного толка предисловия. В этом тексте, игравшем роль «идеологического конвоя», дезавуируется как антиисторический теоретический подход, согласно которому Россия рассматривается как культурно-исторический субъект, занимающий промежуточное, своеобразное положение в системе «Запад – Восток».³

Именно этот концептуальный формат является одним из главных оснований современных истолкований характера модернизационных процессов в России XVIII-XIX веков, которые предпринимают отечественные философы и социологи. Большинство из них сходятся ныне на

¹ Баггер, Ханс. Реформы Петра Великого: обзор исследований / Пер. с датского (1976) – М.: Прогресс, 1985. – С.26

² См.: Милюков П. Петр I / Энциклопедический словарь // Брокгауз и Эфрон. – СПб. – Т.23а. – С.489; Он же. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. – Т.2-П-3; Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. – М., 1989

³ Баггер, Ханс. Реформы Петра Великого: обзор исследований. – М., 1985. – С.5-7

том, что модернизации России осуществлялись по имперской модели: они были подчинены в первую очередь задачам военно-политической экспансии империи, обороны от внешних врагов и поддержания статуса великой державы, а вовсе не решению внутренних проблем, в том числе создания общества потребления.¹

Можно сказать, что образовался своего рода разрыв между проблемно-философскими основаниями концепций российского исторического прошлого и конкретно-исторической разработкой узловых вопросов истории России, которые в немалой степени дают понять об общем и особенном отечественной истории. Данная работа в какой-то мере призвана «наводить мосты» между современной историософией и действительной историей.

Наконец, несколько соображений, касающихся изложения военно-морской проблемы России в изданиях общего характера.

Освещение вопросов, связанных с военно-морской историей России в различных учебных пособиях (как советского времени, так и позднейших) обладает рядом характерных особенностей, свидетельствующих о недостаточном учёте авторами специфики военно-морской проблемы. Начать с того, что практически во всех пособиях излагается (с разной степенью подробности) история создания отечественных военно-морских сил при Петре I, но не говорится об историческом значении появления этого нового для страны компонента вооружённых сил.²

¹ См.: Российская модернизация: проблемы и перспективы / Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1993. – №7; Хорос С. Русская идея на историческом перекрестке // Свободная мысль. – 1992. – №6; Модернизация: зарубежный опыт и Россия. – М., 1994

² См. напр.: Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. История императорской России. – М., 1994. – С.78; История России с начала XVIII до конца XIX ве-

В лучшем случае мы встретим лишь указания на функциональную полезность флота: «Сильный флот ускорил взятие русскими войсками Выборга, Риги, Ревеля».¹

Иные учебные пособия, будучи до предела лаконичными в вопросе об организации флота при Петре, содержат лишь указания на общее количество построенных кораблей и количество обслуживавших их моряков.² Даже в работах с чётко обозначенной направленностью, в которых российская история анализируется через призму имперского «алгоритма», к примеру, в трёхтомнике «История Российской империи» М. Геллера, вопрос о создании флота как новоимперского института не рассматривается.³ Геллер ограничивается констатацией того, что «Пётр ... питал к морю и мореплаванию подлинную страсть».⁴ Последняя объясняется по преимуществу «объективностью» процесса территориального расширения империи.

Говоря об освещении морской «составляющей» русско-японской войны можно заметить, что практически нигде не встречается указаний на решающее влияние борьбы за господство на море на ход и исход всей этой кампании. Война на море в 1904-1905 гг. рассматривается, как правило, поверхностно, на уровне констатации нескольких основных её вех (нападение японцев на порт-

ка / Л.В. Милов, П.Н. Зырянов, А.Н. Боханов; отв. ред. А.Н. Сахаров. – М., 1997. – С.74

¹ История России с начала XVIII до конца XIX века / Л.В. Милов, П.Н. Зырянов, А.Н. Боханов; отв. ред. А.Н. Сахаров. – М., 1997. – С.74

² См., напр.: Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. Учебник. – М., 1997. – С.155; Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории. – М., 1991. – С.231; Шмурло Е.Ф. История России. 862-1917 гг. – М., 1997. – С.381

³ См.: Геллер М.Я. История Российской империи. – Т.2. – М., 1997. – С.17, 25-26

⁴ Там же. – С.26

артурскую эскадру, гибель «Варяга», сдача Порт-Артура и гибель эскадры, разгром 2-й эскадры в Цусимском сражении).¹

Характеризуя в целом историографическую ситуацию, можно констатировать, что военно-морское дело России нуждается в том, чтобы взять его в равновесную разработку с позиций социальной истории. Оно того заслуживает.

Л.С. Астахова

КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ДОЦЕНТ КГУ, КФРМАТ

РЕЛИГИОЗНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ОТКЛОНЯЮЩИЕСЯ ФОРМЫ

**(на примере насыщенного описания наблюдения
за бабушками на православном приходе)**

В рамках рассуждений о религиозном поведении нам, прежде всего, как казалось бы, необходимо определить понятие нормы. Социальная норма – в самом широком смысле – наиболее распространенное поведение. Но в то же время норма – это и стандарт, правило, регулирующее поведение в социальной обстановке.

Несомненно, что для религиозных сообществ социальная жизнь является строго упорядоченным и непрерывно циклическим процессом, который зависит от фор-

¹ См. напр.: Геллер М.Я. История Российской империи. – Т.3. – М., 1997. – С.207-209

мализованных (не в смысле права, а в смысле зафиксированных «текстуально») ожиданий и обязательств. То есть присутствие норм и в религиозной жизни никто не отрицает. Однако в рамках данного текста нам бы хотелось остановиться на вопросе нормального социального, и религиозного – в данном случае как частного случая социального – поведения с позиций понимающей социологии. Одним из отличительных признаков в данном случае будет наличие факторов, присутствующих исключительно в религиозном мотиве того или иного поведения.

Действительно, в религиозной жизни факт нормативного порядка выступает главным элементом социальной системы. Нормы формализованы, но сверхъестественны. Социальный контроль существует, но специфичен. И в таком случае именно насыщенное описание отклоняющихся, девиантных форм религиозного поведения позволит нам выявить те специфические черты, отсутствующие в любых других формах социального поведения.

Итак, в устной истории старейшего Казанского прихода есть такое предание. Давно, когда церкви почти все были закрыты, а ходить в церковь было еще опасно и чревато гонениями, забегают в храм во время службы молодая девушка. Но в каком она была виде!? Сарафан, надетый по случаю жаркого дня, был довольно открытым, да еще и красного цвета! Волосы распущены, голова не покрыта... Вбежала девушка и упала на колени перед большой иконой Божьей Матери, закрыв лицо руками – плачет. Почти сразу же вокруг нее стала собираться группа из пяти женщин, работавших на приходе. Ну, как же, безобразие: раздетая в храме, без платка, вон и тушь с ресниц все лицо измазала, срам! Стали девушку укорять, приводить в трезвость рассудка. Девушка встала,

обвела всех остекленевшим взглядом и вышла, сказав только: «Вы что, здесь все такие?»

Женщины разошлись с чувством хорошо выполненного долга. А ночью одной из них приснилась Божья Матерь, гневно взирающая на нее: «Я у своего Сына три года просила, чтобы эта девушка, чадо наше, пришла в Храм, к Богу. Выпросила. И что? Вы ее выгнали! Если хотите прощения, где хотите, ищите её, но она должна быть в храме». По словам монахини, бывшей при том храме, и рассказавшей эту историю, бабушки те искали её по улицам города, долго. Но нашли. История эта и положила основу исследования о роли и месте бабушек на приходе.

Слово «бабушка» в русском языке имеет множество смысловых оттенков. Это «мать матери или отца, старшая женщина в семье», или «женщина пожилого возраста» (замечено, что слово «бабушка» с ударением на второй слог часто является первым словом, которое запоминают иностранцы, приезжающие в Казань). С недавнего времени появилось еще одно значение: «женщина среднего или пожилого возраста на приходе, постоянная прихожанка либо работающая при храме: подсвечники, трапезная, уборка и т.п.»

Бабушки в нашем обществе традиционно считаются носителями традиций, передаточным звеном социальных ценностей, выразителями первичного социального контроля. Именно поэтому за женщинами на приходе и закрепилось поименование «бабушка», а не «мать», «матушка» или «сестра», как это традиционно называлось в православии. Мы ждем поучения от бабушки, помощи в неизвестном для многих деле – правильном религиозном поведении.

Прежде всего, обрисуем коротко социальный портрет бабушек на приходах:

1. Чаще всего женщина вдова или разведенная, реже – замужем, но однозначный лидер в семье (в храм в этом случае всегда ходит одна, без мужа).

2. Возраст женщин – за 50 (т.е. есть и не «старые» женщины, многие еще не имеют внуков).

3. Не имеют мирской работы, только при храме, не взирая на то, достигли ли они пенсионного возраста или еще нет.

4. Сфера работы в прошлом, в подавляющем большинстве – медицина или образование (для имеющих высшее или среднее специальное образование), иногда пошив одежды (ни одна не работает по этой специальности для храма, ссылается на здоровье), разнорабочие (для женщин без образования, например, стройка).

5. Если у женщины есть дети, они чаще всего или самостоятельны и к матери не приезжают, либо серьезно больны (часто алкоголизм, наркомания и т.д.) и живут с матерью (налицо социальная проблема, часто связанная с воспитанием).

6. Чаще всего сами имеют серьезное заболевание (или говорят, что имеют, так как другие члены общины над ними иногда посмеиваются, говорят, что это «придумки»). Из болезней встречаются чаще всего инфаркт (иногда 2-3), диабет, болезни ног.

Временной разрыв религиозных традиций в Советский период привел к потере преемственности православных норм, в том числе даже просто правил поведения в храме. Церковные лавки пестрят объявлениями о правилах поведения в данном приходе, иногда буквально изобретенных. Так, в одном храме считается, что при входе в храм необходимо перекреститься дважды, в дру-

гом – трижды, а в третьем на воротах висит информация, что церковная ограда есть граница освященной земли и налагать крестное знамение нужно так: при входе в ворота один раз, на середине от входа в храм – дважды, и, наконец, перед входом непосредственно, на храмовую икону – трижды!

В общественном мнении сложилось уже не раз озвученное представление, что именно бабушки, те женщины, которые встречают нас в храмах, и спасли Русскую православную церковь в годы Советского режима. Однако приходские священники данный миф опровергают: те женщины в большинстве своем уже давно отпеты и похоронены. Опасность ситуации заключается именно в том, что современные «бабушки на приходах» сами пришли в церковь сравнительно недавно: кто-то – следуя за «модой» лет десять назад, кто-то – «следуя за возрастом и тяжестью грехов, которые надо отмолить» вообще всего года 2-3 назад. Однако они, в силу своего возраста, считают себя вправе поучать молодежь (вспомним вспыхивающие иногда в очередях или общественном транспорте поучения: «я успела то-то и то-то», «я больше тебя жизнь знаю», «так что слушай меня и не возникай»). В результате происходит передача не истинно православных традиций, а суеверий или укоренившихся в мирском сознании представлений, иногда ничего общего с православием не имеющих, например (из лично услышанного):

- «Сними шапку с сына, а то будет монахом» (речь идет о чепчике на мальчике 6 месяцев, на улице зима, в храме сквозняк, хотя мужчины в храме действительно должны быть без головного убора).

- «Встать, стой на ектиниях, ну и что, что беременная, легче самой станет, если пересилишь себя, а то благодати от службы не будет» (у женщины угроза поте-

ри ребенка, постельный режим и есть благословение от настоятеля храма сидеть на службе).

– «В монастырь пришла, а одеться правильно не умеешь!» (поучения были получены от «заходящей» бабушки, с другого прихода, а вот направлены были... на нормально одетую попадью. Бабушка, опять же, не знала, кого учит, но поучать стала).

– «Дочь у тебя гулящая будет, платок носить не хочет» (Девочке лет 5, ей жарко в душном храме. Кстати, девочка до замужества, если следовать букве Православного Закона, вообще не обязана покрывать голову).

– В записке за упокой первыми всегда должны стоять родители, по другому такую записку вообще писать нельзя. (Далее: замешательство писавшей записку. Выяснилось, что родители еще живы, а записку подает за брата, на годину. Порядок упоминания в записке все-таки относительный. Как сказал один батюшка: «У Бога все равны, а Ангелы разберутся, что за кого подано»).

Исследование неизбежно подошло к проблеме отношения к бабушкам духовенства. И здесь линия исследования распадается на две, что связано, конечно, с воспитанием священнослужителей. Кто-то приходит в сан, имея солидный мирской опыт за плечами (на изученных нами приходах встречались и ученые степени, и ответственные посты). Такие батюшки пытаются смирить женщин, направить их на изучение традиции, не потакают их слабостям. Например, имел место вот такой диалог бабушки со священником:

– Батюшка, меня кто-то сглазил, наверно! Ноги болеть стали, голова вечером несвежая, давление поднимается...

– Мать, у тебя что, раньше ничего не болело? А сколько лет-то тебе? 67? Ну, так ты дура, причем счастливая! Мне сорока еще нет, а ноги уже болят!

Есть батюшки, которые, осознавая, что пожилых женщин много, просто не хотят с ними ссориться, поэтому пропускают данную проблему «мимо себя». А кто-то приходит сразу после школы, имея домашнее воспитание, то есть воспитание именно бабушкино. В результате и от священников иногда слышим высказывания в духе «бабушек»:

– В храме икона кровоточит? Какая-то баба в нечистоте приложилась!

– Священника после исповеди и прочтения разрешительной молитвы разрешать нужно крестом напостольным: он ведь не какой-то там мирянин!

– Как же ты будешь причащаться, ты же с мужем все еще живешь?! Вот как грешить с ним перестанешь, так и приходи (а как же прошения на венчании о даровании ложа не скверного?).

– Собороваться можно один раз в жизни. Ты уверена, что болящая скончаться должна? (Соборование является таинством церкви, и собороваться необходимо регулярно прибегать в течение жизни, примерно раз в год, если нет серьезных болезней – тогда чаще).

При анализе приходской жизни г. Казани и окрестностей (более 15 приходов), только на одном нами была встречена ситуация, скорее обратная описанной: к бабушкам здесь отношение даже чуть строже, чем к молодежи: «у них, как говорит настоятель, меньше времени осталось на раздумье и спасение души». Есть и обратный пример: в семинарском храме одного из батюшек попросили усмирить разбушевавшуюся (причем в Страстную Субботу, за несколько часов до Пасхи) бабушку – она

накинулась с поучениями о жизни на прихожанку и не дает ей войти в храм, приложиться к плащанице. Батюшка ответил: я сам её боюсь, да и я молодой, а она здесь была до того, как я пришел. Вот такое и у бабушек, и у батюшек уважение к сану.

Таким образом, отметим, что бабушки как общепринятые выразители социального контроля сами становятся нарушителями социального порядка в церкви, фактически их поведение представляет не норму, а патологию, девиацию. Православие в современном его виде, потеряв историческую преемственность норм и правил поведения, получило сегодня целый пакет девиантных проявлений, зачастую не понимаемых, как девиация. Бабушки на приходе – явный тому пример. Однако в данном случае девиация не стабилизируется, а усугубляется, так как нет ограничителя, санкций со стороны Церкви: отвечать за нарушения женщины будут только перед Отцом Небесным. А верят ли они в загробную жизнь?

Справедливости ради отметим, что встретились нам и монахини, пребывающие в постриге многие годы, а еще – дочь священника, принявшего сан еще после I Мировой войны. Эти женщины действительно были в Церкви и в тяжкие годы гонений, и воспитывают сейчас новое поколение. Обращаясь к ним «Мать!», мы не кривим душой. И их не поворачивается язык назвать «бабушка» – все-таки часто на приходах слово это звучит в презрительном смысле. И вернулось к нам старинное – «Матушка».

О.В. Рузанова

кандидат педагогических наук,
доцент ИСГЗ, Елабужский филиал ИСГЗ

Ф.Н. Рузанов

кандидат экономических наук,
доцент ИСГЗ, Елабужский филиал ИСГЗ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И США

Активное обсуждение проблемы качества в высшей школе, как в отечественной, так и в зарубежной, в частности в американской, педагогической литературе позволяет признать ее одной из самых насущных и приоритетных для сферы образования и в целом для общества. Поскольку от решения вопросов повышения, укрепления и поддержания высокого качества подготовки специалистов, эффективности деятельности научных и просветительских систем зависит развитие всей человеческой цивилизации. Однако качество остается вопросом, вокруг которого продолжает существовать немало споров и неясностей. Наиболее неотложными для всестороннего изучения, четкого осознания и непосредственного применения на практике представляются:

– определение, толкование понятия «качества образования», а также «качества высшего образования»;

– разумное, полномасштабное, эффективное применение на практике результатов научных исследований по проблемам образовательного качества для реформирования системы высшего образования.

Т. Marchese подчеркивает, что «при обсуждении проблемы обеспечения качества образования не нужно забывать о мотиве ответственности и отчетности вузов за свои результаты перед выпускниками, контролирующими органами и другими общественными образованиями. Однако вузам следует всегда быть ответственными в первую очередь перед своими студентами».¹

Важность создания условий для развития системы высшего образования и обеспечения его качества, подчеркивается многими учеными. Приводятся убедительные доводы выгоды вложений в эту сферу как с материальной, так и с духовной точки зрения для общества.

Так, R. Millard концентрирует внимание на существовании следующих факторов для развития системы высшего образования в США в перспективе усовершенствования его качества:

1. Понимание того, что развитие карьеры и продолжение образования на протяжении всей жизни – первостепенная цель образования, в особенности, высшего образования, которая является ключевой в США для разработки содержания образования и оценивания его эффективности.

2. Признание не только возможности, но и необходимости функционирования разнообразных типов вузов и образовательных программ для удовлетворения потребностей граждан, общества и бизнеса в образовании и научных исследованиях.

3. Признание того, что качество образования в вузе соотносится с его профилем и образовательными целями и задачами.

¹ Marchese T. Costs and Quality // Change Magazine. – May/June, 2000. – P.5

4. Стремление к изменению, пополнению традиционного студенческого состава вузов и стандартных образовательных программ «нетрадиционными» категориями студентов и инновационными учебными программами.¹

Независимо от понимания сути качества высшего образования, что первостепенным стимулом предприятия любых попыток обеспечения или изучения качества образования является стремление педагогов к усовершенствованию образовательной деятельности в вузе. Важным условием создания системы обеспечения высокого качества образования становится формирование соответствующего образа мышления профессорско-преподавательского состава вуза, ориентированного на повышение качества образовательной деятельности. Это отражается в разработке и осуществлении стратегического и унифицирующего подходов к решению проблемы повышения качества образования, о котором пишут американские педагоги G. Bogue, L. Robert и E. Grady; D. Bok; Ch. Finn, Jr. и Th. Rebarber; R. Millard; R. Simpson и S. Frost и др. Такой подход характеризуется установлением длительных перспектив в области качества. Он строится на желании и активном участии каждого члена учебной общности. При этом, отмечают G. Bogue, L. Robert и E. Grady, «ясным остается упор на обучение, исследования и образовательные услуги».²

Ch. Finn, Jr. и Th. Rebarber выделяют базовые элементы стратегического подхода к качеству: признание потребителем соответствия продукта или услуги предъ-

¹ Millard R. Today's Myths and Tomorrow's Realities: Overcoming Obstacles to Academic Leadership in the 21st Century. – San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 2001. – 312 p.

² Bogue S., Robert L., Grady E. The Evidence for Quality: Strengthening the Tests of Academic and Administrative Effectiveness. – San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 2002. – 313 p. – P.17

являемым требованиям, продолжительное функционирование продукта или услуги, множественные показатели их качества.¹ Эти понятия они используют при рассмотрении разработки «стратегии качества образования».

D. Вок анализирует мнения педагогов, касающиеся стратегического планирования качества образования в вузе, и выделяет пять взаимосвязанных признаков этого процесса:

1. Целостность: стратегическое планирование качества образования связывает воедино цели, задачи, особенности профиля вуза.

2. Средняя продолжительность планирования, однако короткие сроки определения приоритетов образовательной деятельности вуза, обзора учебных программ, бюджета вуза и т.д.

3. Одновременно интровертивный и экстравертивный характер планирования обеспечения качества образования в вузе.

4. Продолжительный и многократный характер планирования деятельности по обеспечению качества образования.

5. Сочетание качественных и количественных подходов в планировании обеспечения качества образования.²

При наличии этих признаков стратегическое планирование может стать эффективным решением проблем обеспечения качества образования в высшей школе. Однако недобросовестное применение элементов этого подхода таит в себе определенную опасность для развития

¹ Education Reform in the 90s. / Edited by Ch. Finn, Jr. & Th. Rebarber. – N.Y.: Macmillan Publishing Company, 2002. – 210 p.

² Bok D. Universities and the Future of America. – Duke University Press, 2000. – 136 p.

вуза. R. Simpson и S. Frost приводят примеры возможных негативных последствий стратегического планирования и оценки качества образования при несоблюдении их принципов: обострение конкуренции между вузами, вместо поиска путей сотрудничества, а также подмена реальных результатов образовательной деятельности уступкой, удовлетворяющей общественный спрос, но не приносящей значительных или продолжительных перемен в программах вуза и образовательных услугах.¹

Для более эффективного применения стратегического планирования и получения результатов по повышению образовательного качества R. Simpson и S. Frost разработали четырехэтапный порядок осуществления процесса планирования и оценки качества образования, ставя на каждом из этапов вполне конкретный вопрос-цель:

- 1) диагноз – Какова наша позиция в настоящее время?
- 2) планирование – Какова будет наша миссия?
- 3) распределение ресурсов – Какие шаги мы предпримем в течение следующих 5 лет?
- 4) оценка – Достигнуты ли наши цели? Насколько эффективны наши образовательные программы?

Следовательно, стратегия обеспечения высокого качества образования в вузе не только отражает его восприятие окружающих условий, его готовность извлечь из них выгоду для повышения качества образовательной деятельности, но и заставляет задуматься о том, как будут достигнуты эти цели и были ли они достигнуты.

Понимание важности стратегического и унифицирующего видения образовательного качества, по мнению

¹ Simpson R., Frost S. Inside College Undergraduate Education for the Future. – N.Y. & London: Insight Books Plenum Press, 2003. – 277 p.

G. Bogue, L. Robert и E. Grady, «приходит с осознанием того, что не существует такой политики, поведения, опыта, ценностей, которые не влияли бы непосредственно на состояние качества в вузе».¹ То есть все компоненты жизни вуза взаимосвязаны, взаимовлияемы и каждый из них вносит позитивный или негативный вклад в обеспечение образовательного качества. Развитие стратегического подхода стало одним из перспективных направлений работы по обеспечению качества образования в американских вузах. В рамках такого видения проблемы они приводят ряд перспектив повышения качества образования в вузе:

1. Философская перспектива: повышение качества образования в вузе составляет философскую подоплеку деятельности и ценностей его профессорско-преподавательского состава.

2. Дефинитивная перспектива: выработка определения качества охватывает как технические, так и этические вопросы деятельности по обеспечению качества образования в вузе.

3. Перспектива клиента: Рассуждения о качестве образования обращены сначала к интересам и требованиям развития студентов, а затем к интересам общественной ответственности вуза.

4. Временная перспектива: Временные рамки деятельности по повышению качества высшего образования должны быть как краткими, так и продолжительными.

5. Перспектива финансирования: Связь качества с финансированием не предполагает их прямой зависимости.

¹ Bogue S., Robert L., Grady E. The Evidence for Quality: Strengthening the Tests of Academic and Administrative Effectiveness. – San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 2002. – 313 p.- P.258

6. Системная перспектива: Необходимо создать последовательную и логичную систему взаимодействий различных подходов вузов к обеспечению высокого качества образования.

7. Проактивная перспектива: Вуз должен демонстрировать собственную энергичную инициативу в повышении качества образования и не ждать стимулов внешних по отношению к вузу агентств.

Таким образом, основным и наиболее перспективным условием повышения качества образования в вузе американские исследователи называют формирование стратегического и унифицирующего подхода к его повышению. Для этого, с одной стороны важно четко представлять состояние и перспективы развития теоретических и практических аспектов этой проблемы. Это включает проблемы точного определения понятия «качество высшего образования», критериев его диагностики, стандарты качества, и способы осуществления его оценки. Кроме того, необходима преданность, искреннее желание всех участников процесса обеспечения качества достигнуть благородных, жизненно важных целей для развития образования и общества в целом. Этому и призван служить стратегический подход к пониманию образовательного качества, который основан на оценке не столько процесса и ресурсов вуза, сколько ориентирован на долговременные, прочные результаты.

БЕДНОСТЬ И БОГАТСТВО В РАБОТАХ СОЦИАЛЬНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ: ТИПОЛОГИЯ ОЦЕНОК

Проблема бедности, понимаемой как недостаток благ или материальных ресурсов, и богатства (понимаемого соответственно как избытка или излишка материальных ресурсов и благ), интересовала мыслителей еще в античную эпоху, хотя особенную остроту эти проблемы приобрели в XIX-XX вв.

На основе анализа трудов ряда древних и современных социальных мыслителей, так или иначе рассматривавших проблемы бедности и богатства, представляется возможным выделить четыре типа отношения к бедности и богатству. Обозначив отрицательное отношение к бедности знаком «-», а положительное – «+», мы получим небольшую таблицу, содержащую четыре типа возможного отношения к бедности и богатству, отражающих четыре ценностные системы:

I тип	II тип
Бедность – «-»	Бедность – «+»
Богатство – «-»	Богатство – «-»
III тип	IV тип
Бедность – «+»	Бедность – «-»
Богатство – «+»	Богатство – «+»

I тип исходит из негативной оценки и бедности, и богатства. Вместе с тем истоки данного подхода лежат далеко за пределами нового времени и индустриальной эпохи; его основоположник – древнегреческий философ Платон (427-347 гг. до н. э.). Негативное отношение Платона к богатству и бедности было вызвано отрицательными последствиями имущественного и социального расслоения: богатство приводит, по его мнению, к роскоши, лени, новшествам, бедность, кроме новшеств – к низостям и злодеяниям.¹

Выход, предложенный Платоном, хорошо известен: установление идеального государственного строя, в которых два высших сословия – воины и правители-философы – лишены права на собственное имущество, что, по его мнению, должно исключить пагубное влияние на них материальных интересов. У низших сословий – земледельцев и ремесленников – частная собственность сохраняется, и, судя по отдельным замечаниям Платона, отдельные их представители могут даже разбогатеть. Но путь в высшие сословия им закрыт категорически.²

Описание идеального государственного строя без богатства и бедности (по крайней мере, для высших сословий), данное Платоном, стало отправной точкой для многих утопий XVI-XIX вв. (Т. Мор, Т. Кампанелла, А. Сен-Симон, Ш. Фурье и др.). Но наиболее значительным учением, негативно относящимся и к бедности, и к богатству, стал марксизм. Бедность рассматривалась его основоположниками как результат капиталистических производственных отношений и присвоения капиталистами производимой трудом наемных рабочих прибавочной стоимости. Более того, они были склонны настаивать

¹ Платон. Государство, VIII, 552 E.

² Там же, III, 417 A; IV, 434 A-C.

на ухудшении положения рабочего класса и увеличении его обнищания по мере развития капитализма.¹

Работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» содержит целый ряд образных описаний бедности и богатства, бедных и богатых в Англии 1830-1840-х гг.² Образы эти построены на основе жесткого, контрастного противопоставления внешней, материальной стороны жизни бедняков и богачей, а также внутреннего, духовного состояния тех и других.

Так, богачи живут в великолепных, прекрасных домах, бедняки же – в тесноте, грязи и вони, среди куч отбросов и нечистот. Одежда многих из них, особенно ирландцев, представляет сплошные лохмотья, женщины и дети – «оборванные и грязные, как свиньи».³ Они почти постоянно голодают, вынуждены питаться фальсифицированными продуктами, живут «вперемешку с ворами, мошенниками и жертвами проституции».⁴

В то же время рабочие обладают высокими моральными качествами: они гораздо более честны, более достойны уважения, «чем все лондонские богачи, вместе взятые», обходительны и приветливы, сострадательны и милосердны к нищим; если же и проявляют склонность к пьянству и безнравственности – так это потому, что в такое положение поставлены обществом. Буржуазия же, хотя ее материальное положение прекрасно, испорчена и грязна внутренне: «мне никогда не приходилось наблюдать класса более глубоко деморализованного, более безнадежно испорченного своекорыстием, более разложив-

¹ Маркс К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч., 2-е изд. – Т.4. – С.431

² Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч., 2-е изд. – Т.2. – С.231-517

³ Там же. – С.262.

⁴ Там же. – С.241

шегося внутренне и менее способного к какому бы то ни было прогрессу, чем английская буржуазия».¹ Впоследствии эти образы, созданные Ф. Энгельсом, стали во многом стереотипами, т.е. устойчивыми и эмоционально окрашенными образами, имеющими упрощенный характер и фиксирующими внимание лишь на отдельных характеристиках объекта.²

Разделяя мысль Ш. Фурье о том, что «изобилие становится источником нужды и лишений», К. Маркс и в более поздних своих работах акцентирует поляризацию, которая, по его мнению, является основной тенденцией социального развития при капитализме: «накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе».³ Следовательно, по логике К. Маркса, путем к уничтожению бедности может быть лишь обобществление средств производства и упразднение классов, т.е. революционное переустройство капиталистического общества.

Марксизм оказал значительное влияние на интеллектуальную жизнь конца XIX-XX вв. Вероятно, не без влияния марксизма социолог и экономист В. Зомбарт (1863-1941) охарактеризовал зачинателей капитализма как маргиналов и преступников – работоторговцев, пиратов, спекулянтов и разбойников.⁴ Конечно, можно ска-

¹ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч., 2-е изд. – Т.2. – С.443

² См.: Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – С. 97-112

³ Маркс К. Капитал / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т.23. – С.660; См. тж.: Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т.19. – С.219

⁴ Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека / В. Зомбарт. – Собр. соч. в 3 т. – Т.1. – СПб, 2005. – С.66-67, 102-112, 126-133

зять, что В. Зомбарт, испытавший влияние не только марксизма, но и ницшеанства, отнюдь не осуждает подобные социальные типы; напротив, они интересны ему своей «звериной» жизненной силой. Осуждает В. Зомбарт более поздний, рутинизированный буржуазный тип; его представителей он называет презрительно «торгашами» и противопоставляет им «героев», презирующих коммерцию, комфорт и рациональный расчет.¹

II тип репрезентации бедности и богатства может показаться в чем-то парадоксальным. Подчеркивая негативное отношение к богатству, его приверженцы в то же время склонны акцентировать внимание на достоинствах бедности. По-видимому, первыми подобную точку зрения высказали на рубеже V-IV вв. до н.э. киники. Впрочем, неприязнительность, отсутствие погони за материальными благами, бескорыстие были свойственны еще Сократу; но именно киники сделали бедность образом жизни, а вещи и одежду бедняков – нищенский плащ, котомку и посох – атрибутами философа.

Достаточно мощная тенденция негативного отношения к богатству и позитивной оценки бедности существовала в раннем христианстве (но лишь тенденция). Прямое осуждение богатых содержит Нагорная проповедь: «... горе вам, богатые! Ибо вы получили уже свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! Ибо взалчете».² Крайне отрицательно евангелисты оценивают и накопление богатств.³ Верующий должен не заботиться о том, что ему есть и пить, но уподобиться птицам небесным,

¹ Зомбарт В. Торгаши и герои: раздумья патриота / В. Зомбарт. – Собр. соч. в 3 т. – Т.2. – СПб, 2005. – С.9-14

² Лука, 6:24-25.

³ Матфей, 6:19.

которые не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и полевым лилиям, которые не трудятся, не прядут.¹

Напротив, бедность выступает в ряде евангельских притч как желательное состояние для христианина: «Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим... истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Божие».²

П. Сорокин в своей работе «Голод и идеология общества» высказал точку зрения, согласно которой появление эгалитаристских и коммунистических взглядов объясняется «пищевым детерминизмом»: сторонники этих взглядов, по его мнению, происходят почти исключительно из голодных и нищих, которые видят невыгоды своего положения по сравнению с богатыми и сытыми: «важно лишь то, чтобы идеология благословляла на акты раздела, поравнения, чтобы она прямо на них наталкивала, их одобряла. А почему, на каком основании – это дело десятое».³ Если же та или иная социальная группа, «являясь носителем коммунистической и сродных идеологий в бедном состоянии», богатеет, то она отказывается от прежней идеологии, «декоммунизируется», ее стремление к захвату достояния других групп и лиц слабеет.⁴

Тем не менее, даже в раннем христианстве отношение к бедности и богатству нельзя однозначно характеризовать как одобрение первого и порицание второго, что мы постараемся показать ниже.

¹ Матфей, 6:25-28.

² Там же, 19:21, 23. Ср.: Марк, 10:21-24, Лука 18:22-25.

³ Сорокин П. Голод и идеология общества / П. Сорокин / Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. – М.: Academia & LVS, 2003. – С.501

⁴ Там же. – С. 522

Одним из наиболее ярких представителей данного типа отношения у бедности и богатству в индустриальную эпоху был П.Ж. Прудон (1809-1865). Он полагал, что человечество «бедно и должно быть бедным, потому что без этого оно впадает, вследствие обмана чувств и соблазна ума, в животность, развращается телесно и душевно».¹ Это соображение морального характера подкреплялось несложными экономическими расчетами: поделив величину национального дохода Франции на численность населения этой страны, Прудон определил величину среднего душевого дохода, оказавшуюся весьма скромной (87 сантимов в день). При этом предположение, что национальный доход может быть значительно увеличен, он категорически отверг, так как, по его мнению, это увеличение будет сведено на нет ростом населения. Таким образом, считает Прудон, человечество обречено жить в бедности, и это нормальное состояние человека.

Таким образом, хотя взгляды П.Ж. Прудона о пользе бедности отчасти совпадают с взглядами социал-дарвинистов (Г. Спенсера, У. Самнера и др.), также рассматривавших бедность как естественное и полезное для общества явление. Но негативное отношение Прудона к богатству достаточно резко отделяет его взгляды от социал-дарвинистских, поскольку те были поборниками естественного неравенства и выживания сильнейших; считая бедность необходимой, социал-дарвинисты оценивали это состояние и пребывающих в нем людей скорее негативно, с презрением, отношение же Прудона, как мы постарались показать, диаметрально противоположны.

¹ Прудон П.Ж. Бедность как экономический принцип / П.Ж. Прудон / Что такое собственность. – М.: Республика, 1998. – С.218

К данному типу отношения к бедности и богатству также, возможно, должна быть отнесена критическая теория общества, выработанная мыслителями Франкфуртской школы, в особенности Г. Маркузе (1898-1979). Близки к ней взгляды и Э. Фромма (1900-1980).

Г. Маркузе резко осуждал индустриальное общество как общество, навязывающее людям ложные потребности: это «потребности, закрепляющие тягостный труд, агрессивность, нищету и несправедливость». Между тем, по его мнению, «безоговорочное право на удовлетворение имеют только первостепенные потребности: питание, одежда, жилье в соответствии с достигнутым образом культуры».¹ Г. Маркузе относит к ложным потребностям потребности расслабляться, развлекаться, потреблять и вести себя в соответствии с рекламными образцами. Эти потребности сковывают развитие индивида, развивают в нем социальную конформность и облегчают манипулирование им, так как фактически ограничивают его выбор. Это характеризуется как состояние бедности, «как культурной, так и физической».²

Выход Г. Маркузе видит в «Великом Отказе»: не подчиняться требованиям системы, не бороться за жалкие улучшения, а порвать с репрессивным «обществом изобилия» в принципе. Правда, Г. Маркузе оговаривается, что «освобождение от общества изобилия не означает возврата к здоровой и простой бедности, моральной чистоте и простоте»³ (тем не менее, какими положительными качествами он наделяет бедность!). Поэтому не ис-

¹ Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М.: «REFL-book», 1994. – С.6-7

² Маркузе Г. Эрос и цивилизация / Г. Маркузе. – Киев: «ИСА», 1995. – С.98-99

³ Там же. – С.317

ключено, что взгляды Г. Маркузе следовало бы отнести к предыдущему типу (отрицательное отношение и к бедности, и к богатству). Тем не менее, попытка реализации концепции «Великого Отказа» на практике в конце 1960-х гг. привела к появлению движения хиппи и контркультуры, сделавших акцент именно на добровольную бедность и на постматериалистические ценности (дружба, любовь и др.).

Сходные идеи, в сущности, высказывались и Э. Фроммом. Э. Фромм резко осуждает людей с рыночным (или «отчужденным») характером, поставивших целью своего существования «обладание». Им он противопоставляет людей, руководствующихся «модусом бытия», которые стремятся, прежде всего, к внутренней самореализации и общению с другими людьми: царевича Будду, «сыновей и дочерей богачей Римской империи», принявших христианство, русских народников, «восставших против праздности и несправедливости окружающей их действительности», а также современных ему хиппи и активистов «внепарламентской оппозиции» 1960-1970-х гг.¹

Осуждая богатство и роскошь, Э. Фромм далеко не столь однозначен в своем отношении к бедности. По его мнению, и капитализм, и реальный социализм стремятся к экономической эффективности и богатству. Через 100 или 50 лет все будут хорошо одеты и сыты, заявлял он, но стоит ли к этому стремиться, если жизнь утратит смысл? Говоря о «здоровом» обществе или обществе «коммунитарного социализма», Э. Фромм делал акцент на осмысленности существования и труда. Что же касается материального достатка, он ограничился замечани-

¹ Фромм Э. «Иметь» или «быть» / Э. Фромм. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – С. 163-164

ем, что «необходим такой доход, который составлял бы основу достойного человеческого существования».¹

Если из сказанного можно сделать вывод, что Г. Маркузе и Э. Фромм считали, что индивиду и обществу лучше быть несколько беднее в материальном отношении («иметь»), но создать возможности для более полной реализации личности («быть»), то их взгляды более соответствуют рассматриваемому типу отношения к бедности и богатству, чем какому-либо другому.

III тип отношения к богатству и бедности состоит в том, что и бедность и богатство рассматриваются как ценности нейтральные или положительные. Ни бедный, ни богатый не рассматриваются в данном случае как социальные типы, заслуживающие порицания и презрения.

Подобный взгляд восходит к одной из наиболее авторитетных философских школ античности – стоикам. Все предметы окружающего мира и качества они рассматривали как благо, как зло или ни то, ни другое («безразличное»). Правда, среди последней категории стоики выделяли «избегаемые» предметы и состояния (к ним как раз и относилась бедность), и, напротив, «предпочитаемые» (в том числе и богатство).² Таким образом, богатство и бедность, здоровье и болезнь, согласно стоикам, безразличны в этическом отношении, все же лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным, хотя ни то, ни другое состояние не являются ни истинным благом, ни истинным злом. По мнению Сенеки, «богатство – не благо; если бы оно им было, оно делало бы людей хорошими; но это не так; а поскольку то, что мы находим у

¹ Фромм Э. Здоровое общество / Э. Фромм. Мужчина и женщина. – М.: АСТ, 1998. – С. 413

² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, VII, 53.

дурных людей, не может называться хорошим, постольку я не соглашаюсь называть его этим именем. В остальном же я признаю, что оно полезно, доставляет много жизненных удобств и потому его следует иметь».¹ Влияние стоицизма на христианство представляется бесспорным; возможно, это касается и отношения к бедности и богатству.

Христианство, если рассматривать совокупность его положений в целом, не третирует ни бедных, ни богатых. Когда Закхей, крупный сборщик податей, сообщил о том, что отдал бедным половину имущества, Иисус объявил и его спасенным и привел в пример.² Торговые и ростовщические операции также выглядят в Евангелиях совершенно законными.

На попытку сглаживания тенденции, которую можно назвать «пауперистской», указывает и текст Нагорной проповеди: богатым противопоставляются в ней не бедные, но «нищие духом», «алчущие и жаждущие правды».³ Это не нищие и голодные в прямом смысле слова, но жаждущие истины и справедливости, а это в социальном отношении может быть, вероятно, кто угодно.

В средневековье бедность понималась как естественная и вполне приемлемая форма существования для малоимущих людей, что находило выражение в канонизации образов бедствующих людей и образовании нищенствующих монашеских орденов. Их бедность воспринималась как осознанный выбор, способствующий духовному облагораживанию и самих бедных, и тех, кто им помогает, так как помощь бедным считалась богоугодным делом. В то же время, как подчеркивает В. Зом-

¹ Сенека. О блаженной жизни, XXIV. 5.

² Лука, 19:8-10.

³ Матфей, 5:3, 6; Лука, 6:20-21.

барт, средневековые схоласты считали богатство, как и бедность, угодным Богу состоянием.¹

Отношение к богатству и бедности в религиозной доктрине христианства оказало значительное (а порой и определяющее) воздействие на многих мыслителей, рассматриваемых в данном параграфе. Так, взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса так или иначе отталкивались от представления о евангельской бедности. Реинтерпретация понятий «бедность» и «богатство» в протестантской этике, напротив, стимулировала исследование М. Вебером и В. Зомбартом проблем генезиса и социальных последствий капитализма.

IV тип отношения к богатству и бедности состоит в том, что богатство характеризуется положительно, тогда как бедность – отрицательно. Здесь возможны варианты, связанные с разделением качества и субъекта. Так, негативно может характеризоваться и состояние бедности, и люди, которым оно свойственно: бедняки характеризуются как люди бесчестные, малодушные, наглые, недостойные и пр. Эта тенденция характерна для мыслителей протестантских стран, начиная с Т. Гоббса, позже – социал-дарвинистов и неоконсерваторов. Бедность здесь выступает негативно характеризуемым, но естественным и поэтому неизбежным состоянием. Но при этом бедные начинают отождествляться с опасными классами. Бедняк и нищий становятся синонимами бездельника и бродяги. «Желание быть бедным было бы равносильно, как часто указывается, желанию быть больным и достойно осуждения... Что же касается нищенствования, которому предается человек, способный работать, то это не только

¹ Зомбарт В. Буржуа. – С.304

грех бездеятельности, но и, по словам апостола, нарушение завета любить ближнего своего».¹

В то же время при всех негативных оценках бедности вполне возможно и сочувственное, симпатизирующее отношение к беднякам, вдохновлявшее социальных реформаторов XIX-XX вв.

Таким образом, мы рассмотрели взгляды мыслителей, обращавшихся к проблеме бедности, богатства и социального неравенства, сведя их к четырем основным типам оценок этих феноменов. У нас получилось четыре (а с учетом двух тенденций в последнем типе – пять) дуальных образа бедности и богатства.

Примечательно, что получившаяся типология обнаруживает определенную корреляцию с известной типологией способов приспособления или адаптации индивидуума к социальным условиям, предложенной Р. Мёртоном. На следующей таблице, взятой из работы Р. Мертона «Социальная структура и аномия»², (+) означает «принятие», (–) – «устранение» и (±) – «отказ и замену новыми целями и стандартами».

	Определяемые культурой цели	Институционализованные средства
I. Подчинение	+	+
II. Инновация (обновление)	+	–
III. Ритуализм	–	+
IV. Ретретизм (уход от жизни)	–	–
V. Мятеж	+/-	+/-

¹ Вебер М. Избранные сочинения. – М.: Прогресс, 1990. – С.191

² Мертон Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С.305

Действительно, тот тип адаптации, который был определен Р. Мёртоном как мятеж или «освобождение от господствующих стандартов, являющееся результатом неудачи или ограниченности перспектив», «попытка ввести «новый социальный порядок»¹, тесно связан, по нашему мнению с первым из выделенных выше типов отношения к бедности и богатству: Бедность – «←»; Богатство – «←→».

Ретретизм или уход от общества коррелирует со вторым из выделенных нами типов отношения к бедности и богатству, позитивно оценивающим лишь бедность: Бедность – «+»; Богатство – «←». Следует оговориться, что Р. Мёртон крайне неприязненно характеризует тех, кто выбрал данный способ адаптации, определяя их как «психопатов, психоневротиков, лиц, страдающих хроническим психическим расстройством, выражающемся в уходе от реального мира во внутренний мир болезненных переживаний, париев, отщепенцев, праздношатающихся, бродяг, хронических алкоголиков и наркоманов».² Думается, что ни киники, ни первые христиане, ни хиппи в массе своей не были таковыми; образ психопата и отщепенца – это во многом сконструированный мнением большинства образ «общественно опасного индивида».

Два других выделенных нами типа отношения к бедности и богатству нельзя соотнести с мертоновской классификацией столь однозначно. Тип III, положительно оценивающий как бедность, так и богатство, в большей мере сходен с типом приспособления, названным Р. Мертоном подчинением или конформизмом, когда индивид принимает и цели, предписываемые данной культу-

¹ Мертон Р. – С.307

² Мертон Р. – С.306

рой, и средства. Впрочем, он, вероятно, также может сочетаться с типом приспособления, характеризуемым Р. Мертоном как ритуализм, когда первостепенное значение придается не определяемой данной культурой цели, а легитимности средств.¹ Последний же тип отношения к бедности и богатству (Бедность – «-»; Богатство – «+») в определенной мере коррелирует, по нашему мнению, с типом приспособления, называемой Мёртоном «инновацией». Разве капитал в период первоначального накопления, да и позже, не действовал зачастую по принципу «цель оправдывает средства»? С точки зрения других типов отношения к бедности и богатству, стремление к богатству любой ценой и презрение к бедности может рассматриваться как недостойное или даже преступное намерение. Мы уже постарались показать, что именно таким образом характеризовали богатых первые христиане, К. Маркс и Ф. Энгельс, В. Зомбарт, Э. Фромм и др. В то же время для тех, кто оценивает богатство и богатых сугубо позитивно, а бедность – скорее негативно (повидимому, к их числу относились и Т. Парсонс – основатель структурного функционализма, и его последователь Р. Мертон), сторонники негативной оценки богатства выглядят как девиантные и неадекватные личности – «психопаты, психоневротики, отщепенцы и т.д.».

Но почему, однако, разные типологии, имеющие в своей основе разные основания (приспособления индивида к социальным условиям и отношение к бедности и богатству) обнаруживают столь высокую степень сходства?

По всей видимости, дело в том, что по одному из параметров («цели, намерения и интересы, определяемые

¹ Мертон Р. – С.307

данной культурой») типология Р. Мёртона фактически характеризует отношение индивида к богатству и финансовому успеху, которые являются, по мысли Р. Мертон, главными ценностями американского общества.¹ В то же время, когда эти ценности берутся в ином, более широком социально-историческом контексте, обнаруживается, что их доминирование не столь безраздельно.

Таким образом, анализ социально-философских взглядов мыслителей прошлого и современности позволил выделить четыре основных подхода к оценке бедности и богатства, отражающих четыре ценностные системы. Получившаяся типология обнаруживает определенную корреляцию с известной типологией способов приспособления или адаптации индивидуума к социальным условиям, предложенной Р. Мёртоном, поскольку главной ценностью в последней выступает богатство (финансовый успех).

А.И. Хуснутдинова
аспирант КГТУ

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАНЯТОСТИ И БЕЗРАБОТИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Уже первые шаги по пути рыночных реформ показали неодинаковое воздействие социально-экономической трансформации на положение мужчин и

¹ Мертон Р. – С.304

женщин в обществе. Переход к рынку сопровождается, с одной стороны, свертыванием социальных программ и социальной сферы, а с другой - повышением требований, предъявляемых к рабочей силе. В этих условиях женщины, на которых традиционно лежит забота о семье, будут ущемлены в большей мере, чем мужчины, как в семейной, так и в производственной сфере.

Традиционно при рассмотрении вопросов женской занятости в гендерных исследованиях первостепенное внимание уделялось таким проблемам, как плохие условия труда, профессиональная и отраслевая сегрегация женщин, более низкая, по сравнению с мужчинами, оплата труда, ограниченные возможности квалификационного, и должностного роста и др. Сегодня в связи с активизацией рыночных реформ, экономическим кризисом и безработицей уже не проблема оплаты труда и качества рабочих мест, а сама возможность иметь оплачиваемую работу становится для женщин основным вопросом, от которого зависит благосостояние, а часто и выживание их семей.

Женщины составляют более половины (53,2%) населения России и 47,2% ее трудовых ресурсов. Однако нельзя сказать, что они активно участвуют в процессе социально-экономических преобразований.

В условиях материальных лишений, потери работы или низкой заработной платы привычные стратегии занятости работающих видоизменяются, но только в исключительных случаях инновационные практики становятся перспективными в решении материальных проблем.

Распространенная в советское время «двойная» занятость, когда женская зарплата дополняет доходы мужчины, выгодна только в том случае, если оплата женского труда превосходит официально доступные пособия и

социальные гарантии, а также расходы, связанные с выходом на работу. В идеале с ростом мужских доходов такая стратегия «удобной работы» могла бы завершиться добровольным выходом женщин с рынка труда. Однако изъятие женских доходов из семейного бюджета, даже при наличии «надежного» супруга, профессионала, занятого в достаточно благополучной отрасли экономики и получающего заработную плату выше среднего, не просто снижает уровень жизни, а толкает сначала в число официальных бедных, а потом вновь на рынок труда.

Усугубляет ситуацию то, что в большинстве случаев женщины имеют низкую квалификацию, позволяющую сегодня претендовать лишь на малооплачиваемые рабочие должности уборщиц, санитарок, нянь и продавцов. В случае отсутствия возможности повысить квалификацию или найти более высокооплачиваемое место по имеющейся специальности на экономически стабильных предприятиях, ранее «удобное» рабочее место перестает быть привлекательным. Это влечет за собой неформальную занятость, а затем и создание собственного рабочего места, устраивающего по временным затратам и доходу. Как правило, такого рода самозанятость не является денежной. Она лишь компенсирует утраченный уровень заработной платы и в лучшем случае позволяет поддерживать благосостояние семьи на прежнем уровне. Такой прототип гибкой занятости по мере необходимости может быть прерван возвратом к традиционной стабильной занятости для выработки стажа или получения социальных гарантий.

Успешной и наиболее перспективной с точки зрения решения материальных проблем является трансформация стратегии «удобной работы» в гибкое предпринимательство. Оно стало эффективным способом решения

проблемы совмещения дохода и ведения домашнего хозяйства, остающегося женским уделом. Однако реализоваться в этом направлении могут единицы из-за отсутствия сбережений, необходимых для открытия дела, а также из-за отсутствия определенных профессиональных навыков и умений. Более того, испытания мелкого предпринимательства на прочность со стороны государства, рэкет и давление крупных конкурентов не гарантируют от возврата к прежней стабильной занятости по имеющейся профессии.

Мужские стратегии занятости работающих также развиваются во взаимодействии с возможностями регионального рынка труда и трудовой активности партнера. Сохранение рабочего места и специализация мужчин возможны при условии достаточно высокого уровня образования и квалификации. Однако это не является достаточным основанием для семейного благополучия, зависящего также от доходов партнера. В случае работы в нестратегической, а значит, менее оплачиваемой отрасли регионального хозяйства, к примеру, медицинской, а также низких доходов партнера мужская специализация по профессии возможна только в ущерб материальному достатку семьи. Стремление сохранить малооплачиваемое, но привычное рабочее место без изменения рыночной конъюнктуры этой отрасли или специальности лишает смысла такую «доходную» стратегию занятости и ведет к ограничению потребностей семьи.

Мужским вариантом неперспективной стратегии занятости можно назвать выбор такого типа занятости, который, несмотря на низкую оплату труда, совпадает с представлениями об «адекватной» оплате труда в единицу рабочего времени. Как правило, большинству мужчин с низкими профессиональными и социальными ресурса-

ми (каких большинство в нашей выборке) такая работа не позволяет содержать семью, а зачастую невыгодна из-за затрат. В таком случае мужчины отдают предпочтение безработному состоянию, а не постоянной и малооплачиваемой работе (женский вариант). Они предпочитают не работать, подрабатывать для обеспечения минимальных потребностей, компенсируя нестабильность доходов от занятости стабильной государственной поддержкой. Постепенно формируется новая стратегия выживания «недееспособного мужчины» (безработного, инвалида, пенсионера) и случайных приработков, часто сочетающаяся с депрессией, алкоголизмом и последующей деморализацией. Экономическая несостоятельность мужа или отсутствие такового ориентируют женщин на любую работу, часто непривилегированную, позволяющую иметь небольшой, но стабильный доход.

Противоположный способ решения материальных проблем и успешной стратегии занятости мужчин связан с активными подработками или мигрирующей занятостью в поисках доходного места. Однако, предпочтение все же отдается стабильной и оплачиваемой работе на благополучных предприятиях.

Таким образом, сегодня среди официальных безработных и работающих происходит трансформация модели «взаимной ответственности за обеспечение семьи и женской ответственности за домашнюю работу». Основные признаки новой модели: женская ответственность за обеспечение семьи и ведение домашнего хозяйства на фоне усиления тенденции роста неполных семей, семей без мужчины. С одной стороны, усиливается материальная составляющая в трудовой активности мужчин и женщин, а с другой – наблюдается инверсионная практика занятости.

Наиболее ярко инверсия проявляется в обмене ролями, когда женщина в силу ее стабильной занятости становится ответственной за обеспечение семьи, а мужчина – ответственным за ведение домашнего хозяйства. Однако этот обмен обеими сторонами воспринимается отклонением от нормы и временной мерой.

Проявление инверсии в других случаях менее явно, но также имеет место. Данная тенденция проявляется там, где женская занятость становится своего рода страховкой от нестабильности семейной жизни, нестабильности «кормящей» роли мужа. Таким образом, «удобная» стратегия женщин становится «доходной», что при низкой оплате женского труда не решает проблемы бедности, а позволяет жить на грани выживания. На фоне сохранения гендерного норматива восприятия домашней работы как женской доли среди женщин все больше утверждается подретушированный и известный идеал «комплексной занятости»: работы, которая бы позволяла быть с ребенком, обеспечивать семью, получать социальные пособия, реализовывать свой интерес и общаться.

Наконец, инверсия проявляется в том, что, несмотря на кажущееся разнообразие возможностей формирующегося рынка труда, мужским идеалом доходной занятости остается привычная занятость. Таким образом, изначально «доходная» стратегия мужчин приобретает оттенок удобства.

Данная проблема достаточно разработана на современном этапе, однако представляет чрезвычайный научный интерес и требует дальнейшего изучения.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И.Р. Гафуров, Е.В. Куппер, А.Р. Гарифзянова.</i> Изменение демографической ситуации в разрезе малого города (опыт мониторинга).....	3
<i>А.Л. Салагаев.</i> Провинциальная вузовская социология: этапы развития.....	14
<i>Л.С. Астахова, Я.В. Бухараев.</i> Роль и место социального прогнозирования в государственном управлении социальными объектами.....	24
<i>И.Н. Федоров.</i> История специальных семинаров в немецкой высшей школе.....	30
<i>Л.С. Астахова.</i> Государственное «управление» религиозным поведением.....	40
<i>Р.У. Семенова.</i> К вопросу о теоретической легитимности субдисциплины «политическая мораль» и ее соотношении с политической наукой.....	52
<i>Р.У. Семенова.</i> Нравственное содержание политических отношений: феномен и детерминанты.....	58
<i>П.И. Гайденко.</i> К вопросу об эволюции высшего церковного управления (дело митрополита Иллариона и архиепископа Луки Жидяты).....	71
<i>Л. Галиев.</i> Социологический подход к исследованию духовного потенциала сельского учителя.....	90
<i>Ю.Л. Сироткин.</i> Суггестивность курсантов и слушателей КЮИ МВД России.....	95

<i>С.Л. Таланов.</i> Воспитание несовершеннолетних в неполной семье (региональный аспект).....	99
<i>П.И. Гайденко.</i> К вопросу об источниках библейских правовых норм в древнерусском законодательстве XI в.	102
<i>В.Е. Туманин.</i> Изучение истории славян в Казанском университете (XIX-начало XX вв.).....	121
<i>Р.У. Семенова.</i> Моральная демагогия и политика.....	145
<i>К.М. Дулльева.</i> Французские заимствования в глагольной лексике с компонентом приготовления пищи в английском и русском языках.....	151
<i>Д.Е. Мартынов.</i> О понятии «гуманитарная технология» в квантово-механической картине мироздания (на примере исторической науки).....	157
<i>Л.Г. Большакова, А.Ф. Корсаков.</i> Инновационный характер предоставления культурных услуг в муниципальных образованиях.....	184
<i>К.М. Дулльева.</i> Тематические группы глаголов приготовления с компонентом пищи на примере английского и русского языков.....	205
<i>А.И. Тетельман.</i> Синтез жанровых начал «Poems in prose» О. Уайльда.....	209
<i>Я.В. Бухараев.</i> Отношение государственно-управленческой элиты к проблеме места и роли Военно-морских сил в системе организационно-хозяйственных отношений Российского общества рубежа XIX-XX вв. (историографический анализ).....	216

Л.С. Астахова.

Религиозное поведение: отклоняющиеся формы
(на примере насыщенного описания наблюдения
за бабушками на православном приходе) 233

О.В. Рузанова, Ф.Н. Рузанов.

Педагогические условия повышения качества
высшего образования в России и США 241

М.З. Ярмиев.

Бедность и богатство в работах социальных мыслителей:
типология оценок 248

А.И. Хуснутдинова.

Гендерные аспекты занятости и безработицы
в современном российском обществе 263

Электронная библиотека ИСГЭ

Научно-практическое издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ**

Выпуск 6

**ТОМ 1
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Научный редактор: К.Н. Пономарев

Редакционная коллегия: М.М. Галимов, М.Д. Щелкунов, М.Х. Фарукшин,
И.З. Шахнина, О.И. Алеев, В.И. Зуев, С.Н. Астахов, М.Н. Александрова

Издательство «Юниверсум». 420012, Казань, ул. Достоевского, 10.
Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура New Roman. Тираж 200 экз.

ISBN 0-00000-000-1 (т.1)

© Александрова М.Н., Астахов С.Н., составление, 2007
© Оформление. Издательство «Юниверсум», 2007